

Министерство образования и науки Российской Федерации
Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д.Ушинского

Вопросы отечественной и зарубежной истории

Материалы конференции «Чтения Ушинского»
исторического факультета

Ярославль
2005

ББК 63.3 (2) Я 434 +
63.3(0) Я 434
УДК 930, 930: 372.8,
93/99; 930.9, 93/99 (4/9)

Печатается по решению
редакционно-издательского
совета ЯГПУ им.К.Д.Ушинского

Вопросы отечественной и зарубежной истории: Материалы конференции «Чтения Ушинского». Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д.Ушинского, 2005. 264 с.

Редколлегия: Л.М.Архипова, профессор, доктор истор. наук
(отв. ред.),
Г.Н.Кочешков, профессор, доктор истор. наук,
М.В.Новиков, профессор, доктор истор. наук
(отв. ред.),
А.Б.Соколов, профессор, доктор истор. наук,
А.С.Ходнев, профессор, доктор истор. наук

ISBN 5-87555-407-X

©Ярославский государственный
педагогический университет
им. К.Д.Ушинского, 2005

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

М.В. Талашов (ЯГПУ)

Проблема славяно-хазарских отношений в отечественной историографии XX в.

На протяжении более чем двух столетий проблема славяно-хазарских отношений оставалась одной из ведущих проблем российского хазароведения, являясь важным показателем становления и развития последнего в качестве особой исторической дисциплины. В XX в. изучение славяно-хазарских взаимосвязей приобрело особую специфику в силу мощного давления идеологического пресса и вмешательства властей в исследовательскую работу советских ученых.

Первые попытки осветить отдельные вопросы исторического прошлого Хазарского каганата относятся ко 2 п. XVIII – 1 п. XIX вв. и связаны с развернувшейся в отечественной науке дискуссией между противниками и апологетами норманнской теории. Содержание дискуссии и ограниченность источниковой базы, состоявшей преимущественно из византийских хроник и русских летописей, обусловили актуальность изучения проблемы славяно-хазарских отношений. В зависимости от оценок характера “хазарской дани” и ее влияния на историческую эволюцию восточнославянских племен в отечественной историографии сложились две противоположные друг другу традиции: 1.) “прославянская”, или “антихазарская”, видевшая в вассально-даннических отношениях между хазарами и восточными славянами серьезное препятствие для социально-экономического и государственного развития последних (В.Н. Татищев)¹; 2.) “прохазарская”, усматривающая в “хазарском иге” благоприятный фактор для становления русской государственности и социально-

экономического развития восточных славян (Н.М. Карамзин, Г. Эверс)². Данное направление получило преимущественное развитие и являлось доминирующим на протяжении XIX в., сохранив ведущие позиции в начале следующего столетия.

Революционные события 1917 г. привели к длительной паузе в развитии отечественного хазароведения. Переход российской науки на рельсы марксистской методологии имел следствием ревизию основных подходов к изучению проблем отечественной истории. В таких условиях интерес к историческому прошлому Хазарского каганата временно угас. Отдельные вопросы хазарской истории могли рассматриваться лишь в русле проблемы славяно-хазарских отношений. Изучение последней в 20-е – 40-е гг. не выходило за рамки “прохазарского” направления и продолжало опираться на положения, выдвинутые дореволюционными историками (В.О. Ключевским, П.В. Голубовским, М.С. Грушевским и др.)³. Однако, в отличие от российских исследователей к. XIX – н. XX столетий, советские ученые были склонны к значительному преувеличению “позитивного” влияния “хазарского ига” на эволюцию восточнославянского общества. Критика “норманизма” вела к необходимости поиска альтернативного центра политического и культурного воздействия на славянские племена, и такой центр виделся в Хазарии. При этом в зависимости от характера славяно-хазарских отношений ставилось не только социально-экономическое и культурное развитие восточных славян, но и генезис древнерусской государственности (В.П. Пархоменко, В.В. Мавродин)⁴. В данных концепциях положение о преобладающем хазарском влиянии на территории восточнославянских племен сочеталось с тезисом о древности (или исконности) бытования славянских поселений в Приазовье, что привело

к возобновлению дискуссии о существовании Тмутараканской Руси, крайне актуальной в середине XIX – начале XX столетий.

Поворотным пунктом в научных дебатах по данному вопросу стали результаты археологических раскопок, проводившихся в 20-30-х гг. под руководством Ю.В. Готье, М.И. Артамонова и И.И. Ляпушкина. Они установили отсутствие следов славянского населения на Нижнем Дону, показав невозможность формирования альтернативного центра древнерусской государственности в Приазовье. Накопленный исследователями материал позволил выделить самостоятельную салтово-маяцкую археологическую культуру, создателями которой были объявлены аланские и праболгарские племена, обитавшие в регионе Волго-Донья (М.И. Артамонов, И.И. Ляпушкин)⁵. Опираясь на данные археологических раскопок, Ю.В. Готье выдвинул более взвешенную концепцию славяно-хазарских отношений, отвергнув гипотезу о существовании Приазовской Руси и положение об определяющей роли Хазарского каганата в формировании централизованного Киевского государства⁶. Выводы ученого, поддержанные одним из ведущих историков того периода, Б.Д. Грековым, по сути, стали официальной позицией советской науки по проблеме славяно-хазарских отношений и вошли в учебники по истории СССР для исторических факультетов вузов⁷.

Начало 50-х гг., прошедшее под знаком “борьбы с космополитизмом”, было ознаменовано острой критикой концепций, преувеличивавших влияние “хазарского фактора” в отечественной истории. Ее результатами стало временное прекращение исследований, связанных с внутренними проблемами исторического развития Хазарии, и возрождение “прославянской” (или “антихазарской”) традиции в изучении славяно-хазарских

отношений (П. Иванов, Б.А. Рыбаков)⁸. Ее представители видели в каганате основное препятствие для социально-экономической эволюции восточнославянского общества и генезиса древнерусской государственности, Хазария представала в качестве мелкого “паразитирующего” образования, лишенного производящей экономики и существующего за счет таможенных пошлин и сбора даней. При такой оценке уровня развития каганата зависимость восточнославянских племен от хазар либо считалась кратковременной (Б.А. Рыбаков), либо приобретала эксплуататорский характер (П. Иванов).

Смерть И.В. Сталина и последовавшая за ней либерализация общественной и научной жизни страны предопределили возвращение советских историков к вопросам исторического прошлого Хазарии. Вторая половина 50-х – начало 60-х гг. были отмечены публикацией трудов Волго-Донской экспедиции и “Истории хазар” М.И. Артамонова, в центре внимания которых находились проблемы истории и культуры Хазарии⁹. В то же время возобновились активные археологические работы на территории Волго-Донья, преследовавшие целью выявление материалов, относящихся к эпохе существования Хазарского государства. Энциклопедический труд М.И. Артамонова подвел итоги предшествующим исследованиям по хазарской истории и сделал необходимым продолжение научных изысканий на основе новых источников.

Особый интерес советских историков по-прежнему вызывала проблема славяно-хазарских отношений. Критика концепций, разработанных в рамках “прохазарской” традиции, привела к резкой смене приоритетов: господствующее положение в отечественной историографии заняли негативные оценки влияния “хазарского ига” на социально-экономическое развитие и

генезис государственности у восточнославянских племен. М.И. Артамонов, подчеркивавший прогрессивную роль каганата на раннем этапе его существования, отказал в таковой Хазарии IX – X столетий, придя к выводу об эксплуататорском характере “хазарского ига” для покоренных этносов в условиях политической гегемонии иудаизированной элиты. В данном отношении позицию М.И. Артамонова можно считать компромиссной: она сочетает в себе элементы концепций, разработанных в русле “прохазарской” традиции, с основными положениями ее критиков - П. Иванова и Б.А. Рыбакова, выдвинутыми в период “борьбы с космополитизмом”.

Вывод М.И. Артамонова об эксплуататорском характере “хазарской дани” для восточных славян получил дальнейшее развитие в отечественной историографии. В гиперболизированной форме он был воспринят Л.Н. Гумилевым и А.М. Макаровым, видевшими в режиме, установленном хазарами на покоренных территориях, иго иноземных поработителей и ставившими дальнейшее развитие восточнославянских племен в зависимость от их скорейшего освобождения из-под власти каганата¹⁰. Попытку отказаться от преувеличенно негативных оценок славяно-хазарских отношений предпринял А.П. Новосельцев, однако в его исторических построениях хазары продолжали выступать в качестве “завоевателей”, а “хазарская угроза” являлась катализатором формирования древнерусской государственности¹¹.

Важнейший недостаток концепций, разработанных в рамках “прославянской” (или “антихазарской”) традиции, заключается в том, что все они созданы с исключительной опорой на данные письменных источников. Вместе с тем, именно результаты археологических раскопок в совокупности с постепенным смягчением политического режима в годы “перестройки” обусловили возрождение

“прохазарской” традиции в освещении славяно-хазарских отношений.

Археологический материал не давал оснований судить о состоянии тяжелого экономического угнетения в славянских поселениях, обнаруженных в бассейне Верхнего Дона и Северского Донца на территории, занимаемой салтово-маяцкой культурой. Исследования привели к выявлению активных торговых и культурных взаимосвязей между салтовцами и славянскими мигрантами, что позволило сформулировать вывод о взаимовыгодном “сосуществовании” двух этносов в указанном регионе (А.З. Винников, В.В. Колода)¹². На основании комплексного анализа письменных и археологических источников ряд советских и российских историков отверг тезис об эксплуататорском характере “хазарского ига” для восточных славян (С.А. Плетнева, И.О. Князький) и вновь выдвинул положение о важной роли хазарского экзогенного фактора в формировании и укреплении древнерусской государственности (В.Я. Петрухин, О.М. Приходнюк)¹³.

Опора на археологический материал значительно усилила позиции представителей “прохазарского” направления в изучении славяно-хазарских отношений. В настоящее время исследования, разработанные в данном русле, стоит признать наиболее перспективными, - они полностью отвечают современным тенденциям и потребностям развития отечественного хазароведения.

Библиографический список

1. Татищев В.Н. История Российская: В 7 т. Т. I. М.: Л., 1962. С. 110.
2. Карамзин Н.М. История государства Российского: В 6 кн. М., 1993. Т. I-II. С. 54; Эверс Густав. Предварительные

критические исследования для Российской истории. М., 1826. С. 218-219, 277.

3. Голубовский П. Болгары и хазары, восточные соседи Руси при Владимире Святом // Киевская старина. 1888. Т. XXII. Вып. 7 (Июль). С. 26-68; Грушевский М.С. Киевская Русь. Т. I. Введение. Территория и население в эпоху образования государства. СПб., 1911; Его же. Иллюстрированная история Украины. М., 2001; Его же. История украинского народа. М., 2002; Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций: В 3 кн. Кн. I. Ростов н/Д, 2000.

4. Мавродин В. Древняя Русь (Происхождение русского народа и образование Киевского государства). Л., 1946; Его же. Образование древнерусского государства. Л., 1945; Пархоменко В.А. У истоков русской государственности (VIII – XI в.в.). Л., 1924.

5. Артамонов М.И. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии // Советская археология (Далее - СА – Т.М.). 1940. № VI. С. 130-167; Его же. Средневековые поселения на Нижнем Дону. По материалам Северо-Кавказской экспедиции. Л., 1935; Ляпушкин И.И. Славяно-русские поселения IX – XII столетия на Дону и Тамани // Материалы и исследования по археологии СССР (Далее - МИА – Т.М.). 1941. № 6. С. 191-246.

6. Готье Ю.В. Железный век в Восточной Европе. М.-Л., 1930.

7. Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1944. С. 248.

8. Иванов П. Об одной ошибочной концепции // Правда. 1951. 25 дек. № 359 (12196). С. 3; Рыбаков Б.А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси // СА. 1953. № XVIII. С. 128-150; Его же. Русь и Хазария // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия: Сборник статей. М., 1952. С. 77-88.

9. Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962; Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. I // МИА. 1958. № 62; Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II // МИА. 1959. № 75; Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. III // МИА. 1963. № 109.
10. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 2001; Его же. Зигзаг истории // Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. М., 2001. С. 251-362; Его же. Сказание о хазарской дани (опыт критического комментария летописного сюжета) // Там же. С. 221-241; Его же. Трагедия на Каспии в X в. и "Повесть временных лет" // Там же. С. 242-250; Макаров А.М. Сокрушение Хазарского каганата Святославом – www.lib.km.ru/page.asp?id=9682.
11. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа - www.kulichki.com/~gumilev/NAP/nap0153.htm#nap015para02.
12. Винников А.З. Донские славяне и Хазарский каганат // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. К 100-летию со дня рождения М.И. Артамонова. Тезисы докладов. СПб., 1998. С. 108-110; Его же. Контакты донских славян с алано-болгарским миром // СА. 1990. № 3. С. 124-137; Колода В.В. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории восточных славян // Хазары. Второй международный коллоквиум. Тезисы. М., 2002. С. 56-58; Его же. Новые материалы к проблеме изучения славяно-хазарских отношений (по памятникам Северского Донца) - www.archaeology.kiev.ua/journal/061101/koloda
13. Князький И.О. Русь, Хазария, иудаизм // Славяне и их соседи. Еврейское население Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы: средние века – начало нового времени. Сборник тезисов XII чтений памяти В.Д. Королюка. М., 1993. С. 26-28; Петрухин В.Я. Варяги и хазары в истории Руси // Этнографическое обозрение. 1993. № 3. С. 68-82; Его же. Начало этнокультурной истории

Руси IX – XI веков. М. – Смоленск, 1995; Его же. Славяне, варяги и хазары на юге Руси. К проблеме формирования территории Древнерусского государства // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992 - 1993 гг. М., 1995. С. 117-125; Плетнева С.А. Хазары. М., 1976; Приходнюк О.М. У истоков хазаро-славянских отношений // Хазары. Второй международный коллоквиум. Тезисы. М., 2002. С. 84-86.

А.В. Бородкин (ЯФ РГГУ)

«Эстонский цех колдунов»: к вопросу о начале Реформации в Ливонии

XVI столетие - славное и одновременно чрезвычайно сложное время в истории Европы. Поэтому настоящий период продолжает привлекать самое пристальное внимание отечественных и зарубежных исследователей¹.

Регионом исследования в настоящей статье является Ливония – средневековая конфедерация, состоявшая из фактически независимых владений и земель светских и духовных феодалов². В результате сложной политической борьбы фактическим главой в регионе стал Ливонский орден. (Далее в тексте – Орден. А.Б.). Формально он являлся вассалом Рижского архиепископа, но с 1330 г. подчинил его своей власти³.

Ливонский Орден был не только крупнейшим землевладельцем региона, но и оплотом Папской курии “на Востоке”. Близость к “землям схизматиков” заставляла Орден вести себя очень агрессивно⁴. Все это сформировало на территории Ливонии особый политический и идеологический “климат”, который просуществовал в стране фактически до ее гибели в результате Ливонской войны⁵. Однако наряду с официальной идеологией в Ливонии существовала многовековая традиция народного

протеста. Под влиянием внешних и внутренних факторов она часто принимала весьма неоднозначные формы, а в XVI веке стала частью Ливонской реформации.

Обобщающих исследований, посвященных указанной проблематике, не существует. В качестве источников по проблеме выступают фрагментарные упоминания в комплексе земельных хроник и актового материала⁶.

Целью настоящей работы является изучение начального этапа Реформации в Ливонии. В качестве территориальных рамок исследования выступает север Ливонии с преобладающим эстонским населением.

Применительно к Ливонии принципиально невозможно говорить о “начале” народных выступлений против католичества. “Традиция протеста”, в широком контексте толкования термина, здесь существовала с момента завоевания. В зависимости от сложности ситуации протест принимал активный или латентный характер. В качестве участников антикатолического протеста выступали в основном крестьяне⁷.

Каждому этапу борьбы эстонского населения с немецкими завоевателями соответствуют свои объективные формы и методы. Особенно интересны в этом отношении XV - XVI вв. Именно в этот период местные немецкие чиновники констатировали возникновение в среде эстонских крестьян «странного» духовного движения. Бродячие проповедники учили, что немецкая мыза (поместье) является настоящим адом на земле, а его владельцы дворяне – слугами дьявола. Природные бедствия и эпидемии приходят в Эстонию как кара за то, что земля передана нечистой силе. Даже чума, по мнению местных жителей, являлась делом рук немцев, которые после эпидемии заметно округляли свои владения за счет крестьянских вымороков⁸. Вскоре стали фиксироваться случаи странных магических обрядов, направленных на

«очищение» эстонской земли от «слуг дьявола»⁹. Католическое духовенство заявило, что вина за создавшуюся в крае ситуацию лежит, прежде всего, на колдунах и ведьмах, а поскольку подавляющее большинство задержанных крестьян были эстами, в Ливонии стали распространяться слухи о «цехе эстонских колдунов».

Первые факты «охоты за ведьмами» фиксируются в Ливонии уже в XIII в., однако, в отличие от XVI столетия, они не носили столь масштабного характера. Начавшаяся в Ливонии кампания совпала по времени с Реформацией и стала ее частью.

Первая проповедь с призывом к Реформации церкви прозвучала в Ливонии в 1517 г. Ее автором был Андрей Кнопкен¹⁰. Для первого этапа Реформации в Ливонии характерно осторожное отношение бюргерства и первые попытки агитации городского плебса. Однако активное распространение идей Кнопкена началось лишь с 1521 г. Эта дата соответствует началу второго этапа. К этому времени в Риге сформировалось «братство грузчиков кораблей». Кнопкен вступил в «братство» в качестве сопредседателя. Вскоре организация стала центром сторонников Реформации. Членом общества состоял и второй лидер движения Ливонской Реформации, Иоахим Моллер, член гильдии разносчиков пива. В этот период в Ливонской Реформации формируются идейные течения. Лидером «умеренных» протестантов становится Кнопкен¹¹.

Он получил неплохое для своего времени образование, что позволило ему даже вести переписку с Эразмом из Роттердама. Все это сформировало Кнопкена яркую харизму народного вождя. Третьим лидером движения стал ученик Кнопкена - Сильвестр Тегетмейр, купец из Гамбурга.

Вначале городской Рат (Совет) был очень сдержан к идеям реформаторов, но затем вопреки давлению епископа разрешил Кнопкену и Тегетмейру читать проповеди в церквях Петра и Павла¹². Вскоре к ним присоединился Мельхиор Гофман, ставший вождем радикального течения¹³.

Первоначально Гофман работал в городке Вальмиере. В 1524 г. он переселился в Тарту и именно здесь выступил с идеями основать “церковь на народной основе, за бесклассовое общество без голода, горя и нищеты”. В отличие от Кнопкена, он призывал активно бороться за новый строй¹⁴.

Центром радикального движения стал Север Ливонии. Более богатая Рига не поддержала революционных идей. Проповеди Гофмана имели успех только у городского плебса и стали поводом к народным волнениям.

14 сентября 1524 года в Таллинне полуторатысячная толпа ворвалась в церковь Святого Духа и уничтожила алтари, иконы и скульптуры. В начале 1525 года был ликвидирован местный доминиканский монастырь. Аналогичные случаи были зафиксированы и в других районах Ливонии. 7 января 1525 года в Тарту был разгромлен алтарь церкви Святой Марии. Аналогичные события произошли и в сельской местности. Члены «цеха эстонских колдунов» уничтожили католические церкви, сожгли иконы и изгнали священников. Однако, как впоследствии убедились лидеры протестантов, они вовсе не собирались следовать идеям Реформации. Более того, приходы, перешедшие под их контроль, возвратились к дохристианским культам. Гофман, обеспокоенный лишь числом своих сторонников, мало обращал на это внимания, однако лидеров «умеренных» подобное положение вещей напугало.

10 января Гофман с толпой из 200 человек захватил Вышгородский замок епископа и Домский капитул. Из Таллинна к месту восстания подошли войска, поэтому Гофман оставил Тарту и уехал в Таллинн. Под нажимом властей он был вынужден покинуть Ливонию, эмигрировав в Данию, где стал одним из вождей анабаптистов. Впоследствии он проповедовал свои идеи в Германии и Голландии, был арестован и умер в тюрьме в Страсбурге. С поражением Гофмана «цех эстонских колдунов» был обречен на уничтожение.

В 1525 г. в Валмиере на ландтаге победили “умеренные”. Они решили ограничить деятельность радикально настроенных собратьев и покончить с нежелательными попутчиками. Их вожди были приговорены к изгнанию, а общины распущены¹⁵. Так начинается третий период Реформации в Ливонии. “События 1525 года” имели и иное продолжение. В 1525 г. магистр Ордена Альбрехт объявил секуляризацию Орденских земель¹⁶. Политические настроения вассалов востока и запада Ливонии весьма отличались. Дворяне западных районов были ближе к основной территории Германии. Они активно включились в Реформацию, исходя из собственных личных и корпоративных целей. Дворяне восточных районов восприняли происходившие процессы негативно. Они опасались репрессий Ордена, о силе которого знали не понаслышке¹⁷.

Однако если рыцари вели себя осторожно, то крестьяне, напротив, перешли к активным действиям. «Цех эстонских колдунов» возглавил массовое народное движение¹⁸.

В 1527 г. дворяне земель Харьюмаа и Вирумаа разгромили алтари местных католических церквей¹⁹. Это стало началом перехода в лютеранство вассалов Ордена, явно испугавшихся размаха крестьянского движения.

Однако многие старинные рыцарские семьи сохранили прежнюю приверженность к католичеству. Это привело к обострению отношений между рыцарством и бюргерами. В 1535 году был арестован по решению магистрата помещик-католик фон Икскюль. Его приговорили к смертной казни за убийство одного из своих крестьян. Ситуация резко осложнилась. На турнире в честь нового магистра Ордена фон Брюнгеня немец-приказчик выбил из седла немца-дворянина, что спровоцировало столкновения между участниками, переросшие в массовые беспорядки.

В 1542 г. из Таллинна был выслан аптекарь Мартин Бек (сторонник Мюнстера), лидер местной анабаптистской общины, призвавший горожан к продолжению борьбы за всеобщее равенство. Очередного вождя радикальной Реформации изгоняют не католики, стремительно теряющие сторонников, а лютеране. Одновременно начались первые судебные процессы над представителями «цеха эстонских колдунов». Власти арестовали некоего крестьянина из владения Курна (Таллинская округа), которого обвинили в «сношениях с нечистым». На суде обвиняемый дерзко признал справедливость обвинения, а на просьбу описать, как выглядит враг рода человеческого, заявил: «Он очень похож на человека... крестьяне должны каждый год выплачивать ему подати, а тех, кто не платят, бьют плетями»²⁰.

К 1543 году в регионе установилось примерное равновесие сил. Враждующие стороны были вынуждены пойти на компромисс. Страх перед эстами и «цехом колдунов» объединил немецкое население. В городах окончательно победило лютеранство. Теперь его придерживались и немцы-дворяне, и немцы-бюргеры. Этим предмет для конфликта был исчерпан. Перемена вероисповедания помещиком автоматически означала перемену веры для крестьян. В 1554 г. ландтаг в Валмиере

провозгласил свободу лютеранства. С победой в Ливонии сторонников умеренной Реформации Орден хоть и не был уничтожен, однако потерял прежние экономические и политические права и стал быстро слабеть.

С этого времени «цехом колдунов» в Эстонии занялись новые духовные власти. Начинается работа по определению его размеров и численности. Поскольку духовные лидеры «цеха эстонских колдунов» были нейтрализованы, а рядовые члены не предпринимали попыток поднять восстание, расследование затянулось до XVII в.

В 1644 г. пастор Урвастеского прихода в Лифляндии И. Гутслаф утверждал, что «местные эстонские крестьяне управляют колдунами и ничего не ведают о Христе». Аналогичные сведения представил в 1642 г. пастор Урвастеского прихода. В 1643 г. Пярнуский земельный суд приговорил к смертной казни 11 крестьян из числа «цеха эстонских колдунов», а их главаря приказал «пытать раскаленными щипцами и раздробить руки и ноги». Это было последним упоминанием о «цехе эстонских колдунов» в судебном делопроизводстве²¹.

В 1694 г. пастор Михклисского прихода Г. Гезекен вновь жалуется на отсутствие религиозности в местных крестьянах, однако он не видел в этом никакой иной причины, кроме «дикости» населения. В качестве адекватных мер он просил разрешить ему силой заставить эстонских крестьян посещать церкви. Местные власти удовлетворили просьбу пастора, а в качестве дополнения разрешили во время проповеди запира́ть двери и окна, чтобы крестьяне не могли покинуть церковь²².

Примечания

1. Lulewicz H. Daremny trud editora? Uwagi na marginesie edycji korespondencji ostatniego Jagilona *Odrodzenie i Reformacja w Polsce*. Т. XLIV. 2000. S. 177-185.
2. Рижское Архиепископство (с 1251 г.), Таллинское (Датское), Курляндское, Дерптское, Эзель-Викское епископства и Орден.
3. Длительные войны между архиепископом и Орденом закончились взаимным ослаблением и созданием ландтагов, первое место в которых начинает играть дворянство (вассалы).
4. От греческого “схизма” – раскол. Так в официальных документах Папской курии именовались сторонники Православной церкви.
5. Виппер Р. Лифляндские бароны в роли теоретиков крепостничества // *Исторический журнал*. 1943. №11. С. 41-48.
6. Акты Ревельского городского архива 1450-1610 гг.: Пер. с нем. А. Чумикова. Спб., 1898; Russow В. *Chronica der Prowintz Lyfflandt*. Reval, 1927.
7. Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Спб., 1906.
8. Акты Ревельского городского архива 1450-1610 гг.: Пер. с нем. А. Чумикова. Спб., 1898.
9. Russow В. *Chronica der Prowintz Lyfflandt*. Reval, 1927.
10. История Латвийской ССР / Под ред. Я. Я. Зутис. Рига, 1952. С. 155.
11. Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. 1-4. Рига, 1876-1882.
12. Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. 3-4. Рига, 1880-1882.
13. Акты Ревельского городского архива 1450-1610 гг.: Пер. с нем. А. Чумикова. Спб., 1898. Кн. 4.

14. Vassar A. Katoliku kiriku reaktsioonilisest osast eesti rahva ajaloos XII-XVI sajandil. Tallinn, 1956.
15. История Эстонской ССР / Под ред. А. Вассаара. Т. 1. Таллинн, 1961. С. 321-322.
16. Renner J. Livlandische Histjrien. Tallinn, 1882.
17. Russow B. Chronica der Prowintz Lyfflandt. Reval, 1927.
18. Зутис Я. К вопросу о Ливонской политике Ивана IV // Известия АН СССР. М., 1969.
19. История Эстонской ССР / Под ред. А. Вассаара. Т. 1. Таллинн, 1961. С. 339.
20. История Эстонской ССР / Под ред. А. Вассаара. Т. 1. Таллинн, 1961. С. 461.
21. Russow B. Chronica der Prowintz Lyfflandt. Reval, 1927.
22. История Эстонской ССР / Под ред. А. Вассаара. Т. 1. Таллинн, 1961. С. 461-464.

Е.М. Никифорова (ЯГПУ)

И.С. Копылова (ЯГПУ)

**Поборник русского просвещения
И.Т. Посошков**

29 мая 2004 года в Сампсониевском соборе в Санкт-Петербурге заняла свое историческое место мемориальная плита, посвященная Ивану Тихоновичу Посошкову. Эта акция прошла в рамках научной конференции, посвященной его памяти, - «Отечественная научная традиция и социально-экономическое развитие России».

Иван Тихонович Посошков (1652 или 1653-1726) – известный русский мыслитель, публицист, общественный деятель – человек в полном смысле слова выдающийся, как сейчас часто говорят, «сделавший себя сам». Как же иначе можно назвать человека, начавшего свой жизненный путь в крестьянской семье и закончившего его уже «купецким человеком», который смог выкупить из залога дом в

Москве, принадлежавший еще его деду, приобрести дом в Петербурге и два дома в Новгороде и, вопреки закону, деревню на границе Кашинского и Новгородского уездов?

Самой важной чертой характера И.Т. Посошкова была жажда непрерывной деятельности. Завершив одно, он сразу находил себе другое дело. Он имел винокуренный завод, серный прииск, искал нефть, пытался завести фабрику игральных карт, работал фонтанным и водочным мастером.

Помимо предпринимательства, Иван Тихонович занимался изобретательством. Например, в 1694 - 1696 гг. он работал над денежным станком для подношения Петру I, а в 1697 году им был придуман и предложен царю способ улучшения ружейной стрельбы – «огнестрельные рогатки».

Однако если говорить о роли И.Т. Посошкова в развитии российской истории и науки, то на передний план выходит его публицистическая деятельность. Одну из своих первых работ Посошков написал в 1701 году, после поражения русского войска под Нарвой. Он составил послание для Петра I «О ратном поведении», где изложил необходимые меры по укреплению армии. В 1703-1710 годах Посошков обратился к митрополиту Стефану Яворскому в записках, где предлагал создать патриаршую академию, учить детей духовенства, печатать учебники с опровержением ереси и многое другое.

Основным трудом И.Т. Посошкова является «Книга о скудости и богатстве», написанная им в 1724 году. Основная идея работы может быть представлена следующей цитатой из «Книги...»: «Не то царственное богатство еже в царской науке много..., но то самое царственное богатство, еже весь народ по мерностям своим богат был самыми домовыми внутренними своими богатствами». Исходя из этого, Посошков предлагает

проекты реформ различных сторон государственной и общественной жизни, показывая тесную связь между богатством страны и государственным устройством. Посошков выступал за реформы суда, создание единого общегосударственного свода законов, в составлении которого должны были участвовать все классы общества. Он считал, что государство обязано регламентировать всю хозяйственную жизнь страны: стимулировать развитие промышленности, поиски полезных ископаемых, сократить ввоз иностранных товаров и расширить вывоз промышленных изделий из России.

К сожалению, предложения Посошкова не получили практического осуществления и, вероятно, стали причиной его ареста 26 августа 1725 года Тайной Канцелярией. И.Т. Посошков был заключен в Петропавловской крепости, где и скончался 1 февраля 1726 года.

Тело Ивана Тихоновича было захоронено на первом городском Санкт-Петербургском кладбище, основанном в 1711 году Петром I у стен деревянной Сампсониевской церкви.

Эта церковь была заложена по велению Петра I в ноябре 1709 года в честь победы под Полтавой, одержанной в том же году 27 июня, в день Святого Сампсония Странноприимца. Позже, когда деревянный храм обветшал, было принято решение построить его в камне. Строительство шло в два этапа - с 1728 по 1733 гг. была построена западная часть храма, а с 1733 по 1740 гг. к ней пристроили восточную часть, главным украшением которой стал великолепный пятирусный иконостас, освященный 19 августа 1740 года.

До 1710 года умерших в Санкт-Петербурге хоронили в ограде приходских церквей. Но из-за большого количества смертей, особенно среди рабочего люда, места не хватало. Часто крестьян, умерших на строительных

работах в Петербургской крепости, хоронили прямо там. Поэтому после постройки деревянной Сампсониевской церкви Петр повелел, «чтобы умерших тела, нигде у других церквей не погребали, кроме сея Сампсониевской церкви, не только Российского народа, но и иностранной нации»¹.

Таким образом, было основано как православное, так и иноверческое кладбище. Здесь захоронены такие известные люди, как Д. Трезини – первый архитектор Санкт-Петербурга, архитекторы А. Шлютер, Ж.-Б. Леблон, Г.-И. Маттарнови, скульптор и архитектор К.-Б. Растрелли, первый президент Академии наук Л. Блюментрост.

Хоронили на кладбище и умерших в заточении Петропавловской крепости, и казненных. Помимо И.Т. Посошкова, здесь были погребены тела казенных дворян А.П. Волинского, А.Ф. Хрущева и М.А. Еропкина, обвиненных в заговоре против Бирона. Сейчас рядом с местом их захоронения находится памятник «Врагам Бирона...».

К сожалению, после закрытия кладбища в начале 1770-х годов многие надгробные плиты были утрачены, поэтому сейчас трудно указать точное место нахождения того или иного захоронения.

Не сохранилась и могила И.Т. Посошкова, хотя в предисловии к сочинениям И.Т. Посошкова 1863 года издания историк М.П. Погодин пишет, что Иван Тихонович скончался 1 февраля 1726 года пополудни, в девятом часу, и по распоряжению Тайной Канцелярии был похоронен у церкви Сампсона Странноприимца. Эти сведения были взяты Погодиным из бумаг Тайной Канцелярии, переданных ему академиком П.П. Пекарским.

Поэтому когда в 1909 году, в период юбилейных мероприятий, было принято решение установить в честь И.Т. Посошкова памятную доску, ее поместили в главном

приделе собора (доска была снята в ходе реставрационных работ, приуроченных к празднованию 290-летия победы в Полтавской битвы, и долгое время хранилась в запасниках музея).

Надпись на бронзовой доске гласит: «На кладбище этой церкви погребено тело поборника русского просвещения автора книги «О скудости и богатстве» ИВАНА ТИХОНОВИЧА ПОСОШКОВА, скончавшегося 1 февраля 1726 года. Крестьянину писателю - крестьянин профессор. 1909 г.»

Долгое время обстоятельства появления этой доски не объяснялись, непонятна была и таинственная подпись «крестьянин профессор». В ходе исследований удалось установить, что возможным инициатором и автором текста доски является знаменитый русский ученый, историк литературы профессор И.А. Шляпкин (1858 – 1918 гг.). Отгадка обнаружилась в результате изучения документов архива Ильи Александровича.

По-видимому, И. А. Шляпкин нашел некоторые аналогии в жизненном пути Посошкова и своем. Среди документов профессора в петербургских архивах имеется несколько вариантов текста доски, посвященной Посошкову, в том числе и с этими словами: «крестьянину писателю от крестьянина профессора». Помимо этого в его рукописных фондах имеются и неопубликованные черновики статей о петровской эпохе и о И. Т. Посошкове.

Илья Александрович по праву считал себя «крестьянином-профессором», т.к. происходил из крестьян графа Дмитрия Сергеевича Шереметьева. Его отец был крепостным. Вероятно, поэтому Шляпкин бесконечно ценил реформу 1861 г., которая освободила крестьян от крепостной зависимости, и очень гордился тем, что он - простой крестьянин, сын крепостного - возвысился до чина действительного статского советника и ординарного

профессора одного из лучших университетов России – Санкт-Петербургского.

И.А. Шляпкин был не единственным, обратившим внимание на личность И.Т. Посошкова. Уже в конце XIX столетия многие ученые и публицисты заинтересовались историей его жизни и творчества. На это указывает ряд изданий, выпущенных в это время. Среди них работы А. Брикнера «Иван Посошков» (СПб, 1876), А.А. Царевского «Иван Тихонович Посошков в истории русского прогресса» (СПб, 1883) и «Посошков и его сочинения» (Москва, 1883), Е. Прилежаева «Завещание отеческое» (СПб, 1893), Н. Павлова-Сильванского «Проекты реформ в записках современников Петра Великого» (СПб, 1897).

Однако за более чем вековой период интерес к И.Т. Посошкову не угас. Многие его прогрессивные идеи актуальны и в начале XXI века, о чем свидетельствует, в частности, проведение данной конференции.

Библиографический список

1. Романченко Н. Исторический очерк Санкт-Петербургского Сампсониевского собора. СПб., 1909. 73 с.

Ю.С. Крюкова (ЯГПУ)

Воспитание нравственности в российском масонстве XVIII века

*«Свободный каменщик есть свободный муж,
умеющий преодолевать свои склонности,
умерять свои
желания и волю свою подвергать законам
разума»¹.*

Нравы, царившие в XVIII веке при российском дворе, заставляли передовое дворянство искать альтернативу светскому общению. Ею стала масонская

ложе – «узкий кружок единомышленников», в рамках которого осуществлялась главная задача: улучшение нравственности путем серьёзного самопознания, строгого самовоспитания и ведения гармоничного образа жизни. Не случайно основной массив масонских источников представлен документами нравоучительного характера, предназначенными для внутреннего употребления в ложах: речами, наставлениями, а также различными выписками из оригинальной или переводной масонской литературы. На основании изучения данного вида источников мы можем проследить, как решался вопрос о воспитании нравственности в российском масонстве XVIII века.

Истинные масоны видели своей конечной целью создание земного Эдема, достижение золотого века, царства любви и истины, царства Астреи. Но они понимали, что задача эта не из лёгких, так как мир настолько погряз в пороках и добродетели настолько попорчены, что начинать это великое дело следует, прежде всего, с самоусовершенствования, которое станет возможным лишь тогда, когда человек займётся самопознанием и работой над самим собой. В связи с этим ближайшей целью «достопочтенного сего общества» являлось «исправление человека и усовершенствование нравоучения»². Достижение её было возможно через постижение масонской науки, представляющей собой «собрание и сохранение истин, которые человек должен будет изучать во всю вечность... Главные же пункты её есть познание Бога, человека и Натуры»³. Автор данного размышления сравнивает каменщицкую науку с «прекрасным регулярным садом, в котором все аллеи так расположены, что, став в центре его, можно в прямой линии смотреть во все стороны и обозревать весь его план»⁴. Очевидно, она предстала в подобном виде лишь перед теми, кто точно знал, что дорога, по которой он идёт,

единственно верная. Масоны обещали показать новопосвящённому «путь, ведущий к счастливой жизни»⁵. Конечной целью должно было стать познание истинной Премудрости⁶, которая есть ни что иное, как «объятие всех чистых истин, ведущих к познанию Бога вне и в его творениях»⁷. Из трёх перечисленных составляющих масонской науки нас в дальнейшем будут интересовать первые две: познание Бога и человека, то есть духовно-нравственная, а не мистическая сторона масонства.

Предметом масонства, как говорилось в одной из речей розенкрейцеров, было «премудрость, науку и добродетель стяжать, Богу угодить и ближнему служить»⁸. Предполагалось постепенное его постижение: «в первых трёх градусах исправление чувств, разума и сердца», в четвёртом – познание Натуры, а в пятом – соединение «учения Натуры с откровенным Словом»⁹. Задача достаточно сложная, и начинать её решение необходимо, прежде всего, с себя, так как знания Премудрости мог удостоиться только мудрый, обуздавший свои страсти человек. Не случайно на первом месте для масонов стояли вопросы нравственности. Как указывает И.В. Лопухин, «в школах и на кафедрах твердят: «люби Бога, люби ближнего», но не воспитывают той натуры, коей любовь сия свойственна»¹⁰. Для того, чтобы евангельская нравственность стала пригодна человеку, надобно ему «морально переродиться». Масонство было призвано исправить такое положение вещей и стать своего рода школой нравственности. В масонской речи 1783 года сказано: «Каменщики такие люди, которые из великой толпы мира исторглись и вступили в тесный союз, дабы в мирной тишине и соединёнными силами образовать свой разум к мудрости, а сердце к добродетели, и таким образом жить достойно великого нашего назначения»¹¹. Это становилось возможным через самопознание, которое

поможет открыть тайные склонности сердца и сокровенные побуждения воли, а «боготворимое столь часто Я представить в истинной его наготе»¹², что, в свою очередь, способствовало самосовершенствованию и приближало к заветной цели – познанию Премудрости: «первый шаг к мудрости есть познание своего безумия!...»¹³.

В масонских источниках много внимания уделяется созданию образа, которому должен был соответствовать вольный каменщик. В одном из масонских уставов записано: «душа масона есть дикий камень, который необходимо очистить»¹⁴, и сделать это необходимо было каждому, «как бы хорошо кто о себе ни думал, как бы хорош на самом деле ни был»¹⁵. Каким образом должен был вольный каменщик выполнить это предписание? Прежде всего, ему надлежало избавиться от пороков и воспитать в себе необходимые добродетели.

В результате изучения масонских рукописей нами были выявлены как наиболее важные для масона качества, так и самые опасные пороки по количеству упоминаний их в рукописях.

Самыми важными добродетелями почитались скромность, молчание, смирение, а наиболее опасными для масонского братства пороками были гордость и самолюбие. Чем же это объясняется?

Скромность или молчание, что по сути одно и то же, были не просто необходимыми для масона качествами, они обозначались чаще всего как должности вольного каменщика, и соблюдение их являлось одним из пунктов присяги. Нарушение же могло привести к проникновению в ложи «лжемасонов». Поэтому, «чтобы в закрытый рот льва никогда не влетала муха»¹⁶, необходимо было строжайшее соблюдение скромности. Кроме того, молчание было необходимо масону для того, «дабы

принудить себя к размышлению»¹⁷, без которого невозможно представить процесс самопознания.

Большое значение для успешности масонских работ имело также смирение, поскольку «дух истинного масонства есть дух смирения» и «без него никто не достигнет до познаний существенного масонского таинства»¹⁸.

По мнению масонов, гордость - это «...первый праотец бесчисленного семейства пороков»¹⁹ и «опаснейший враг человека и источник всех зол его»²⁰. Самолюбие являлось причиной глухоты как к собственным, так и к чужим словам, оно могло свергнуть во все «неизчетные пороки, не щадя никого»²¹. Более того, самолюбие наравне с самоугождением было не совместимо с любовью к ближнему и с любовью к Богу²².

Фундаментом, на котором масоны постепенно выстраивали храм нравственного совершенства, являлась вера, но она не была ни слепой, ни беспредметной. Масоны намеревались строить живые храмы, иначе говоря, направлять свои способности на пользу человеческого рода, руководствуясь на данном пути любовью.

«Любовь» - одно из центральных понятий в масонстве. Она всеобъемлюща. И.В. Лопухин в своих произведениях отмечает, что масон должен любить ближних, любить молчание, любить Бога паче всего и всех людей для Бога, любить врагов своих, любить добро, жить духом любви, снося в любви презрения, поругания, оплевания, заушения от мира²³. Масон должен был воспитать в себе любовь к смерти, что означало «умерщвление в себе плохих свойств»²⁴. В уставах вольных каменщиков любовь была обозначена как необходимое качество для того, кто желает связать себя узами братства.

В масонских источниках упоминаются восемь составляющих любви: братолюбие, человеколюбие, трудолюбие, славолубие, самолюбие, сластолюбие, сребролюбие и прелюбодеяние. Без братолюбия невозможно себе представить масонский союз, основным принципом деятельности которого являлось братство, основанное на дружбе и согласии. «Все члены общества сего суть Братия, и ни языки, ни одежды, ни мнения, ни достоинства, ни состояния, ни богатства ни малейшего не делают между ними различия. Равенство есть первый их закон. Поэтому они должны любить друг друга и помогать один другому...»²⁵, - так было сказано в письме масона. Рядом с братством стояли ещё два важнейших масонских принципа: свобода и равенство. Автор указанного выше письма объясняет их следующим образом: «Равенство Свободных Каменщиков состоит в том, что они вообще признают себя братьями», а свободен лишь тот, «кто разумен и добродетелен, или кто повинуется законам и исполняет свои должности». Получается, что «свобода и равенство в морали равнозначные суть выражения»²⁶.

Человеколюбие заключалось в любви к людям всякого звания и положения и выражалось в благотворительности.

Без трудолюбия вообще невозможно было стать масоном, так как обработка дикого камня была далеко не лёгким делом, успешность которого зависела от прилагаемых усилий и терпения.

Самолюбие, сластолюбие, славолубие, сребролюбие и прелюбодеяние относились к порокам, которые масону необходимо было в себе всячески искоренять. Первые два масоны рассматривали в качестве преград на пути самопознания. Любовь к себе и любовь к самонасыщению масон должен был оставлять вне стен храмины и по возможности исключить из своей жизни.

С.И. Гамалея отмечал в одной из своих речей, читанных в ложе Девкалиона: «Надобно перестать любить себя, а с собою и мир сей и всё, что в нём есть, и употреблять только что нужно для своего содержания, а без того не удостоимся мы ни премудрости, ни блаженной вечности»²⁷. Славолюбию и сребролюбию тоже было не место там, где господствуют скромность, благодеяние и воспитывается любовь к смерти. Отрицалось и прелюбодеяние: «все плотские похотения противны духу»²⁸, поэтому масоны как женатые, так и холостые должны жить честно и «тщательно убежать»²⁹ соблазна.

Среди необходимых масону добродетелей не последнее место занимают повиновение, преданность и добронравие, а также честность и благородство. Первые две нашли отражение в отношении масонов к государственной власти. Честность и благородство являлись основой отношения вольных каменщиков к законам и подчинённым. Добронравие должно было стать неотъемлемой составляющей жизни масона как в частной, так и в государственной сфере.

Итак, идеи масонов, берущие, по их мнению, начало во времена Адама, были наполнены нравственным содержанием и соответствовали основным масонским правилам: познай себя, улучши себя, облагородь себя. Каждый масон должен был познать в себе пороки и, узрев их, стараться побороть и воспитать необходимые добродетели: смирение, скромность, любовь, мудрость, веру и другие. Без них невозможно было стать деятельным масоном, живущим в человеческом сообществе, поскольку масонские добродетели были положены в основу принципов союза вольных каменщиков: веротерпимости, братства, молчания, а также отношения к власти и закону.

Библиографический список

1. Что есть свободный каменщик? или вольный муж//Научно-исследовательский отдел рукописей российской государственной библиотеки (далее НИОР РГБ). Ф. 14. Д. 417. Л. 2.
2. Магазин свободно-каменщический // НИОР РГБ. Ф. 14. Д. 450. Л. 40.
3. Размышления о науке масонской//НИОР РГБ. Ф. 14. Д. 1287. Л. 1.
4. Там же. Л. 1 об.
5. Устав или правило свободных каменщиков//НИОР РГБ. Ф. 14. Д. 1. Л. 1.
6. Речь о предмете свободного каменщичествова//НИОР РГБ. Ф. 14. Д. 270. Л. 6 об.
7. Законы высокого собрания теоретических философов // НИОР РГБ. Ф. 147. Д. 102. Л. 3.
8. НИОР РГБ. Ф. 147. Д. 77/М.1954/. Л. 98.
9. Нечто о масонстве в России // НИОР РГБ. Ф. 147. Д. 6/М.1883/. Л. 47.
10. Записки некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника, сенатора И.В. Лопухина, сочиненные им самим//Русский Архив. 1884. №1. С. 17.
11. Кто я? // НИОР РГБ. Ф. 14. Д. 276. Л. 1.
12. Зачем я? // НИОР РГБ. Ф. 14. Д. 276. Л. 10 об.
13. Магазин свободно-каменщический // НИОР РГБ. Ф. 14. Д. 450. Л. 60.
14. Устав или правило свободных каменщиков // НИОР РГБ. Ф. 14. Д. 1. Л. 3.
15. Магазин свободно-каменщический // НИОР РГБ. Ф. 14. Д. 450. Л. 60.
16. Всеобщие законы // НИОР РГБ. Ф. 14. Д. 2. Л. 20.
17. Речи масонские // НИОР РГБ. Ф. 147. Д. 92/М.1969/. Л. 219.

18. НИОР РГБ. Ф. 147. Д. 90(3)/М.1967 / Л. 162.
19. Магазин свободно-каменщический // НИОР РГБ. Ф. 14. Д. 450. Л. 7.
20. Устав или правило свободных каменщиков // НИОР РГБ. Ф. 14. Д. 1. Л. 7.
21. Речи, говорённые в почтенной ложе Горус...// НИОР РГБ. Ф. 147. Д. 91/М. 1968/. Л. 79.
22. Речи, говорённые в собраниях брр. З. и Р. + в России // НИОР РГБ. Ф. 147. Д. 77/М.1954/. Л. 70.
23. Лопухин И.В. Указ. соч. С. 42, 54, 57, 100, 111.
24. Речи, говорённые в почтенной ложе Горус... // НИОР РГБ. Ф. 147. Д. 91/М. 1968. Л. 69.
25. Магазин свободно-каменщический // НИОР РГБ. Ф. 14. Д. 450. Л. 37.
26. Там же. Л. 49, 51.
27. НИОР РГБ. Ф. 147. Д. 91/М. 1968. Л. 84.
28. Чистое намерение... // НИОР РГБ. Ф. 147. Д. 279(12). Л. 16.
29. Устав благотворных рыцарей // НИОР РГБ. Ф. 14. Д. 7. Л. 4 об.

Е.Л. Сараева (ЯГПУ)

Понятие европеизма в учении классических западников

Полемика интеллектуалов 30 – 40-х гг. XIX в., обсуждавших проблемы развития России, неизбежно должна была поставить в центр дискуссии вопрос о восприятии русским обществом европейского опыта. Западники ввели в лексику мыслящего меньшинства своего времени понятие европеизма. Поскольку оно было фундаментальным концептом в западническом учении, нужно определить содержание, которое вкладывали в него мыслители 30 – 40-х гг. XIX в.

Из представителей классических западников слово европеизм впервые использовал В.Г. Белинский в 1834 г., т.е. еще до возникновения кружка проевропейски настроенных интеллектуалов. Акцентируя внимание на насильственном навязывании русскому человеку «чужеземных обычаев» в эпоху Петра Великого, критик писал: «Заняв формы европеизма, он сделался только пародией европейца. Просвещение, подобно заветному слову искупления, должно приниматься с благоразумною постепенностью, по сердечному убеждению...»¹. Полагаем, что критик в начале своей интеллектуальной деятельности понимал под европеизмом заимствование образа жизни и культуры европейцев. Цель этого заимствования он видел в просвещении русского народа.

В работе «Россия до Петра Великого» 1841 г. В.Г. Белинский определяет европеизм иначе, понимая под этим словом достижения европейской цивилизации. Он писал, что преобразования начала XVIII в. не привили нам «истинного европеизма». «Истинный европеизм» следует понимать как высший опыт европейской цивилизации, которая, с его точки зрения, отличалась рядом ценностных качеств. Их характеристику можно найти в «Литературных и журнальных заметках» 1843 года. Считая, что преобразования Петра Великого открыли возможность для заимствования форм европейской жизни, более благоприятных для человеческого существования, чем в России, он характеризовал их следующим образом: «Если *человеческое* существование народа заключается в жизни ума, науки, искусства, цивилизации, общественности, гуманности в нравах и обычаях, то существование это для России начинается с Петра Великого...»². Как видно, В.Г. Белинский полагал, что эти явления представляли собой главные элементы европейского мира. Мыслитель в данном случае оценивал европеизм как стадию в

цивилизационном развитии европейских народов, характеризующуюся расширением человеческого начала жизни.

В 40-е гг. В.Г. Белинский употреблял термин европеизм в двух значениях: для характеристики достижений европейской цивилизации и для определения заимствования форм европейского мира русским обществом.

А.И. Герцен характеризовал европеизм с тех же идейных позиций признания значимости обращения к изучению лучшего опыта западноевропейских стран. Поскольку Голландия, как он полагал, достигла наивысшего уровня развития к концу XVII в., то Петр Великий верно сделал, изучая европеизм в этой стране.

Как видно, понятие европеизм в работах В.Г. Белинского и А.И. Герцена имело два значения. Первое – создание человеческих условий жизни людей в Европе. Второе – усвоение в России элементов культуры европейской цивилизации. Зрелый Белинский в 1847 г. формулирует европеизм как процесс усвоения европейских начал³.

Понятие европеизм использовался и в учении К.Д. Кавелина, причем не только в 40-е гг., когда он был участником идейных споров на стороне западников, но и в более позднее время. В 1880 г., вступив в полемику с Ф.М. Достоевским по вопросу о судьбе русского народа, К.Д. Кавелин высказал свой взгляд на процесс взаимодействия России и Европы. Мыслитель, не давая определения европеизма, привел наиболее общую его характеристику. С его точки зрения, европеизм - это воспроизведение внешних форм европейской жизни. «Позаимствования из Европы, которые, по основной мысли, предназначены были ассимироваться на русской почве, окаменели; европеизм, долженствовавший по плану Петра служить для русской

жизни подспорьем, вырос в самостоятельного фактора и стал жить на русской почве своею, хотя и искусственную жизнью»⁴. К.Д. Кавелин привел представления западников 40-х гг. о желательном содержании процесса взаимодействия России и Запада – восприятие общечеловеческих идей⁵. «Западники желали видеть общечеловеческие идеалы осуществленными в России...»⁶. Однако, по мнению К.Д. Кавелина, образовательное движение, начавшееся в России под европейским влиянием, приняло вскоре искусственные внешние формы, препятствовавшие осмыслению идей западных ученых. Искажение европейских начал в процессе их бездумного насаждения К.Д. Кавелин назвал псевдоевропеизмом, оговорив, что и западники, и славянофилы относились к нему одинаково отрицательно⁷. Как видно, К.Д. Кавелин применял концепт европеизм преимущественно в суженной трактовке. Он относил к европеизму явления искаженного восприятия и утверждения в России новых форм жизни, которые не смогли стать органичной частью национального существования. Термину европеизм К.Д. Кавелин предпочитал слово псевдоевропеизм⁸, подчеркивая негативные результаты этого процесса.

Понятие русского европеизма, как и более широкий термин европеизм, было введено В.Г. Белинским. Исходя из контекста его употребления литературным критиком, можно говорить о том, что он мыслил его как русский вариант европейских форм развития.

Современные исследователи находят возможным использование концепта европеизм для характеристики умонастроения интеллигенции. Не воспринимая истолкование этого термина классическими западниками, В.П. Кантор трактует его как «реалистический и исторический взгляд» на судьбу России и Запада, которому была важнее живая действительность, а не утопические

упования на возможность существования где-то некоего идеального мироустройства. Выразили этот взгляд «русские европейцы», которые *«знали себя, исходили из своих потребностей, из реальных нужд народа»*⁹. Как видно, по мнению исследователя, отличительной чертой европеизма является реалистическая оценка прошлого и настоящего России и Европы. С нашей точки зрения, подобная оценка русского европеизма не вполне удачна, так как не содержит оценочного отношения к проблеме взаимодействия этих историко-культурных миров.

Нам представляется глубокой характеристика сущности русского европеизма, предложенная В.Г. Шукиным. Не соглашаясь с трактовкой этого концепта В.П. Кантором, он раскрывает свое понимание европеизма как «обязательного элемента мирозерцания образованного дворянского общества» XVIII – XIX вв. Он утверждает, что формирование европеизма шло посредством усвоения ценностей культуры все более широкими слоями общества. Как видно, историк ограничивает это явление «процессом эмансипации личности, индивидуализации и рационализации личного сознания»¹⁰. В исследовании В.Г. Шукина концепты европеизм и европеизация имеют различное содержание. Если европеизм в его оценке означает формирование мировоззрения интеллигенции под влиянием западноевропейской книжной и духовной культуры, то европеизация – восприятие в России европейского опыта.

Таким образом, в работах западников и современных историков по-разному определяется концепт европеизм. В западническом учении он имел более широкое содержание, в современной науке ему тождественны понятия цивилизация, европеизация и вестернизация. Он означал не только вхождение в русскую жизнь элементов западной цивилизации, но и

формирование нового типа личности. Как видно, уже западники отметили появление в русском обществе первой половины XIX в. европейски образованного человека, рассматривая его воспитание как главное содержание процесса европеизма. Термин европеизм в учении западников имел концептуальное содержание.

Современная интерпретация термина европеизм отличается от его понимания в период жизни классических западников. Она характеризует мировоззрение и ценностные ориентации разных поколений интеллигенции.

Библиографический список

1. Белинский В.Г. Литературные мечтания//Белинский В.Г. Собр. соч. в 9 томах. М., 1978-1982. Т. 1. С. 65.
2. Он же. Литературные и журнальные заметки. Несколько слов «Москвитянину» // Там же. Т. 5. С. 476-477.
3. Он же. Взгляд на русскую литературу 1846 года // Там же. Т. 8. С. 188-189.
4. Кавелин К.Д. Письмо к Ф.М.Достоевскому // Кавелин К.Д. Наш умственный строй. М., 1989. С. 452.
5. Там же. С. 452-453.
6. Там же. С. 453.
7. Там же.
8. Там же. С. 454-455.
9. Кантор В.П. Русский европеец как явление культуры (философско-исторический анализ). М., 2001. С. 5.
10. Щукин В. Русское западничество. Генезис – сущность - историческая роль. Lodz: ibidem, 2001. С. 21-57.

Идея личности в системе ценностей радикальной интеллигенции 1870-х годов

Идея личности неразрывно связана с историей всей русской интеллигенции. Представления интеллигенции о личности объясняют нравственные мотивы развития радикального движения в России в 1870-е годы. В системе ценностей народников идея личности претерпевает существенные изменения по сравнению с предыдущими поколениями интеллигенции. В 1870-е годы формируется новый тип личности революционера-«отщепенца», подчинившего свою жизнь революционной борьбе.

В отечественной историографии на эту проблему обращали внимание преимущественно дореволюционные исследователи. Однако их оценки носили главным образом полемическую направленность: они либо осуждали, либо оправдывали народников, имея к тому же в своем распоряжении крайне ограниченную источниковую базу. Современные исследования по данной проблеме фрагментарны и нередко имеют публицистический характер.

Специфика избранной проблематики обусловила особую ценность источников личного происхождения. Выводы в данной статье были получены в результате анализа мемуаров, воспоминаний, автобиографий, писем непосредственных участников и современников народнического движения.

Идея личности в системе ценностей народников получает двойственное развитие. С одной стороны, семидесятники посредством своей деятельности и особого образа жизни искали самореализации и самоутверждения, пытались найти свое место в мире, занять определенную нишу. Однако в ходе народнического движения идея

личности постепенно оказалась подчиненной целям революционной борьбы. Подпольный мир 1870-х годов предъявлял жесткие требования относительно всех аспектов как духовной, так и материальной жизни своих представителей, что приводило в итоге к их типизации и единообразию.

Задачи народников в идеальном виде были представлены П.Л. Лавровым, который писал: «Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении, воплощение в общественных формах истины и справедливости – вот краткая формула, обнимающая все, что можно считать прогрессом»¹. Народники же в своей практической деятельности отошли от решения данной задачи.

В стремлении реализовать свои цели семидесятники были склонны к идеализации устоев народной жизни, крестьянского труда, крестьянской трудовой этики. При этом вера в народ исходила не столько из объективных качеств и нужд самого крестьянства, сколько из внутреннего, нравственного стремления радикальной интеллигенции найти опору своей жизни. Крестьянство и народническая интеллигенция находились на диаметрально противоположных полюсах развития, что остро ощущали подпольщики. Стремление преодолеть этот барьер и сблизиться с простым народом было для радикальной интеллигенции 1870-х годов своеобразным способом определения своего места в мире. В связи с таким личностно-психологическим настроем поклонение было обращено не к реальному, историческому, а к воображаемому народу, который наделялся всевозможными достоинствами и добродетелями.

Степень идеализации народа находилась, судя по воспоминаниям С.Ф. Ковалика, в отношении прямо пропорциональном со степенью отчужденности

интеллигенции от него². Г.В. Плеханов вспоминал, что в студенческие годы он, как и все студенты-революционеры того времени, был «большим народолюбом» и собирался идти «в народ», понятие о котором было у него, однако, «очень смутным и неопределенным». Г.В. Плеханов указывал, что он знал народ «очень мало, а лучше сказать, не знал совсем, хотя и вырос в деревне»³.

Незнание народа имело место наряду с характерной для семидесятников жертвенностью, проявлявшейся в подчинении собственных интересов поставленным целям. Кружок «чайковцев», например, заявлял, что пользоваться несправедливым и безнравственным общественным устройством для удовлетворения своих потребностей недостойно честного человека. Ему нет другого выхода, как отречься от всех привилегий рождения и образования и идти «в народ» проповедовать справедливость, равенство и свободу.

Во второй половине 1870-х годов стремление к достижению высоких идеалов и целей, жертвенность воплотились в абсолютное подчинение личности уставу организации. Уставы «Земли и воли», «Народной воли» требовали от всякого вступающего передачи в распоряжение организации «всех своих сил, средств, связей, симпатий и антипатий и даже своей жизни»⁴.

Отсутствие в мотивах деятельности народников каких-либо меркантильных личностных интересов подтверждается, в частности, их преднамеренным снижением своего социального статуса и занятие различных непривилегированных должностей в сельской местности лишь для того, чтобы познать загадочную крестьянскую душу и оказаться на уровне с простым народом.

Пренебрежение интересами собственной личности отчетливо прослеживается в особенностях восприятия

народниками литературы и науки. «Семидесятники» интересовались преимущественно социальными, экономическими, историческими вопросами, внимание их привлекали сочинения о революционных движениях и крестьянских выступлениях в России и Западной Европе, а также теории основоположников народничества. При чтении народниками литературы имел место его поисковый характер, а также утилитарный, практический подход, при котором основной целью было обнаружение в тексте подтверждений уже сложившимся взглядам на коренные вопросы общественной жизни, а не извлечение новых идей. По словам М.Ф. Фроленко, он и его единомышленники активно читали журналы и книги общеобразовательного содержания, поскольку их можно было использовать «на пользу общую, на пользу бедняка»⁵.

Крайних воззрений по этому поводу придерживались некоторые бакунисты, особенно южане, вообще игнорировавшие печатное слово и отказывавшиеся признать какую-либо пользу от обучения грамоте, находя ее скорее вредной, чем полезной.

Многие представители радикальной интеллигенции 1870-х годов вынуждены были решать сложную дилемму – научная или революционная деятельность. Вступая в подпольную среду, многие потенциальные ученые оставляли свою карьеру, поскольку служение науке было в их понимании одним из лучших (или лучшим для некоторых) вариантов человеческой судьбы, и они сомневались в своем праве посвящать себя ей, когда большинство людей не имело такой возможности. Наука, искусство, литература, интеллектуальный труд отвергались радикальной интеллигенцией в силу их недоступности простому народу, собственные, личностные потребности при этом не учитывались.

Личностные интересы полностью игнорировались и в повседневной жизни народников. Народники культивировали аскетизм и ригоризм в быту. Аскетический, неупорядоченный образ жизни был призван отразить степень их преданности, приверженности радикальным идеалам и ценностям.

Таким образом, изначально подпольная культура радикальной интеллигенции складывалась под эгидой освобождения, эмансипации собственной личности. Подпольный мир 1870-х годов способствовал, с одной стороны, психологической самореализации, самоутверждению радикальной интеллигенции. Но, с другой стороны, происходила постепенная деперсонификация и типизация отдельных представителей народнического движения, поскольку идея личности постепенно отходила на второй план, игнорировалась. Идея личности оказалась подчиненной общественным ценностям, которые абсолютизировались в народнической среде, превращались в самодовлеющую догму, в первостепенное условие участия в пореформенной борьбе.

Лишь соответствие в полной мере подпольным идеалам и подчинение им своей индивидуальности позволяли представителям радикальной интеллигенции принимать полноправное участие в общественно-политической борьбе 1870-х годов.

Библиографический список

1. Цит. по: Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 2004. С. 667.
2. См.: Ковалик С.Ф. Революционное движение семидесятых годов // Революционеры 1870-х годов. Л., 1986. С. 150.
3. Цит. по: Тютюкин С.В. Г.В.Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1997. С. 25.

4. Революционное народничество 70-х годов XIX века. М., 1965. Т. 2. С. 35.
5. Фроленко М.Ф. Записки семидесятника. М., 1927. С. 90.

Р.А. Смирнов (ЯГТУ)

Эволюция ярославского дворянского общества в XIX – начале XX века: проблемы сословного образования и воспитания

В XIX – начале XX века вопросы образования и воспитания подрастающего поколения находились в центре внимания ярославского дворянского общества.

Необходимость целенаправленного и систематического образования детей стала очевидной к 30-м годам XIX века. По мнению представителей высшего сословия, получаемое образование должно было быть военным. Для этого были учреждены 16 стипендий в Нижегородском кадетском корпусе на значительную сумму в 76 тысяч рублей. В 1895 году эти стипендии были переведены в Ярославский кадетский корпус.

Причиной учреждения стипендий именно в Нижегородском кадетском корпусе стало то, что дворянство всех губерний было приписано к определенным кадетским корпусам. Ярославская губерния, наряду с Нижегородской, Казанской и Костромской, была приписана к Нижегородскому кадетскому корпусу.

В середине XIX века в центре внимания дворянского общества оказались вопросы высшего гражданского и женского образования. Были пожертвованы средства на учреждение стипендий в Демидовском юридическом лицее, Московском училище св. Екатерины, Елизаветинском институте, Ярославской мужской и Мариинской женской гимназиях. Кроме того, в

1850 году в Ярославле было основано дворянское учебное заведение - пансион. Однако уже в 1875 году он закрылся из-за недостатка средств.

Середина XIX века стала расцветом дворянского образования. В дворянском обществе было осознание необходимости образования детей, а сословная организация в это время обладала необходимым количеством финансовых средств. Ярославским дворянством были учреждены стипендии на сумму 228145 рублей: дворянским обществом (68%) и частными лицами (32%).

В последующие двадцать лет наметился кризис дворянского образования. Тенденции к его преодолению обозначились только на рубеже веков. На средства правительства были учреждены 14 стипендий в Ярославском кадетском корпусе. Кроме того, казна принимала на себя 50% расходов всех новых стипендий, учрежденных дворянским обществом в высших и средних учебных заведениях гражданского профиля. Поэтому в 1899 - 1905 годах расходы на образование вновь стали крупной расходной статьей дворянского бюджета. Вплоть до 1905 года ежегодно выделялось 5 тысяч рублей на учреждение новых стипендий¹.

Возрождение интереса к проблеме образования и воспитания подрастающего поколения было связано с работой Особого Совещания по делам дворянского сословия (1897 - 1901). Поднятая им проблема вызвала активные дебаты в дворянской среде.

При этом следует отметить, что к концу XIX – началу XX века интересы государства и дворянского общества в области образования совпадали уже в гораздо меньшей степени. Если государство стимулировало в дворянской среде получение военного образования, то

дворянское общество поддерживало получение дворянами высшего гражданского образования.

Однако вскоре проблема дворянского образования, так остро стоявшая на рубеже веков, отошла на второй план. Государство было вынуждено заниматься решением других вопросов. Прекратило свое существование и Особое Собрание по делам дворянского сословия.

Трудные времена переживали губернские дворянские общества. Продолжавшаяся убыль дворянского землевладения и незначительное количество «выморочных» имений не позволяли ярославскому дворянству выделять большие суммы на образование. Кроме того, во время русско-японской войны дворянским обществом были пожертвованы значительные суммы в пользу армии. В 1913 году большие средства были израсходованы на подготовку к приезду в Ярославль Николая II. С началом первой мировой войны значительная часть средств дворянского общества ушла на устройство госпиталя.

В результате дворянское общество перешло от политики учреждения новых стипендий к адресной, зачастую единовременной помощи отдельным учащимся. Так, в бюджете дворянской организации на 1908 – 1911 годы объем средств на образовательные пособия составлял всего 1090 рублей, т. е. совсем незначительную сумму.

На рубеже веков изменился принцип распределения дворянских стипендий. В XIX веке традиционно дворянские стипендии распределялись между «беднейшими дворянами».

Закон от 25 мая 1899 года вводил иной порядок распределения вновь учрежденных стипендий. По нему преимущественным правом на получение стипендий пользовались дети тех дворян, которые находились на службе «по выборам дворянства или земства, а также по крестьянским учреждениям», либо ранее служили в этих

должностях не менее 9 лет. Затем право на получение стипендий имели «сыновья недостаточных членов дворянского общества, проживавшие в своих имениях и занимавшиеся сельским хозяйством»².

Остальные стипендии распределялись путем «баллотировки» между соискателями. За изучаемый период зафиксирован только один случай, когда стипендия, с одобрения губернского дворянского собрания, была отдана без «баллотировки». И.Н. Ельчанинову за многотомный труд «Материалы для генеалогии ярославского дворянства» была выделена стипендия для обучения его дочери Татьяны в Московском училище св. Екатерины³.

Из-за недостаточного количества средств дворянское депутатское собрание стало отклонять ходатайства о выделении стипендий, несмотря на бедственное положение многих представителей сословия.

Так, в 1915 году ростовская дворянка Е.А. Израилева просила выделить стипендии дочерям для обучения их на Московских правительственных курсах: «При дороговизне квартир, отопления и весьма значительного повышения цен на все продукты жизнь настолько стала дорогой, что приходится испытывать острую семейную нужду. При великих и неотложных заботах о детях здоровье мое сильно пошатнулось, так что я лишилась возможности неустанно трудиться, как прежде, а потому не могу, к сожалению, принести в семью какой-то материальной поддержки. ... Находясь в таком тяжелом положении, я осмеливаюсь покорнейше просить Ваше Превосходительство, - не найдете ли Вы возможным походатайствовать о назначении мне денежного пособия на воспитание и образование детей».

Дворянское депутатское собрание отклонило прошение Е.А. Израилевой, сославшись на то, что ее

дочери не были записаны в губернскую родословную книгу⁴.

Еще более красноречиво обрисовал ситуацию депутат дворянства Я.А. Ушаков: «... у нас в губернии, когда бывают депутатские собрания, всегда масса людей обращается с ходатайствами: такую-то стипендию выдать на содержание в таком-то учебном заведении или оказать посильную помощь впавшим в крайность дворянам, вдовам и престарелым лицам из дворянского сословия»⁵.

Следовательно, в последнее десятилетие существования Российской империи ни государство, ни дворянское общество не могли уделить необходимого внимания дворянскому образованию.

Представители высшего сословия в конце XIX – начале XX века получали образование во всех типах учебных заведений Российской империи. При этом сословное представительство дворян в различных учебных заведениях было неодинаковым.

Наименьшее число дворян обучалось в начальных училищах. Так, в 1899 – 1900 учебном году в Ярославской губернии городские и сельские училища закончили всего двадцать представителей высшего сословия: восемнадцать из них обучались в училищах министерства народного образования, а еще двое окончили церковно-приходскую школу⁶.

Выборка о сословном составе учащихся в начальных училищах за 1895 год также показала незначительное количество детей дворян и чиновников (3%)⁷. Данные учебные заведения отличались низким уровнем преподавания и отсутствием платы за обучение, что привлекало сюда детей наименее обеспеченных дворян.

Традиционно дворяне получали среднее образование в гимназиях и кадетских корпусах. Именно на

эти учебные заведения, в первую очередь, были сориентированы стипендии местного дворянского общества. Дворянское представительство в торговой школе и технических училищах в Ярославской губернии было минимальным.

Так, в 1901 – 1902 учебном году в Ярославской классической гимназии обучалось 42 дворянина, а в Ярославской городской торговой школе только один. Однако необходимо отметить, что в 1909 – 1910 годах в Ярославской городской торговой школе числилось уже 17 детей дворян и чиновников, составляя 10% всех учащихся, уступая по численности крестьянам (51%) и мещанам (32%).

Единственным высшим учебным заведением в Ярославской губернии был Демидовский юридический лицей. Местным дворянским обществом в лицее также был учрежден ряд сословных стипендий. Однако дворянское представительство в Демидовском лицее было незначительным. Так, в том же 1901 - 1902 учебном году здесь обучалось всего 9 дворян⁸.

Достаточно распространенным явлением в дворянской среде было получение высшего образования в престижных столичных учебных заведениях. Об этом свидетельствуют материалы формулярных списков предводителей и депутатов дворянства, занимавших свои должности с 1890 по 1917 годы. Эти лица принадлежали к состоятельным дворянским фамилиям и поэтому имели возможность обучаться за пределами губернии.

Так, из пятнадцати депутатов дворянства с высшим образованием только двое окончили Демидовский лицей, а среди тринадцати уездных предводителей дворянства с высшим образованием – лишь четверо обучались в том же лицее⁹.

В целом по России в конце XIX – начале XX века происходило вытеснение дворянства из средних и высших учебных заведений. Если к 1898 году 52,2% учащихся гимназий были выходцами из высшего сословия, то в 1914 году их численность составила уже 32,5%. В университетах количественное преобладание дворянства закончилось уже к 80 – м годам XIX века. К 1914 году только треть студентов имела дворянское происхождение. В конечном итоге это вело к вытеснению дворянства из бюрократии и офицерского корпуса¹⁰.

Библиографический список

1. ГАЯО, ф. 73, оп. 1, д. 7017, л. 105; д. 7134, л. 111; ф. 213, оп. 1, д. 630, л. 9 - 12 (об.); ф. 214, оп. 1, д. 945, л. 54 - 59; д. 1012, л. 45 - 45 (об.); См.: Блосфельдт Г. Сборник законов о российском дворянстве. СПб., 1901. С. 333 - 334, 339 - 342.
2. См.: Блосфельдт Г. Указ. соч. С. 332 – 334.
3. ГАЯО, ф. 73, оп. 1, д. 7420, л. 35 (об.) – 36.
4. ГАЯО, ф. 213, оп. 1, д. 714, л. 69 – 71 (об.).
5. См.: Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских обществ. 1906 - 1912. М., 2001. Т. 2. Кн. 2. С. 33.
6. См.: Сведения о начальных училищах Ярославской губернии и об окончивших в них курс за 1899 – 1900 учебный год. М., 1901. С. 26.
7. ГАЯО, ф. 549, оп. 2, д. 641, л. 10 (об.) – 11. Данные по Мологскому, Пошехонскому и Рыбинскому уездам.
8. ГАЯО, ф. 73, оп. 1, д. 7017, л. 105; д. 7134, л. 111; ф. 213, оп. 1, д. 630, л. 9 - 12 (об.); ф. 214, оп. 1, д. 945, л. 54 - 59; д. 1012, л. 45 - 45 (об.); См.: Отчет об учебно-воспитательной деятельности Ярославской городской торговой школы и об учебной деятельности Ярославских городских торговых классов. Ярославль, 1910. С. 47.

9. Рассчитано по: ГАЯО, ф. 73, оп 1, д. 6670, 7007, 7140, 7387, 7417, 7474, 7484; оп 6, д. 91, 275 оп. 9, д. 329; ф. 79, оп 7, д. 2524, 2643, 2692, 2724, 2823, 2930, 2967, 3002, 3352, 3792, 4225; ф. 213, оп. 1, д. 718; ф. 214, оп 1, д. 951, 989, 1012; ф. 346, оп 3, д. 429, 586; ф. 485, оп 1, д. 641, 900; ф. 582, оп 1, д. 177, 238.

10. См.: Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начала XX в.): Генезис личности, демократизация семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2000. Т. 1. С. 139 - 140.

О.В. Дубичев (ЯГПУ)

Проблема природопользования в российском законодательстве на рубеже XIX – XX вв.

На основе анализа российского законодательства конца XIX – начала XX в. можно выделить три основных направления в деятельности государства, касающихся проблем природопользования: 1) сохранение природных ресурсов; 2) более рациональное использование всех видов ресурсов; 3) пресечение попыток незаконного и самовольного использования ресурсов.

К сохранению биологических ресурсов относятся разделы Устава о сельском хозяйстве, касающиеся вопросов охоты и рыболовства. В этих статьях говорилось также о запрете охоты и рыболовства в весенне-летний период (исключение составляли зайцы, кабаны и все хищные звери и птицы, которых «дозволялось истреблять всякими способами»¹), о запрете использовать самоловы и сплошные сети на реках. Статьи законодательства свидетельствуют о том, что проблемы сохранения отдельных видов животных, птиц и рыб к началу XX века стала актуальной в общероссийских масштабах, что нашло свое отражение в Своде законов Российской империи.

Одной из главных задач, стоявших перед правительством, являлось сохранение лесных ресурсов страны, особенно в ее западных и центральных губерниях. Этому должны были способствовать лесоохранительные комитеты, на которые возлагалась ответственность за исполнение Положения о сохранении лесов от 4 апреля 1888 г., а также Лесного устава.

Особое место в данных законодательных актах отводилось сбережению защитных лесов, роль которых в сохранении экологического баланса была велика. В такого рода лесах запрещалась любая рубка деревьев и вводились серьезные ограничения на эксплуатацию этих территорий.

Особенностью Лесного устава являлось то, что в статьях больше внимания уделялось казенным лесам и правилам их эксплуатации. Сама последовательность расположения статей, посвященных сначала казенным лесам, а затем частновладельческим, говорит о том, что государство прежде всего заботилось о защите своих собственных интересов. Кроме того, статьи, посвященные охране лесов, можно найти как в различных главах Устава, так и в специальном Положении о сбережении лесов².

Вместе с тем за период 1886 – 1906 гг. валовая доходность лесного хозяйства возросла в четыре раза (с 14,3 до 58,2 млн. руб.), а чистый доход – в пять раз. За первые семь лет XX века вывоз леса за границу в сыром виде вырос на 125%, а в обработанном – на 65%³. Правда, рост этих показателей происходил не за счет интенсификации использования лесных ресурсов, а за счет увеличения вырубки лесов. По доходности лесов (16 коп. на дес.) Россия стояла на одном из последних мест в Европе, в Германии этот показатель составлял 16 руб. В конечном итоге это привело к обезлесеванию центра и юга России, где процент лесистости колебался от 1,6 до 28,3⁴.

Таким образом, на примере эксплуатации лесных ресурсов можно сделать вывод об имевшем место противоречии между законами, существовавшими в данной области природопользования, и тем, как они реализовывались на практике. Вопрос о глубине этого противоречия будет предметом рассмотрения в ходе дальнейшей работы.

В системе мер по сохранению природных ресурсов правительство большое внимание уделяло мероприятиям, направленным на поощрение развития сельского и лесного хозяйства.

Прежде всего речь идет о *выдаче листов и медалей* за особые заслуги в деле лесоразведения или «за труды и успехи в сельском хозяйстве»⁵. Так, по линии лесного департамента предусматривалась выдача 291 премии для жителей 27 губерний, большая часть из которых находилась в южных и центральных районах России⁶.

Одна из статей Лесного кодекса предусматривала освобождение от земских и государственных земельных сборов защитных лесов, а также искусственных лесонасаждений в течение 30 лет со времени посадки⁷.

С конца 90-х гг. правительство стало использовать в качестве поощрительной меры *мелиоративный кредит*, который выдавался на срок от 20 до 30 лет на «осушительные, обводнительные или оросительные работы,... укрепление берегов рек,... лесоразведение,... расчистку неудобных земель»⁸. Но, как свидетельствуют исследования А.П. Корелина и Н.А. Проскураковой, из кредита общим объемом 10,9 млн. руб. на собственно мелиоративные цели было использовано 4,9 млн. (45%)⁹. Главными заемщиками являлись частные землевладельцы, по большей части крестьяне, центрально-черноземного и нечерноземного районов.

В целом складывается впечатление, что по данному направлению государство в своей законотворческой и практической деятельности больше надеялось на инициативу граждан, чем проводило целенаправленную политику по интенсификации и модернизации сельского и лесного хозяйства. Если государство и оказывало помощь в этих вопросах, то она была недостаточной и в большей степени ориентировалась на зажиточные слои землевладельцев, так как именно они могли претендовать на мелиоративные и ипотечные кредиты.

Отдельные статьи «Свода законов...» посвящены вопросам взыскания и наказания за нарушения закона, которые представлены как в самих уставах (лесном и о сельском хозяйстве), так и в специальном разделе «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями». Данные статьи можно разделить на две группы: 1) статьи о проступках против общественного благоустройства; 2) статьи о проступках против чужой собственности.

К первой группе относились такие нарушения, как засорение рек и каналов, браконьерство, рубка растущего леса, пастьба скота в лесу, самовольная расчистка леса. К проступкам против чужой собственности относились самовольная охота на чужой земле, похищение из леса деревьев и др.¹⁰.

Наказания за такого рода нарушения предусматривались в виде штрафа в размере от 5 до 300 рублей или ареста сроком от одного до шести месяцев. Последний вид наказания применялся в случае проведения буровых и подземных работ или похищения леса¹¹. Как правило, за повторное нарушение штраф увеличивался вдвое. В целом большинство статей ограничивалось штрафами в пределах 25 – 50 рублей. При сравнении штрафов с российскими ценами на продовольствие и другие товары в начале XX в. (хлеб – 6-12 коп., сахар – 50 коп., мясо – 20-45 коп., водка(1

л) – 30 коп., сапоги – 7 руб., корова – 45-60 руб., лошадь – 30-60 руб.) становится очевидным, что для крестьянства они были достаточно существенными¹². Вопрос о практике применения данных статей, их абсолютных и относительных показателях в общероссийской статистике правонарушений требует дальнейшей проработки.

Таким образом, на рубеже XIX – XX вв. необходимость в регулировании вопросов природопользования и охраны отдельных видов природных ресурсов, прежде всего лесных, была осознана не только передовыми представителями общества, но и правительством, что нашло свое отражение в «Своде законов Российской империи» и других законодательных актах.

Библиографический список

1. Свод законов Российской империи. СПб., 1904. 4-е издание. Т. XII. Ст. 340. С. 245.
2. Там же. Т. VIII. Устав лесной. Ст. 793 – 803. С. 67-68.
3. Зайцев Д.М. Государственное лесное хозяйство в связи с аграрной реформой и нуждами промышленности. СПб., 1910. С. 10.
4. Там же. С. 18
5. Свод законов... Т. XII. Устав сельскохозяйственный. Ст. 35. С. 220.
6. Там же. Т. VIII. Устав лесной. Прил. к ст. 721. С. 95.
7. Там же. Ст. 810. С. 69.
8. Там же. Т. XII. Устав сельскохозяйственный. Ст. 68. С. 223.
9. Корелин А.П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX – начале XX в. М., 1988, С. 40; Проскуракова Н.А. Земельные Банки Российской империи. М., 2002.

10. Свод законов... Т. XV. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Ст. 52-57, С. 189-190; Ст. 146-158, С. 200-201.

11. Там же.

12. Новейшая история Отечества. XX век: Учебн. для вузов / Под. ред. А.Ф. Киселева. М., 1999. С. 32.

Г.В. Карандашев (ЯГПУ)

**Нелегальное производство и оборот спиртосодержащей продукции в период действия «сухого закона»
(по материалам ярославского губернского
Акцизного управления за 1914-1917 годы)**

Введение «сухого закона» в России в 1914 году было продиктовано чрезвычайными обстоятельствами войны. Но, несмотря на его одобрение со стороны широких масс населения, в стране быстрыми темпами налаживались нелегальное производство и реализация спиртосодержащих веществ. Эйфория борцов за трезвость сменилась унынием.

Информативным источником по изучению различных махинаций в питейном деле служат материалы Акцизного управления, на которое в период действия «сухого закона», наравне с полицией, была возложена основная ответственность по поддержанию порядка. Ключевые задачи состояли в пресечении тайного винокурения и продажи алкогольных напитков.

По собранным Министерством финансов сведениям, за шесть месяцев с момента запрещения продажи спиртных напитков в России было обнаружено 1825 тайных винокуренных заводов, занимавшихся производством особого сорта водки, так называемой «кумушки». Также было найдено 160 винокуренных заводов, оборудованных по всем правилам современной техники, 92, специально занимавшихся очисткой политуры

и лака, и 60, производивших очистку денатурированного спирта¹.

Благодаря сравнительной легкости получения разрешения на приобретение денатурированного спирта, он занял 1-е место среди всех суррогатов, употреблявшихся населением. В ноябре 1914 года ярославский губернатор сообщал управляющему акцизными сборами о том, что большинство лиц, привлеченных к ответственности за появление в общественных местах в нетрезвом виде, использовали в качестве напитка денатурированный спирт².

Денатурат отпускался по специальным талонным книжкам из казенных лавок как топливо для нагревательных и осветительных приборов. Помимо алкоголя, в его состав входили древесный спирт, керосин, кетоновое масло и другие химические соединения. Спирт для освещения подкрашивали фиолетовой краской, а для обогрева – зеленой³.

В специальном обращении ярославское Акцизное управление особо обращало внимание на то, что даже ничтожный прием этого спирта внутрь ведет к резкому ослаблению зрения, а при значительном употреблении вызывает не только его потерю, но также полное отравление организма и смерть⁴.

Но данные предупреждения нисколько не смущали потребителей и в особенности продавцов денатурата, который иначе именовали «мотором», так как он еще использовался для технических целей и служил автомобильным топливом⁵.

В 1916 году начальник ярославского жандармского управления сообщал, что только в городе Рыбинске тайным привозом и сбытом денатурированного спирта занималось более 100 человек. Спирт привозили, главным образом, из Петрограда и Москвы, где он, как было

установлено следствием, свободно и в любых количествах отпускался из нескольких частных свечных лавок П.А.Андреева и Х.Д. Михалина и большей частью поставлялся в провинцию. Частыми гостями в этих заведениях были торговцы из Нижегородской и Тверской губерний⁶.

Спекулянты – оптовики, или «мотористы», предпочитали денатурированный спирт петроградского завода «Кенига» и «Российского общества винокуренных заводчиков»⁷.

Спирт завода «Кенига» содержал менее окрашивающих веществ и примесей, чем денатурат, произведенный в Москве или в Ярославле, и сбывался в гостиницах, ресторанах и на пароходах в смеси с безалкогольным коньяком «Шустов» под видом настоящего коньяка, «Зубровки» или других специальных водок. Изготовлением таких напитков занималась прислуга из ресторанов и буфетов, хотя не брезговали этим промыслом и фармацевты, продукция которых стоила значительно дороже⁸.

В отношении «Российского общества винокуренных заводчиков» Акцизное ведомство на основании экспертиз пришло к выводу, что им, под видом денатурированного спирта, сбывался обыкновенный чистый спирт, склад которого имелся в Ярославле, а, кроме того, были и агенты, развозившие спирт по всем городам губерний⁹.

Денатурат в столице можно было достать не только в свечных лавках, но и через старших дворников, которые получали спирт по талонным книжкам. Старший дворник одного из домов приходил к акцизному надзирателю и выправлял талонные книжки якобы на имя своих квартирантов, фактически не существовавших, а после этого получал денатурат и начинал им торговать¹⁰.

Погрузке «мотора» в поезда способствовали носильщики, а провозу – проводники. Денатурат обычно выгружался на ближайших к месту назначения полустанках и разъездах, а оттуда гужевым способом доставлялся в нужное место. Та же схема действовала и при провозе спирта водным транспортом: его выгружали на ближайшей пристани и на лошадях или лодках привозили в город¹¹.

Так, денатурат из Петрограда в Рыбинск привозили через Череповец, на последней станции перед которым торговец перегружал спирт на деревенских лошадей и доставлял его на пароходные пристани города. Перед Рыбинском все повторялось. Те, кто следовали по железной дороге, выгружались на станции Волга, недалеко от Рыбинска, или проезжали до Ярославля. Далее, в обоих случаях, на пароходе доезжали до Рыбинска, но спирт оставляли на судне. Матросы выносили денатурат в безопасный момент за вознаграждение. Иногда же спирт провозили до местечка Копяево в нескольких километрах от Рыбинска¹².

По мнению рыбинского полицмейстера, искоренить продажу денатурата было невозможно по причине его свободной продажи в столицах. На рапорты с указанием точных мест оптовой продажи спирта столичные власти часто отвечали, что проверки ничего не дали и нарушений обнаружено не было¹³.

Власти знали способы и каналы доставки спирта, большинство «оптовиков» и мелких торговцев, так называемых «шакалов», были известны полиции. Многие из них состояли под надзором. Но при этом следует особо отметить, что нередко низшие чины полиции получали от «мотористов», промышлявших тайной торговлей денатуратом, взятки. В Рыбинске эта сумма составляла примерно пять рублей в неделю¹⁴.

В феврале 1916 года в Ярославской губернии был обнаружен тайный винокуренный завод, производивший продукцию из хлебных запасов. В деревне к этому времени невиданную силу приобрело самогонварение и продажа браги и пива. К ответственности за производство и реализацию спиртосодержащей продукции привлекались *представители всех сословий*¹⁵.

Так, например, 3 мая 1916 года в г. Р.-Борисоглебске Ярославской губернии на пристани пароходства «Кавказ и Меркурий» была задержана *крестьянка* А.А.Александрова с 18 бидонами денатурированного спирта, оказавшимся питьевым спиртом завода «Кенига»¹⁶. В 1916 году к ответственности за торговлю денатуратом была привлечена *дворянка* М.И. Маркевич¹⁷. В начале февраля 1917 года в тайной выделке спирта были уличены даниловский *мещанин* А.Б. Борисов¹⁸, рыбинская *мещанка* Е.В. Смирнова¹⁹, *крестьянин* Лифляндской губернии П.М. Бунде²⁰ и т.д.

В типичном доносе от 8 марта 1916 года надзиратель 9-го участка ярославского управления Акцизными сборами А.Лукин сообщал о том, что ему были известны места, где производилась «самогонка из бражки и пива». А именно, надзирателю «указали:

1. на деревню Починки на Григорьева.
2. На ул. Большой Федоровской в доме Комарова якобы Зарубин занимается этим делом.
3. За Которослью, не указывая имена и лица, - в доме Свешникова.
4. В Коровниках – близ церкви, указывали на сторожа Никанора в доме Вахрамеева в квартире мастера Ермолина. Кроме того, в Коровниках торгует в доме Серебрякова Федотов, спиртом по 6 рублей бутылка, причем якобы между Федотовым и Ермолиным есть нечто общее...»²¹.

В Циркуляре прокурора Московской судебной палаты от 4 сентября 1917 года сообщалось, что *местами выгонка спирта приняла повальный характер, а примитивный способ, к которому прибегали крестьяне, во много раз увеличивал затраты хлеба*²².

Борьба с пьянством и различными махинациями в питейном деле не приводила к серьезным результатам. Даже запрет на продажу денатурированного спирта частным лицам и закрытие казенных лавок во всех городах, кроме губернских и имевших особое торгово-промышленное значение, не помешал денатурированному спирту по-прежнему занимать лидирующее место в числе средств, к которым обычно прибегала часть населения в целях опьянения²³.

Таким образом, введение «сухого закона» привело к значительному росту потребления различных суррогатов и спиртосодержащих веществ, как известно, отрицательно влиявших на физическое и психическое здоровье народа. Страдали же от этого, естественно, наименее обеспеченные слои населения.

Несмотря на старания полиции и акцизного надзора, а об этом свидетельствует большое количество выявленных нарушений, ситуация лишь усугублялась. Это было связано с тяжелыми условиями быта россиян, которые за годы свободной торговли алкоголем привыкли к данному стимулятору. Но не менее важной причиной неудачи запрета была коррупция, развитая как на местах, так и в крупных городах. Она перечеркивала все попытки государственной борьбы с нелегальным производством и торговлей спиртными напитками.

Библиографический список

1. Государственный Архив Ярославской Области. Рыбинский филиал. Фонд 117. Опись 1. Дело 41. Лист 19 (далее ГАЯО. РФ).
2. Там же. Ф. 117. Оп. 1. Д. 49. Л. 59.
3. Там же. Д. 45. Л. 16.
4. Там же. Д. 36. Л. 19.
5. Там же. Д. 49. Л. 27.
6. ГАЯО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 919. Л. 45.
7. Там же. Л. 45.
8. Там же. Л. 46.
9. Там же. Л. 21.
10. Там же. Л. 45.
11. Там же. Л. 46.
12. Там же. Л. 56.
13. Там же. Л. 58.
14. Там же. Л. 47.
15. ГАЯО. РФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 49. Л. 3-27.
16. ГАЯО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 49. Л. 20.
17. ГАЯО. РФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 49. Л. 21.
18. Там же. Д. 54. Л. 3.
19. Там же. Л. 3.
20. Там же. Л. 10.
21. ГАЯО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 919. Л. 1.
22. Там же. Д. 771. Л. 35.
23. ГАЯО. РФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 49. Л. 6.

Г. Н. Кочешков (ЯГПУ)

**Всероссийский союз земельных собственников:
основные этапы деятельности (1905-1917 гг.)**

Всероссийский союз земельных собственников возник в 1905 году. Среди учредителей союза были известные землевладельцы-помещики: кн. А.Г. Щербатов,

кн. В.Д. Голицын, кн. А.А. Ширинский-Шихматов, граф В.Ф. Доррер, граф А.А. Салтыков и др. Первым председателем Совета Всероссийского союза земельных собственников был избран А.А. Чемодуров. Союз создавался как узкосословная монархическая организация.

В ноябре 1905 г. состоялся съезд учредителей Всероссийского союза землевладельцев, на котором были провозглашены цели организации: "Наш Союз преследует двоякую цель: экономической корпорации, долженствующей приходить на помощь каждому из своих сочленов в их сельскохозяйственных нуждах, и политической организации, проводящей в жизнь всеми законными способами свои верования и убеждения"¹. На съезде говорилось о том, что эта вторая задача в условиях анархии (революции 1905 г. - Г. К.) выступает на первый план. Делегаты съезда требовали восстановить порядок в стране, окончательно подорванный бездействием гражданских властей в борьбе с организованными революционными силами, которые, по – видимому, имеют задачей расчлнить отечество и разорить его вконец².

Съезд в жесткой форме рекомендовал царскому правительству послать в уездные города и местности кавалерийские воинские части для охраны, предупреждения и пресечения случаев нападения на жизнь и имущество землевладельцев и прочих жителей, прекращение с помощью депрессивных мер революционной агитации и запрещение революционных союзов и митингов, проповедующих грабеж и разрушение³.

Участники съезда критиковали содержание манифеста 17 октября 1905 г. По их глубокому убеждению, народ "никогда не чувствовал отсутствия свободы собраний, например, он всегда беспрепятственно собирался на свои сходы. Никем не был стеснен ни в

свободе слова, ни в свободе вероисповедания; народ увидел в этом акте, с одной стороны, стремление "господ" ограничить самодержавие царя - олицетворение власти и правды в глазах всего крестьянства, - с другой, стремление уравнивать в правах с коренными русскими людьми евреев - этих эксплуататоров и притеснителей народа..., виновников нынешних убийств и беспорядков"⁴.

С приветствием на съезде выступил руководитель Союза русского народа А.И. Дубровин, что говорит о близости позиций двух организаций.

После революции, стремясь привлечь в свои ряды как можно больше крестьян-частных собственников, Союз принял Устав в новой редакции. Его первый пункт определил цель Союза: "объединить землевладельцев обоего пола всех местностей Российской империи, всех сословий, вероисповеданий, кроме иудейского, признающих неприкосновенность собственности вообще и земельной в особенности, для совместной работы по всем вопросам, касающимся землевладения и землепользования"⁵.

Делами Союза заведовал Совет, состоявший из председателя Союза, товарища его, 20 членов и казначея.

Членами Союза могли быть землевладельцы-собственники, пожизненные владельцы, арендаторы, лично ведущие хозяйство, а также общинники через своего уполномоченного. Годовой членский взнос зависел от размера землевладения: 5 руб. для владеющих от 300 десятин и выше; 3 руб. для владеющих от 200 до 300 дес.; 2 руб.- от 100 до 200 дес., но не менее половины цензовой нормы земского гласного⁶.

Однако, просуществовав всего пять лет, Союз так и не стал всесословной организацией, включая в свои ряды по преимуществу крупных землевладельцев.

В годы первой мировой войны земельные собственники вернулись к идее создания всероссийской организации. В ноябре 1916 года граф Орлов - Денисов, князя Оболенский, Изербатов и ряд других земельных магнатов обратились к министру земледелия с просьбой утвердить Устав организации, имевшей патриотическую цель, - помочь армии в снабжении продуктами сельскохозяйственного производства. Кроме того, они утверждали, что создаваемая организация должна будет способствовать "укреплению начал земельной собственности и защите интересов землевладения и сельского хозяйства"⁷.

С этой целью Союз предполагал оказывать содействие министерству земледелия в разработке и проведении законов и мероприятий, нужных для сельского хозяйства; способствовать развитию просветительских и производительных организаций сельских хозяев; заниматься разработкой научных и технических вопросов сельского хозяйства и земельной собственности; обслуживать всеми доступными способами земельные и сельскохозяйственные интересы каждого члена Союза; собирать и разрабатывать сведения, относящиеся к земельной собственности и сельскому хозяйству, а также распространять полезные для сельских хозяев знания путем печати, чтений, демонстраций и т. п.⁸.

В фонде 434 ГАРФ был обнаружен проект Устава вновь воссоздаваемого Всероссийского союза земельных собственников. Внимательное ознакомление с документами позволяет сделать вывод о том, что дворяне-землевладельцы стремились создать мощную корпоративную организацию крупных землевладельцев с целью защиты и охраны земельной собственности. В ходе разработки данного документа высказывались предложения о расширении состава Союза за счет

включения в организацию не только крупных, но средних и даже мелких частных владельцев. Эта рекомендация была учтена⁹.

9 декабря 1916 г. состоялось собрание членов учредителей Всероссийского союза земельных собственников, на котором было избрано временное правление. Председателем правления единогласно был выбран член Государственной думы П.Н. Балашев, членами - С.Н. Алекаев, С.М. Богданов, М.П. Дмитриев, Г.М. Дерюгин, А.Д. Зарин, А.А. Потоцкий, П.А.Сафонов и Г.В. Скоронадский.

На временное правление возлагалась обязанность провести подготовительные работы по созыву первого Всероссийского съезда земельных собственников, который предполагалось провести не позднее февраля 1917 года, однако в связи с февральскими событиями он был созван лишь в мае 1917 г. С целью расширения сферы деятельности Союза собрание постановило начать организацию местных отделов. Результат не заставил себя ждать: если в конце 1916 г. существовало пять местных отделений, то уже в начале мая 1917 г. насчитывались отделения в 31 губернии¹⁰. Тогда же в Москве состоялось учредительное собрание Всероссийского союза земельных собственников, на котором присутствовало свыше 300 делегатов.

Собрание приняло новый Устав Союза: чтобы привлечь в организацию как можно больше крестьян, владевших землей, Устав отменил обязательное требование о владении не менее 50 десятинами земли для тех, кто желает быть членом Союза. В Уставе указывалось, что Союз землевладельцев действует в рамках закона, решая все спорные вопросы мирным путем.

После учредительного съезда началась активная организационная и агитационная деятельность местных

отделов Союза. Энергично привлекались в его ряды хуторяне и отрубники. Участвовавшие факты захватов земель хуторян крестьянами вынуждали домохозяев искать средства защитить от посягательств на их частную собственность. Так, на съезде земельных собственников Московского уезда (первая половина июня 1917 г.) четверть его состава представляли хуторяне и отрубники. Много отрубников присутствовало на съезде землевладельцев в Саратове. Как отмечала газета "Приволжская правда", во время съезда" рядом с иголки одетыми помещиками и помещицами заседали крестьяне-отрубники и вообще мелкие земельные собственники, вышедшие из крестьянства. Зрелище весьма поучительное. Экономические интересы оказались гораздо сильнее старинной вражды между крестьянством и господами помещиками. Экономическое развитие привело к трогательному единению выходцев из крестьянства с угнетателями помещиками"¹¹.

Итак, образованием широкой сети местных организаций закончился первый этап деятельности Союза (декабрь 1916-июнь 1917 г.).

Следующий этап в деле объединения крупных землевладельцев и крестьян-собственников связан с Всероссийским съездом Союза земельных собственников, который проходил с 1 по 8 июля 1917 г. в "Русской палате" гостиницы "Славянский базар" в Москве.

На съезд прибыло около 400 делегатов, среди них было и значительное число крестьян. Председателем съезда был избран барон В. В. Меллер-Закомельский. Среди товарищей председателя значился и крестьянин Громушкин.

Делегаты съезда резко критиковали Временное правительство за невыполнение собственного обещания,

данного в начале своего правления, - охранять земельную собственность от крестьянских захватов.

Большое место на съезде уделялось сообщению с мест. "Почти все сообщения, - отмечала газета "Русское слово", - рисовали картины полного хаоса в земельных отношениях... Много говорилось о захвате помещичьих земель, о разгроме имений... Раздавались жалобы на волостные земельные и другие комитеты, подвергшиеся, по мнению делегатов, засилью левых элементов, главным образом большевиков"¹². Серьезное внимание на съезде уделялось вопросу о предстоящих выборах в волостные и уездные земства и в Учредительное собрание. Поручено было разработать списки всех земельных собственников, а также отрубников, хуторян и крестьян-общинников, примыкающих к Всероссийскому союзу земельных собственников или сочувствующих целям¹³. Главному Совету союза было представлено право в тактических целях "блокироваться со всеми отдельными союзами и организациями, программы и уставы которых в конечном счете преследуют охранение права личной собственности"¹⁴.

Учитывая пожелания участников съезда, в резолюции по аграрному вопросу отмечалось, что "земельный вопрос не может быть разрешен с точки зрения интересов отдельных слоев населения, сколько бы они ни были многочисленны, а исключительно с точки зрения интересов общегосударственных". Это - главный тезис, положенный в основу постановления по земельному вопросу. Общегосударственные интересы не позволяли делить землю на мелкие участки, поскольку такие меры могли привести "к уменьшению общего количества урожая..., к уничтожению сельскохозяйственных технических производств, к сокращению количества выращиваемого племенного, молочного и мясного скота..,

к понижению уровня нашей сельскохозяйственной культуры". Съезд высказался против передачи культурных частновладельческих хозяйств в распоряжение местных органов самоуправления, так как это могло привести к снижению доходности культурных хозяйств. Единственным верным средством повышения благосостояния земледельческого населения "является усиление производительности ... земель и развитие всех отраслей сельскохозяйственной промышленности ... Повышение производительности нашей почвы может быть ... достигнуто исключительно при сохранении права частной собственности на землю"¹⁵.

Осенью 1917 г. усиливается аграрное движение. В ответ на это Всероссийский союз земельных собственников призвал своих сторонников к борьбе против правонарушителей, вплоть до вооруженного сопротивления. Переход от жалоб к использованию военной силы - характерная черта третьего этапа в жизни и деятельности Союза (сентябрь - октябрь 1917 г.). Землевладельцы вынуждены были вооружать служащих от набегов крестьян на имения владельцев.

1 октября 1917 г. Главный Совет созвал совещание для выработки мер борьбы с погромным движением в деревне, на котором присутствовали представители 25 губернских отделений Союза. Было отмечено, что аграрные беспорядки охватывают все большую часть страны и принимают все более разрушительный характер, разгромам подвергаются целые уезды. Главный Совет послал правительству телеграмму, в которой требовал, чтобы оно "немедленно и срочно дало самые строгие циркулярные указания губернским комиссарам и начальникам гарнизонов о решительном подавлении аграрных беспорядков в самом их начале вооруженной силой". Совет настаивал, чтобы в особо "угрожаемые"

места немедленно направлялись кавалерийские части как наиболее мобильные. В случае же дальнейшего попустительства правительства и безнаказанности "грабителей" Всероссийский союз грозил "прибегнуть к возмездию и самосуду"¹⁶.

Октябрьские события Всероссийский союз земельных собственников охарактеризовал как антинародные. В ответ на принятие большевиками Декрета о земле Главный Совет разработал циркуляры и разослал их местным отделениям. В них подчеркивались, что к Декрету о земле, как и ко всем последующим земельным распоряжениям Советской власти, Союз относится "вполне отрицательно" и не признает за ними юридической силы¹⁷.

Главный Совет возлагал большие надежды на Учредительное собрание, выражая уверенность, что оно сумеет овладеть положением и "конфискованные имения будут возвращены сполна, либо частью, их законным собственникам или по меньшей мере они будут экспропрированы за справедливое и приличное вознаграждение"¹⁸. После разгона Учредительного собрания большевистское правительство запретило деятельность всех антисоветских общественно-политических организаций. В июле 1917 г. Союз земельных собственников был ликвидирован.

Библиографический список

1. См.: Журнал заседания съезда Учредителей Всероссийского союза землевладельцев 17 ноября 1905 года. М., 1906. С. 6-7.
2. См.: Там же.
3. См.: Там же. С. 11.
4. См.: Там же. С. 17.

5. См.: Журналы заседаний Совета учредителей Всероссийского союза и съезда землевладельцев: весна 1908 года. М., 1909. С. 16.
6. См.: Там же. С. 18.
7. Известия министерства земледелия. 1917. 22 января.
8. ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 266. Л. 1-4.
9. Там же. Ф. 434. Оп. 2. Д. 55. Л. 2-3.
10. Устав Всероссийского союза земельных собственников. М., 1917. С. 2.
11. Приволжская правда. 1917. 22 июня.
12. Русское слово. 1917. 2 июля.
13. ОР РГБ. Ф. 114. К. 2. Д. 20. Л. 33.
14. Там же. Л. 1-2.
15. Там же. Л. 36.
16. См.: Осипова Т.В. Всероссийский союз земельных собственников (1917)// История СССР. 1976. №3. С. 125.
17. ОР РГБ. Ф. 114. К. 2. Д. 28. Л. 1.
18. Там же. Д. 29. Л. 2-4.

А.В. Еремин (ЯГПУ)

Государственно-церковные отношения во второй половине 90-х гг. XX века

В 90-х гг. XX столетия вероисповедная политика России прошла сложный путь становления: от практически полного отсутствия государственного контроля за религиозной сферой до выработки новой концепции государственно-церковных отношений. К середине 90-х годов так называемая американская модель (сепарационная) государственно-церковных отношений показала свою несостоятельность, ибо не учитывала российскую действительность. Во второй половине 90-х годов сформировалась германская (кооперационная) модель. Суть этой модели состоит в регулировании государством

религиозной сферы без нарушения принципа свободы совести. Признается особая роль традиционных конфессий, с которыми государство заключает обоюдные соглашения о сотрудничестве в культурной и духовно-нравственной сферах. К концу 90-х годов росло количество законодательных актов, относящихся к религиозной сфере (более 80 к 2000 г.). Более того, собственные Законы и иные правовые акты по религиозным вопросам приняты в 33 субъектах РФ. Среди этих актов большинство повторяло содержание Федерального Закона, однако во многих регионах они ограничивают деятельность иностранных миссионеров, деятельность сект, что часто противоречит федеральному законодательству.

По мнению некоторых исследователей, государственные органы и подразделения, осуществляющие связи с религиозными объединениями, действовали автономно друг от друга и не были наделены исполнительно-распорядительными полномочиями. “Горизонтальное” взаимодействие между региональными органами по связям с религиозными объединениями осуществляется еще на довольно низком уровне. Недостаток специалистов, единого информационного поля и базы данных приводил к нарушению координации действий государственных структур центра и регионов, что затрудняло проведение единой вероисповедной политики.

В конце 90-х годов одним из решений этой проблемы было укрепление властной вертикали через создание единого органа, обеспечивающего координацию и управление отношениями государства с религиозными объединениями. По мнению специалистов, территориальные структуры были бы менее зависимы от региональных, местных властей, чем ныне действующие органы и смогли бы координировать их деятельность с федеральной вероисповедной политикой.

Однако к концу 90-х годов взаимоотношения РПЦ и государства обрели вид тесного и плодотворного сотрудничества. Кооперационная модель развивалась быстрыми темпами. Между РПЦ и государственными подразделениями как на федеральном, так и на региональном уровне было подписано множество соглашений о сотрудничестве в различных сферах общественной и культурной жизни, в системе управления РПЦ появлялись новые отделы по различным общественным сферам, что свидетельствовало о росте масштабов социальной деятельности. Церковь активно работала над формулировкой своей социальной концепции. Все это позволит в начале XXI века сказать Патриарху Алексию II о том, что “государственно-церковные отношения близки к идеальным”. Поэтому создание единого органа воспринималось Церковью как вероятность нарушения развивающихся тенденций, когда решение всех вопросов будет зависеть от конкретных чиновников. Ситуация, когда все соглашения заключаются напрямую между Церковью и государственными структурами (министерства, управления и т.д.) более устраивала РПЦ, так как де-факто признавался непрописанный в законодательстве приоритет Православной Церкви, которая по праву являлась конфессией № 1.

Однако с ростом значения традиционных религий становилось очевидным, что требуются новые Законы, детально прописывающие нормы отношений государства и традиционных конфессий. В конце 90-х годов назрела необходимость формулировки новой концепции государственно-церковных взаимоотношений. Становилось очевидным, что в отношениях государства с ведущими конфессиями на территории РФ требуются совершенно иные подходы. Та религиозная организация, члены которой составляют наибольшее количество

прихожан, по праву могла претендовать на юридически оформленный статус традиционной религии с вытекающими отсюда преимуществами в сфере взаимоотношений с государством. Опыт западных стран показывал, что практически во всех государствах определяется та религия, которая является ведущей и имеет огромный вклад в историко-культурное развитие страны. Права таких конфессий были юридически закреплены.

Тенденция к выработке концепции воплотилась в появлении в 2001 году новых концепций государственно-церковных взаимоотношений: например, проекта, разработанного кафедрой религиоведения РАГС, или концепции государственной политики в сфере отношений с религиозными объединениями РФ, представленной Институтом государственно-конфессиональных отношений и права в сотрудничестве с Главным управлением Министерства юстиции РФ по г. Москве. В обоих проектах закреплялись те базовые подходы к проблеме свободы совести, которые провозглашены Конституцией РФ, Законом 1997 г. и отражали точку зрения международного права. Это принципы отделения религиозных организаций от государства и принцип светского характера государства. В проектах впервые подробно говорилось о необходимости сохранения культурного наследия и традиций. В связи с этим отмечалось, что огромную негативную роль сыграло религиозное влияние из-за рубежа. Россия рассматривалась иностранными проповедниками “как миссионерская целина, и, пользуясь ослабленностью за годы тоталитарного режима традиционных конфессий, в нашу страну устремились многочисленные миссионеры и проповедники десятков зарубежных церквей, миссий и других религиозных организаций”. В проектах высказывалась необходимость противодействия деструк-

тивными религиозным организациям. Главное, что вызвало большой диссонанс в обществе, - предложение ввести в число правовых терминов понятие “традиционные религиозные организации РФ”. Наиболее четко о традиционных религиозных организациях говорилось в концепции Института государственно-конфессиональных отношений, где давались критерии их определения. Более того, предполагалось, что государство с традиционными религиозными объединениями будет иметь “приоритетное сотрудничество”. В концепции РАГСa содержалось также предложение о том, чтобы образовать государственный федеральный орган по делам религиозных объединений.

Таким образом, указанные проекты как бы подводили итог развитию государственно-церковных отношений в 90-х годах. В них оформлялась так называемая кооперационная модель, признавался приоритет традиционных религий, необходимость противодействия влиянию “тоталитарных сект” и чрезмерному давлению западного религиозного миссионерства. Разработанные проекты соответствовали интересам и пожеланиям РПЦ.

Несмотря на то, что проекты не стали законами, они ясно показывают развитие тенденции, которое берет свое начало с середины 90-х годов. Разработка новой концепции государственно-церковных отношений и принятие ее в качестве официального закона, на наш взгляд, - процесс необратимый. Это завершающий этап формирования вероисповедной политики в России.

Продовольственные волнения в Ярославле летом-осенью 1917 года

Первая мировая война острейшим образом поставила перед Россией продовольственную проблему. Уже в 1916 г. в 70 губерниях были введены твердые цены и карточки на сахар ввиду его крайней нехватки. В правительстве рассматривался вопрос о введении карточек на хлеб и муку, но во избежание массовых волнений было решено эту меру отложить. Революция еще более усугубила создавшуюся ситуацию.

7 марта 1917 г. по инициативе Ярославской городской думы и Комитета общественной безопасности был создан губернский продовольственный комитет. 25 марта Временным правительством был утвержден закон «О передаче хлеба в распоряжение государства», фактически введивший хлебную монополию. Отныне по всей стране вводились твердые закупочные и продажные цены на хлеб. Исключительное право на заготовку и распределение хлеба передавалось продовольственным комитетам, подчиненным министерству земледелия (с мая – вновь учрежденному министерству продовольствия)¹.

Еще в середине марта в Ярославле и Рыбинске были введены карточки на муку. Установленные нормы были явно недостаточны – 10 фунтов в месяц на человека, но и это удавалось обеспечить с большим трудом. Через месяц было принято решение прекратить отпуск муки для частных пекарен и чайных заведений, а также для свадеб и поминок. Выдачу муки для просфорен было решено производить «в самом ограниченном количестве»². С 1 мая были введены карточки и на печеный хлеб из расчета 2 фунта в день на человека. В июле этот паек был сокращен до одного фунта, а в сентябре – до ½ фунта (для лиц,

занятых тяжелым физическим трудом, – $\frac{3}{4}$ фунта)³. В целях экономии хлеб выпекался из непросеянной муки самого низкого качества. На излом он был грязно-серый и комковатый⁴. Белая мука отныне должна была как лекарство отпускаться только по рецептам врачей.

У хлебных лавок выстраивались длинные «хвосты» (слово «очередь» тогда еще в общепринятый обиход войти не успело). Летом к «хлебным хвостам» прибавились хвосты «чайные», «мясные», «масляные». Стояние в очередях отнимало много времени, что было серьезной проблемой для работающих людей. По этой причине комитет служащих ярославского городского водопровода обратился в управу с просьбой поочередно опускать рабочих в город для закупки продуктов, сохраняя им при этом дневной оклад⁵. Пребывание в очередях, таким образом, приравнивалось к работе, требующей достойного вознаграждения.

За сахарным и хлебным дефицитом последовал дефицит молочный. В мае городские власти Ярославля обеспокоились тем, что молоко стало исчезать из продажи, а цены на него существенно выросли. Виновником этого были объявлены мороженщики, которые якобы скупали у приезжавших на рынок крестьян все молоко. В результате городская дума с подачи губпродкома 19 мая приняла постановление, запрещающее торговлю мороженым⁶. Милиционеры начали вылавливать и штрафовать торговцев этим товаром, а само мороженое стало продаваться из-под полы.

В разряд дефицита попадали все новые наименования продовольственных товаров. В сентябре были введены карточки на мясо, чай и «скоромное» (сливочное) масло⁷. Обстоятельства пропажи того или иного вида товаров были, как правило, очень схожи. Сначала – повышение цен на рынке и в частных лавках.

Продовольственный комитет немедленно реагирует на это установлением твердой таксы. Население, привыкшее воспринимать это как сигнал, впадает в панику и сметает все на корню. В результате товар исчезает окончательно.

Примером этого может служить история с табаком. Конечно, для курильщика табак – тоже предмет повседневного спроса, но число его потребителей все же ограничено. В июне в Ярославле в дополнение к «хлебным» и прочим появились и «табачные хвосты». Среди тех, кто стоял в очередях у табачных лавок, шли разговоры о том, что табак скоро совсем исчезнет из продажи. Власти отреагировали на это официальным опровержением: «Слухи эти не соответствуют действительности. В петроградских газетах появились объявления табачных фабрик, в которых фабриканты заявляют, что табак, как в обработанном виде, так и в сыром, имеется в большом количестве и что бояться табачного кризиса не следует»⁸. Но успокоительные слова лишь подлили масла в огонь. В конце августа толпа попыталась разгромить табачный магазин Дунаевых на первом этаже здания гостиницы «Царьград»⁹. Закончилось это тем, что в сентябре были введены карточки и на табак. Интереснее всего, что после введения карточек объемы продажи табака существенно выросли. «Оказывается, что махорку стали получать по карточкам не одни только курящие, с целью обмена ее на деревенские продукты, цена на которые растет с каждым днем»¹⁰. По этой причине продовольственный комитет принял решение прекратить выдачу карточек на табак женщинам.

Эскалация распределительных мер нанесла сильный удар по торговле. С введением хлебной монополии стала бессмысленной деятельность частных пекарен и хлебных лавок, большинство которых было фактически муниципализировано. Введение карточек на другие виды

продовольственных и промышленных товаров привело к тому, что из свободной продажи они немедленно исчезли. В очередях заговорили о том, что лавочники сознательно утаивают товары. Несомненно, что отчасти это так и было. Однако вместо того, чтобы найти способ стимулировать частную торговлю, продовольственный комитет опять пошел по пути администрирования. Уже в апреле имели место эпизодические обыски в лавках и магазинах.

Первый случай продовольственных волнений в Ярославле зафиксирован 19 июня 1917 г. В этот день у здания Совета рабочих депутатов собралась толпа женщин. Все было обставлено как настоящий митинг, у собравшихся с собой был даже плакат с надписью «Товарищи! Рабочий народ пришел к вам с просьбой о хлебе и сахаре!» Женщины были очень возбуждены и кричали, что Совет только деньги получает, а о людях не заботится. Разошлась толпа лишь к тому времени, как стемнело¹¹. Новая вспышка волнений произошла 15 июля. Причиной его стала выдача по карточкам непросеянной муки низкого качества. Толпа женщин явилась в продовольственный комитет и потребовала, чтобы к ним вышел председатель комитета А.С. Крючков. Волнения прекратились только после появления милицейского наряда¹².

В августе продовольственные волнения фиксируются милицейскими сводками уже еженедельно. 3 августа толпа, состоявшая, как и в предыдущих случаях, преимущественно из женщин, задержала на Семеновской площади обоз с сахаром, предполагавшийся к отправке в Рыбинск. Солдат-возчик предъявил интендантские документы, но окружившие обоз женщины кричали, что документы поддельные, а сахар прячут еврей-спекулянты. Милиция с помощью представителей Совета солдатских депутатов сумела все-таки отбить обоз. Двое из толпы,

наиболее громко призывавшие к погрому, были арестованы¹³.

Утром 17 августа мимо очереди, собравшейся у здания губпродкома, проследовало три телеги с мешками. Один из них разорвался, и на мостовую посыпался изюм. Обоз немедленно был задержан. Подоспевшие милиционеры разгрузили мешки во дворе дома № 74 по Духовской и выставили к ним охрану. Но толпа все прибывала. Собравшиеся попытались прорваться во двор, кто-то уже залез на чердак. Вновь начались разговоры о том, что у «евреев большие запасы продовольствия и они спекулируют»¹⁴. Толпа шумела до вечера и разошлась лишь с сумерками.

На следующий день, 18 августа, причиной похожей истории стал обоз с валенками. Вечером того же дня самочинные обыски прошли в самых разных районах города: в лавке Медведевых на Мышкинской (найлены мука и сахар), Румянова на Большой Рождественской (чай и варенье), в молочной лавке на углу Никитской и Петровской (здесь не нашли ничего). Губернский комиссар Б.В. Дюшен уже поздним вечером был вынужден выезжать на места происшествий для того, чтобы уговорить толпу разойтись¹⁵. Через три недели, 8 сентября, жертвой толпы стал владелец лавки колониальных товаров на Любимской улице А.И. Поздняков. У него были обнаружены «200 пудов сушки-баранков». Поздняков и заступившийся за него сосед были жестоко избиты. Прибывшие на место милиционеры обнаружили, что неизвестные злоумышленники под шумок ограбили магазинную кассу и квартиру Позднякова¹⁶.

Более масштабные продовольственные волнения вспыхнули в начале осени. Началось все вечером 20 сентября у проходной Большой Мануфактуры. Какой-то пьяный грузчик (по другим сведениям – ломовой извозчик)

заявил находившимся там рабочим, что будто бы он сам сопровождал обоз с продуктами в Спасский монастырь. Обоз, якобы, двигался ночью, тайно, а значит, что-то там нечисто. По требованию рабочих находившийся поблизости наряд милиции тут же отправился в монастырь. За ним последовала толпа числом более сотни человек¹⁷. Нашли что – либо в монастыре – неизвестно. Похоже, что нет, поскольку информации об этом нам не встретилось ни в газетах, ни в архивных документах. Но уже на следующий день обыски прокатились по всему городу. Газеты об этом писали так: «Вчера в течение целого дня толпа рабочих и солдат, среди которых было много подростков, ходила по Ярославлю, совершая обыски не только на складах торговых фирм, но и в частных квартирах»¹⁸. Никакой системы при этом не было (почему-то особенно пострадала Духовская улица, где обыскали каждый дом). В толпе ораторствовали никому неизвестные люди, «призывавшие забирать в городе для своего пользования все товары, хватать за горло членов продовольственного комитета и топить их в Волге»¹⁹.

Обыски продолжались три дня. Некоторые дома были обысканы дважды или трижды. Милиция при этом фактически самоустранилась, и только воинские патрули помогали сохранять относительный порядок и не позволяли толпе растаскивать все найденное. Обыски дали следующие результаты: на складе Патеревского на Малой Варваринской было найдено по два пуда ржаной и пшеничной муки, 9 мешков картофельной муки, 45 пудов свиного сала и 8 ящиков винной кислоты; на складах Вахрамеева в Подзеленье – 28 мешков солоду, 21 тысяча пудов соли, 44 мешка гороха, 145 мешков крупы, 5 мешков пшеничной и 2 мешка ржаной муки, 32 пуда пшеничных сухарей. В кладовых под церковь Воскресенья Христова – 20 мешков белой муки, 1 мешок манной крупы, мешок

риса, две бочки патоки и ящик кокосового масла. В складах под церковью Николая Надеина – 5 мешков листового табаку, 48 ящичков мыла, 12 мешков ниток, 34 бидона хлопкового масла и т.д. В доме Лопатина на Стрелецкой улице было изъято 13 пудов сахарного песка, 20 пудов белой муки, 17 пудов «скоромного масла». В квартире Робертовича (Борисоглебская, д. 4) было обнаружено 7 мешков пряников, два ящика конфет, 79 банок монпансье и ящик мыла²⁰.

С заявлением против самочинных обысков выступил ярославский Союз домовладельцев. Протест заявил и губернский комиссар Б.В. Дюшен (хотя и не предпринял никаких мер для того, чтобы им помешать)²¹. С опозданием, но свой протест выразила и городская дума. Губернский же продовольственный комитет, напротив, фактически поддержал обыски. Его председатель А.П. Крючков в тот день, когда на улицах города бушевала толпа, отправил в Петроград телеграмму: «Положение с продовольствием достигло в губернии крайней остроты, запасов совершенно нет, августовский и сентябрьский планы до сего времени не выполнены. В Ярославль приходят толпы голодного народа и осаждают комитет требованиями хлеба... Если в ближайшие дни не будет привезено хлеба, то неизбежны эксцессы и остановка промышленных предприятий»²². Никаких последствий этот вопль отчаяния не имел (можно предположить, что подобные телеграммы приходили со всех концов России десятками), да и сам он свидетельствовал лишь о том, что губпродком окончательно потерял контроль над ситуацией.

Положение с продовольствием ухудшалось стремительно. В значительной мере это было обусловлено причинами, действовавшими в масштабе всей страны: сокращением посевных площадей, разрухой на транспорте

и т.д. Для городов Ярославской губернии дело усугублялось зависимостью от привозного хлеба. Тем не менее ситуация, во всяком случае до осени 1917 г., еще не была безнадежной. В то время главной проблемой был не голод, а страх перед грядущим голодом. Этот страх заставлял население запасать продовольствие впрок, а торговцев утаивать свои запасы. Страх провоцировал спекуляцию и продовольственные волнения. Сентябрьские обыски, ставшие апогеем продовольственных волнений, показали, что страх в любой момент может вылиться в агрессию.

Библиографический список

1. Собрание узаконений и распоряжений правительства. №85. 18 апреля 1917 г. С. 688-696.
2. Голос (Ярославль). 1917. 3 мая.
3. Труд и борьба (Ярославль). 1917. 4 сентября.
4. Голос (Ярославль). 1917. 16 июня.
5. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 1877. Л. 548.
6. Там же. Д. 1905. Л. 3.
7. Голос (Ярославль). 1917. 12 сентября.
8. Там же. 21 июня.
9. ГАЯО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 1161. л. 54.
10. Голос (Ярославль). 1917. 20 октября.
11. Труд и борьба (Ярославль). 1917. 20 июня.
12. Голос (Ярославль). 1917. 19 июля.
13. Там же. 5 августа.
14. ГАЯО. Ф. 288. Оп. Д. 1159. Л. 94
15. Там же. Л. 96-97.
16. Там же. Л. 99-100.
17. Там же.
18. Голос (Ярославль). 1917. 22 сентября.
19. Труд и борьба (Ярославль). 1917. 21 сентября.

20. ЦДНИ ЯО. Ф, 394. Оп. 1. Д. 36. Л. 53; Голос (Ярославль). 1917. 22 сентября.
21. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 1877. Л. 474, 522.
22. Труд и борьба (Ярославль). 1917. 21 сентября.

Н.А. Миронова (ЯГПУ)

**Агитационная и пропагандистская деятельность
большевиков в 1920-1925 г.**

(по материалам Ярославской области)

В своих работах В.И. Ленин уделял значительное внимание пропаганде и агитации, их роли в формировании государственной идеологии¹. В 1919 году по всей стране открываются агитпункты. В 1920 году появляется агитационно-пропагандистский отдел губернского комитета в Ярославле. На протяжении нескольких лет он курировал вопросы культурного развития города.

При проведении агитационной и пропагандистской деятельности учитывались социальные интересы той части общества, для которой предназначалась пропаганда, и потому очень удачно выбирались формы, средства и методы воздействия на массы.

Кампания по ликвидации безграмотности тесно переплеталась с агитационным воздействием. До 1925 года наиболее распространенной формой массовой просветительской работы были лекции. В январе 1923 года при Ярославском губернском профессиональном совете создается лекционное бюро. Лекторов для организации пропагандистской работы не хватало. Большинство из них были малограмотными, имели лишь начальное образование², слабо ориентировались в политических вопросах. Классовая принадлежность играла решающую роль в карьере пропагандиста. Агитаторы читали лекции по той области профработы, которой занимались сами.

Примером может служить список лекторов³, входящих в районные коллегии райкомов Ярославля, датированный 15 февраля 1922 года, в котором представлены данные о 69 лекторах, читавших лекции по различным темам (в том числе политическим, историческим и т.д.). Только у троих имелось высшее образование, у семнадцати - среднее. Остальные 45 человек имели «низшее» образование, большинство не окончило даже трех классов церковно-приходской школы. Эти люди состояли в партии недолго, в среднем 2-3 года. Подавляющее большинство не имело опыта лекторской или педагогической работы: это бывшие телеграфисты, литейщики, электрики, чернорабочие, техники, слесари, токари. Среди лекторов были две женщины. Эти молодые пропагандисты и должны были стать "народной интеллигенцией", к тому же они «представляли ценность в классовом отношении». У лекторов, вероятно, было еще какое-то занятие, так как они были очень ограничены во времени и им едва удавалось успевать на прочтение лекций⁴.

Некоторые лекторы демонстрировали полную педагогическую непригодность. Низкий уровень знаний не способствовал улучшению качества прочтения лекций, однако упрощал восприятие материала. Лекторы говорили на доступном для слушателей языке. Рабочие лучше понимали язык своих товарищей. Для чтения лекций часто приглашались преподаватели университета. Лекторская группа при Лекционном бюро губпрофсовета была достаточно большой⁵. В плане лекций на май 1923 года сообщалось, что лекторами могут быть люди, работающие на производстве⁶.

В 1925 году доля лекций в массовой работе профсоюзных клубов несколько снижается. В этот период увеличивается приток людей из деревни, для них лекции были слишком утомительными, поэтому вводятся другие

виды пропаганды: диспут, суд, "живая газета". Они давали наибольший эффект в деле популяризации жизненных политических вопросов.

Иногда пропаганда приобретала необычные формы, например, вид ролевой игры⁷. Для иллюстрации одного из механизмов пропаганды обратим внимание на документы, в которых описан процесс суда. В роли обвиняемого выступает коммунистическая партия. На подсудимого, то есть коммунистическую партию, возлагается ответственность за гражданскую войну, голод и разорение в стране. Россия была не подготовлена для борьбы за социализм, который являлся, по сути, утопичной идеей. Партия обвиняется в том, что она не учитывала интересы 80 % населения - крестьян, которые не могли воспринять идеи коммунизма. В документе звучит словосочетание «коммунистический переворот», что довольно примечательно, так как эта фраза выпадает из общих штампов коммунистической фразеологии. Партия обвиняется в том, что не смогла сдержать инфляцию, а иногда даже содействовала ей. Постоянно звучит сочетание слов «голод и разорение». Вероятно, это ключевой момент обвинения. Молодому пропагандисту было необходимо научиться опровергать его, так как снижение уровня жизни - это проблема, с объяснением которой агитаторы сталкивались на любом собрании.

Партия обвиняется в неспособности наладить промышленное производство, в системе концессий. Коммунистов обвиняют в монополизации власти, в том, что они преследуют другие партии. При прочтении документов бросается в глаза то, насколько продуманно, взвешенно, а иногда и современно сформулированы обвинения в адрес коммунистической партии. Вне всякого сомнения, составителем его был человек образованный, знающий историю революции, очень грамотный

(предложения стройные и четкие). Более того, обвинения, выдвинутые РКП, иногда звучат очень смело и беспристрастно.

После обвинения включается психологический механизм пропаганды. Свидетелями защиты являются «твердо отстаивающий правоту пролетарий», женщина-работница, красноармеец - то есть герои, положительные для восприятия, те, чьи образы в начале 20-х годов формировались пропагандой. Свидетелями обвинения выступают Лига Наций, дезертир труда, «расхлябанный интеллигент», спекулянтка и иные персонажи. С введением таких характеров достигается определенный эффект воздействия на массы: во-первых, и речи быть не может о поддержке обвинения (смешные и неприятные персонажи отбивают всякое желание обывателя всерьез рассматривать выдвинутые обвинения). Постепенно создается стереотип рабочего, стереотип поведения каждого члена общества, которое представляется простым по структуре и в котором по классовому положению человека можно определить его взгляды. В результате пропаганда опровергает не столько обвинения (многие из которых очень сложно опровергнуть), сколько высмеивает тех, кто их выдвинул. Цели игры - показать, что те, кто обвиняет РКП - непорядочные, не работают добросовестно, не в состоянии понять действия коммунистической партии или вообще являются людьми с Запада, которым еще только предстоит пройти путь к революции и которые тоже ничего не способны понять (Ллойд Джордж, западноевропейский рабочий). В ходе этой ролевой игры помимо всего прочего молодые агитаторы учились опровергать любые обвинения, выдвинутые против партии. Такой опыт им был необходим.

Вышеназванные ролевые игры построены на принципе, который и в настоящее время имеет широкое

распространение (на нем основана различного рода политическая реклама). Имеется в виду самопрезентация партии по принципу противопоставления "мы" и "они"⁸. Такой прием мы можем наблюдать во многих пропагандистских документах 20-х годов, например, в рассмотренных выше ролевых играх, где существует четкая психологическая установка на консолидацию тех, кто выступает «за» РКП и «против». Форма игры (суд) еще более заостряет психологическое противопоставление «мы (РКП, труженики, рабочие)» - «вы (расхлябанный интеллигент, дезертир, спекулянтка)». При такой установке кажущаяся беспристрастность «обвинений РКП» является лишь трюком, и понятно, что не может быть и речи о сомнениях в признании заслуг партии перед обществом.

Идеологический диктат в сфере образования в первые годы Советской власти осуществлять было достаточно сложно. Нового преподавательского состава не сложилось, а распространение марксистской теории требовало значительного времени. Политика Советов в области образования была крайне противоречивой. Власть то пытается сохранить старых специалистов, то начинает наступление на старую систему, свидетельством чего является пролетаризация высшего образования, введение системы "разверстки", распределение мест в вузы только среди людей, "представляющих интерес в классовом отношении"⁹.

Пропаганда и агитация распространялись не только в университетах, но и в школах, в детских домах. Целью и девизом агитационно-пропагандистской деятельности было воспитание детей как "строителей нового общества". Фактически происходила подмена знания пропагандой, которая создавала особую среду для воспитания масс в духе коммунизма, что и являлось главной целью большевиков.

Антирелигиозная пропаганда была важной составляющей "культурной революции". До 1925 года власть организывает "просвещение" масс, беседы и разъяснения "ошибочности" религиозных представлений. Для дискредитации церкви и священнослужителей использовались все средства массовой информации. В 1925 году организован Союз воинствующих безбожников, культивирующий нетерпимое отношение к религии, что приводило к вспышкам антирелигиозного экстремизма. Марксизм должен был полностью вытеснить православие и заменить религию верой в коммунистические идеалы.

Советская власть осознала важность сохранения книг как народного достояния и приняла меры для воссоздания библиотек, которые находились в бедственном положении. Библиотека должна была стать пунктом систематической пропаганды коммунизма. Все печатные издания подлежали регистрации. Выпускаемая агитационная литература присылалась в губернии и со временем составила основной фонд библиотек. Поставляемые книги являлись либо трудами теоретиков марксизма-ленинизма, либо работами других авторов, придерживавшихся классового подхода. Марксизм не только приравнивался к абсолютной научной истине. Пропаганда создавала особую информационную среду, от которой невозможно было изолироваться.

Пропаганда влияла на литературную жизнь Ярославля, на театр, музыку, изобразительное искусство. В 1924 г. создается Ярославская ассоциация пролетарских писателей; эта организация была весьма малочисленна. В целом наблюдается всплеск в литературной жизни города. На арену исторического действия выходит "пролетарская культура".

Осенью 1918 был муниципализирован театр им.Ф.Волкова, репертуар которого находился под

контролем. Пропаганда затронула музыку, которую стремились также поставить на службу пролетариату. Музыкальным коллективам предлагалась помощь в организации досуга.

Таким образом, вся жизнь общества была идеологизирована. Пропаганда и агитация стали инструментом власти для распространения в обществе коммунистической идеологии, для воспитания "нового человека". Широкая кампания ликвидации безграмотности, достигшая значительных успехов, тесно переплеталась с агитационным воздействием. Пропаганда уже с начала 20-х годов влияет на все средства массовой информации. Идеологическое воздействие на сознание становится важнейшей составляющей политики большевиков.

Примечания

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 198; т. 47. С. 74; т. 47. С. 54.
2. ГАЯО. Ф.Р-162. Оп. 1. Д. 1231, Л. 86, 96, 106.
3. ГАЯО. Ф.Р-178. Оп. 1. Д. 2653. Л. 40.
4. Там же. Л. 90.
5. ГАЯО. Ф.Р-162. Оп. 1. Д. 1237. Л. 44.
6. ГАЯО. Ф.Р-162. Оп. 1. Д. 575. Л. 104.
7. Это принцип наиболее четко сформулирован нидерландским исследователем Т.А. ван Дайком (Van Dijk Т.А. *Ideology. A Multidisciplinary Approach*. London, 1998).
8. Например, знаменитые слова: "Для нас марксизм есть самоочевидная истина. Мы постараемся взять рабоче-крестьянскую молодежь и будем в рабфаках и вузах готовить собственную интеллигенцию". (Луначарский). "Мы (партия) допускаем свободу исследований в рамках нашего режима" (Бухарин) и многие другие.

9. Подробнее об образовании см: Салова Ю.Г. Культурное развития Ярославля в 1917-1927 годы. Ярославль, 1995.

Е.Н. Стремоусова (ЯГПУ)

Формирование и функционирование управленческих кадров на низовом уровне в СССР в годы нэпа: постановка проблемы

Глубокие преобразования в экономической области, изменение управленческих структур на современном этапе требуют объяснений, что, в свою очередь, предполагает обращение к историческому прошлому страны, поэтому актуальным является изучение системы управления предприятиями в ходе осуществления новой экономической политики, выявляющей как «светлые», так и «темные» стороны организации управленческих механизмов¹.

Следует отметить, что история новой экономической политики – это фактически история эволюции форм и принципов хозяйствования, история эволюции системы управления, которая формировалась в сложных конкретно-исторических условиях, а потому вызывает острый интерес.

Деятельность низовых органов в период нэпа, как, впрочем, и на протяжении всей российской истории, имела огромное политическое значение, в связи с чем вопрос о политической системе в целом и о партийных кадрах в частности является достаточно хорошо изученным в исторической науке². Проблема же формирования и функционирования управленческих кадров на предприятиях, напротив, мало изучена, особенно на региональном уровне, а потому ее рассмотрение имеет большое историческое и практическое значение.

В рамках освещения данного вопроса целесообразным будет рассмотрение социального состава, образовательного и возрастного ценза кадров, процесса складывания управленцев нового типа, раскрытие вопроса об организации управленцев на местах и вовлечении масс в управление.

Решение поставленных вопросов напрямую зависит от обращения к историографической литературе и источникам. Историография проблемы представлена литературой русского зарубежья, работами отечественных и зарубежных исследователей.

Историков-эмигрантов условно можно разделить, согласно классификации В. Л. Телицына, на два лагеря: либеральный и эгалитарный, который, в свою очередь, представлен довольно широким спектром - от умеренных социалистов до безоговорочных сторонников Советской власти³. Умеренно-социалистическую позицию демонстрирует работа А. Югова, постоянного автора «Социалистического вестника». Исследователь рассматривает вопрос об управленческих кадрах в контексте проблемы функционирования системы управления промышленностью в целом. Так, он подчеркивает наличие фактора, существенно усложнившего решение задач управления. Таким, по его мнению, была бедность техническими и организаторскими силами, присущая российской истории. Главной ошибкой в управленческой деятельности Югов считает сочетание как в тресте, так и на предприятии специалиста-инженера с комиссаром-коммунистом. Исследователь подчеркивает отсутствие у рабочих необходимых опыта, знаний и навыков, с одной стороны, и враждебное отношение к советскому строю промышленников, инженеров и высших служащих, не желающих учить управлению коммунистов либо брать на себя эту функцию, с другой. Особо отчетливо это показал,

по мнению историка, Шахтинский процесс⁴. В целом автор делает вывод о неразрешенности проблемы управления промышленностью и несформированности необходимых управленческих кадров в СССР в годы нэпа.

В советской историографии господствует позиция, согласно которой новая экономическая политика представляла собой переходный от капитализма к социализму этап; в его рамках осуществлялась диктатура пролетариата. Характерным в этой связи является исследование Ю.А. Полякова, В.П. Дмитренко, Н.В. Щербань «Новая экономическая политика: разработка и осуществление». В большей степени уделяя внимание рассмотрению основных направлений нэпа, исследователи не оставляют в стороне и вопрос об основных принципах и методах хозяйствования. Авторы справедливо отмечают, что совершенствование структуры как центральных, так и местных органов объективно назрело в новых хозяйственных условиях. Подчеркивая классовый характер нэпа, историки делают вывод о значимости экономической политики, так как нэп обеспечил «простор для действия объективных законов социализма»⁵.

Советский исследователь А. М. Рубин в монографии «Организация управления промышленностью в СССР (1917-1967)» подходит к рассмотрению кадрового вопроса более критично, подчеркивая тот факт, что промышленность испытывала острый недостаток в инженерно-технических кадрах, в то время как руководящий состав не имел достаточного опыта⁶.

Многие отечественные историки, освещая проблему управления предприятиями, ставили вопрос об участии рабочего класса в управлении посредством функционирования так называемых производственных совещаний. Показательными в этом отношении являются работы И.П. Остапенко и Э.Б. Генкиной. Раскрывая

сущность принципа единоначалия в управлении предприятиями, И.П. Остапенко подчеркивает значительную «моральную поддержку» рабочих масс руководства предприятиями, которая в большей степени заключалась в вовлечении трудящихся в управление производством и организации производственных совещаний. Будучи совещательным органом, эти массовые организации активно выявляли мнения рабочих и служащих. Таким образом, по мнению автора, принципы единоначалия сочетались с осуществлением контроля снизу⁷.

Генкина в своей статье определяет производственные совещания как постоянную форму производственной активности советского рабочего класса, связанную с общей проблемой социалистических принципов управления промышленностью⁸.

В годы перестройки были сделаны первые попытки переосмысления опыта 1920-х годов. Партийное руководство ставило своей задачей найти исторические и теоретические доказательства реформируемости социализма и советской системы, подтверждений возможностей повторения опыта нэпа⁹. Однако в исследованиях историков преобладала тенденция поисков противоречий нэпа, которые сводились главным образом к выявлению невозможности функционирования рыночных механизмов в рамках существования командно- административной системы¹⁰.

Современные отечественные исследователи представляют достаточно пеструю картину мнений относительно рассматриваемой проблемы. Ряд историков раскрывает многогранность новой экономической политики, другие твердо стоят на советских позициях, третьи затрагивают в своих исследованиях психологический аспект проблемы¹¹. Существуют также резко

критические позиции, объединяющие разнообразные аспекты проблемы¹².

Таким образом, отечественная историография изобилует различными оценками поставленного вопроса, раскрывая многочисленные его аспекты.

Зарубежные исследователи в меньшей степени обращались к данной проблематике. Выводы некоторых из них сводятся к сравнению экономического положения СССР в период нэпа и развитых индустриальных держав не в пользу первого¹³. Другие воспринимают нэп как «период передышки» между политикой «военного коммунизма» и дальнейшим укреплением командных начал в экономике¹⁴.

В целом следует заметить, что необходимо с большой осторожностью (а зачастую с критикой) относиться к выводам исследователей, учитывая приверженность ученых определенной методологической концепции.

Залогом более или менее объективной позиции может стать правильное прочтение источников, большая часть из которых представлена материалами местных архивов. К ним относятся, прежде всего, делопроизводственные материалы, содержащие организационно-распорядительную, отчетную документацию (циркуляры ВСНХ по организационным и производственным вопросам, протоколы производственных совещаний, материалы обследований предприятий, различного рода приказы и распоряжения). Эти документы дают возможность ответить на вопросы технического и организационного характера, рассмотреть характер взаимоотношений предприятий с советскими органами. Текущая переписка между предприятиями губерний позволяет выявить наиболее острые проблемы хозяйственного характера.

Исключительную значимость в рамках изучения данной проблемы представляют материалы по личному составу предприятий – анкеты, отчетные карточки, содержащие информацию, необходимую для решения поставленных задач.

Не меньшую значимость представляют документы партийных лидеров, к которым следует отнести произведения В.И. Ленина и М.И. Калинина. В совокупности с другими источниками они позволяют раскрыть многие вопросы организационного характера.

В целом можно сделать вывод о том, что существующие по данной проблеме историографическая литература и источниковая база являются необходимыми составляющими в рамках освещения вопроса о формировании и функционировании региональных управленческих кадров в СССР в годы нэпа.

Библиографический список

1. См.: Дмитренко В.П. Четыре измерения нэпа // НЭП: приобретения и потери. М., 1994. С. 27.
2. См.: Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы: 1917-1923 гг. М., 1995; Леонова Л.С. Из истории подготовки партийных кадров в советских партийных школах и коммунистических университетах (1921-1925). М., 1972; Селиванов А.М. Формирование кадров советского государственного аппарата в 1921-1925 г.г. (на материалах Верхней Волги) // Партийные организации Верхнего Поволжья в период строительства социализма. Ярославль, 1976.
3. См.: Телицын В.Л. Новая экономическая политика: взгляд из Русского зарубежья // Вопросы истории. 2000. №8. С. 30.

4. См.: Югов А. Проблемы управления государственной промышленностью // НЭП: Взгляд со стороны. Сборник. М., 1991. С. 197-202.
5. Поляков Ю.А., Дмитренко В.П., Щербань Н.В. Новая экономическая политика: разработка и осуществление. М., 1982. С. 82.
6. См.: Рубин А.М. Организация управления промышленностью в СССР (1917-1967). М., 1969.
7. См.: Остапенко И.П. Участие рабочего класса СССР в управлении производством. (Производственные совещания в промышленности в 1921-1932 гг.). М., 1964. С. 5.
8. См.: Генкина Э.Б. Возникновение производственных совещаний в годы восстановительного периода (1921-1925) // История СССР. 1958. №3.
9. См.: Цакунов С.В. В лабиринте доктрины (Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы). М., 1994. С. 4.
10. См.: Секушин В.И. Отторжение: нэп и командно-административная система. Л., 1990. С. 25.
11. См.: Дмитренко В.П. Указ. соч.; Файн Л.Е. Нэповский «эксперимент» над российской кооперацией // Вопросы истории. 2001. №7.; Ибрагимова Д.Х. Нэп и перестройка: массовое сознание сельского населения в условиях перехода к рынку. М., 1997.
12. См.: Лютов Л.Н. Неэффективность промышленности в условиях нэпа// Вопросы истории. 2000. №4-5.
13. См.: Дэвис Р.У., Гатрелл П. От царизма к нэпу//Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. 1993. № 1.
14. См.: Карр Э.Х. Русская революция от Ленина до Сталина, 1917-1929. М.: Интер-Версо, 1990.

**Археологическое изучение Ярославского края
в 30-е годы XX столетия**

Тридцатые годы представляют собой особый период в летописи отечественной археологической науки. Приметы времени сказались и в идеологической окрашенности археологии как неотъемлемой части исторической науки, и в специфических социально-психологических издержках, и в своеобразном характере организации и проведения многих археологических предприятий.

После непродолжительного, но все же явного затишья середина тридцатых годов на территории края стала новым этапом весьма интенсивных изысканий и раскопок. Именно в Поволжье в этот период были брошены главные силы Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК). Следуя в фарватере общего процесса всесоюзного социально-экономического планирования, ГАИМК в соответствии с ними определяет и основные направления археологических исследований.

Предметом особого внимания на территории Ярославского края закономерно становится район Молого-Шекснинского междуречья и прилегающего к нему побережья Волги, что было обусловлено причинами, весьма далекими от академической науки. Развертывание здесь наиболее масштабных обследовательских и раскопочных работ этого периода вызвано запланированным на ближайшее будущее возведением каскада верхневолжских ГЭС и других гидротехнических сооружений на его территории. Планируемое в верховьях Волги строительство потребовало огромных усилий, исключительной оперативности при проведении

экспедиции и охвата большой территории. Наиболее обширные разведочные и раскопочные работы проводились в 1933 – 1936 годах по инициативе ГАИМК под руководством П.Н. Третьякова.

Предварительно, еще до начала раскопок, в 1933 году была проделана колоссальная работа по практически исчерпывающему выявлению, учету и регистрации памятников на обоих берегах Волги. В ходе обследования выверена широкая полоса волжского побережья от Углича до Ярославля через Мышкин, Мологу и Рыбинск, а также территории по берегам Мологи и Шексны - от Весъегонска до города Мологи и от Ягорбы до Рыбинска. Не обойдены вниманием также прилегающие участки в низовьях мелких и средних притоков Волги, Мологи и Шексны. В общей сложности протяженность маршрута экспедиции по берегам Волги и впадающих в нее рек и притоков составила около 1000 км.¹

Масштабы производства работ поражают и сегодня - тем более, что отдельные участки исследуемого района до этого времени оставались совершенно не тронутыми в археологическом отношении. Особенно это касается района молого-шекснинской впадины. Всего по итогам 1933 года было зарегистрировано около 200 памятников, из них некоторые были раскопаны в течение того же сезона. Даже самый беглый очерк характера и особенностей этого огромного собрания археологических объектов, вобравшего в себя историю региона за несколько тысячелетий, позволил впоследствии в значительной мере обновить представление о целых эпохах, пережитых этими областями.

Задачей последовавших сезонов стало углубленное изучение наиболее интересных из открытых памятников, многие из которых оказались под угрозой исчезновения. За период с 1933 по 1936 год всего было раскопано 19

крупных комплексов – семь неолитических стоянок, пять городищ, датируемых I тысячелетием до н.э., четыре селища того же периода и три больших курганных могильника XI-XIII вв. н.э.².

Так, в 1934 году исследовались в основном площади в районе Рыбинск-Ярославль. Были раскопаны, в частности, 15 курганов XI-XII вв. н.э., входящих в состав обширной группы, расположенной на левом берегу Волги у села Воздвиженья, в 16 километрах вверх по течению от Ярославля. Продолжены также раскопки начатого в 1933 году кургана в устье реки Ить на левобережье Волги, у села Устье, выше Ярославля. Этот памятник, к началу исследования почти полностью смытый Волгой, дал два слоя – нижний эпохи бронзы, верхний – VI-VII вв. н.э.³.

Наиболее крупные работы 1934 года были предприняты на городище у деревни Березняки - на правом берегу Волги в устье реки Сонохты. Этот - один из наиболее интересных памятников Верхнего Поволжья - был открыт и частично разработан еще А.А. Спицыным в 1903 году. В 1934 году была исследована почти половина территории городища, в результате чего получен обширный материал III – IV вв. н.э. В следующем, 1935 году работы на городище были завершены. В ходе работ обнаружены остатки семи наземных рубленых домов, нескольких хозяйственных построек и интересного погребального сооружения, представляющего собой маленькое деревянное строение, в котором размещались остатки трупосожжений. Сохранились и остатки оборонительных сооружений.

В 1935 году продолжена также начатая в 1933 году разработка селища III-V веков около дома отдыха «Красный холм», в 20 километрах вверх по Волге от Ярославля. В этом же году в полосе затопления Угличской ГЭС раскопано знаменитое поселение эпохи бронзы у села

Золоторучье, давшее материал, который с полным правом можно назвать уникальным по количеству находок и классическим - по их выразительности и своеобразию. Около деревни Новоселки в 7 километрах от Углича в устье Грехова ручья полностью исследованы остатки городища первых веков н.э. Близ деревни Митино, в устье реки Куксы, на правом берегу Волги в этом сезоне был также раскопан сложный памятник, состоящий из разрушенного длинного кургана IX-X веков и лежащего под ним слоя с находками эпохи бронзы. Характер и особенности материала сближают его с золоторучьинским.

Кроме того, в 1935 году начаты раскопки еще одного исключительно интересного памятника - городища на левобережье Волги, расположенного у села Городище, в 5 километрах ниже Калязина. Здесь открыты остатки культуры древнейших в Верхнем Поволжье городищ, датируемой началом-серединой I тысячелетия до н.э. Мощность слоя местами достигает трех метров и содержит остатки всех последующих периодов вплоть до середины I тысячелетия н.э. В дальнейшем на основании анализа данных этого памятника разрешены некоторые вопросы хронологической классификации верхневолжских городищ⁴.

1935 год стал также временем систематического обследования известных и разведки новых памятников фатьяновского типа в Тутаевском районе. В частности, в 1935 году завершаются начатые в 1933-1934 гг. раскопки Вауловского могильника под Тутаевом. Всего на Ваулове были проведены три экспедиции, организованные Государственным историческим музеем совместно с ГАИМК под руководством Д.А. Крайнова, в ходе которых вскрыта площадь более 2000 кв. метров. По количеству погребений Вауловский представлял собой самый большой известный тогда фатьяновский могильник северной группы

этой культуры. Результаты трехлетних работ на памятнике обобщены в итоговом исследовании, опубликованном в выпуске «Трудов Государственного исторического музея». Здесь на основе методичного изучения территории памятника и анализа собранных в ходе раскопок материалов по-новому поставлены самые общие вопросы характеристики фатьяновской культуры в целом, касающиеся как ее происхождения и ареала распространения, так и особенностей хозяйственного и религиозно-культурного комплексов⁵.

В следующем, 1936 году наиболее активные работы переместились выше по Волге. Раскопки велись в основном на двух участках – в нижнем течении Мологи и по Волге от Мышкина до Мологи. Так, на левом берегу Мологи открыты остатки неолитических стоянок. На правом берегу Мологи проведены также небольшие раскопки стоянок эпохи бронзы и раннего железного века. Поиски «Холопьяго городка», известного по письменным данным и расположенного некогда на Мологе вблизи устья реки Сить у села Борисоглеб, показали, что городище полностью уничтожено вследствие изменения русла реки.

На правобережье Волги у села Охотино, в 2-3 километрах ниже Мышкина в местности Круглецы, в 1936 году раскопано городище первых веков н.э., почти совершенно размытое Волгой. Не многим лучше сохранилось городище у села Городок на правом берегу Волги, в районе железнодорожной станции «Волга», представляющее собой один из древнейших верхневолжских памятников такого типа. Материалы аналогичны находкам нижнего горизонта в слое городища у села Городище. Наконец, в этом же районе у села Кирино проведены небольшие раскопки на обширном селище VII-VIII веков н.э.⁶.

Отметим, что с 20-х и 30-х годов дополнительным источником сведений о времени, месте и некоторых других деталях проведения археологических раскопок становятся газетные материалы. Так, в номере ярославской областной газеты «Северный рабочий» обнаруживаем сообщение о только что упомянутых работах «на берегах рек Волги и Мологи в пределах Мологского, Брейтовского и Мышкинского районов». В заметке названы основные силы экспедиции – студенты-практиканты Ленинградского университета, названы ее руководители – старший научный сотрудник П.Н. Третьяков и заведующий историко-бытовым отделом Ярославского музея С.Н. Рейпольский; указан также источник финансирования исследований – ГАИМК⁷.

В результате проведенных за три года работ на обозначенных выше территориях был получен обширный материал, в некоторых отношениях превосходящий все данные, собранные здесь во время раскопок и обследований предыдущих лет. Хотя работы носили практически только спасательный характер, велись очень быстро и без тщательно подготовленного четкого исследовательского плана, полученные материалы отличались богатством, разнообразием, хорошей репрезентативностью и достаточно высоким уровнем научной обработки. В этом смысле следует отметить большое значение модернизации системы проведения раскопок, которая была завершена именно в тридцатые годы. Если еще в конце предшествующего десятилетия, вплоть до рубежа 20-х и 30-х годов, раскопки «колодцем» или траншеей, вполне обыкновенные в свое время, были достаточно широко распространены, то теперь их практически полностью вытесняет схема работ под «снос», дающая несравненно более четкий и систематичный результат.

Поэтому данные, собранные по результатам раскопок и обследований середины 30-х годов в верховьях Волги и бассейнах впадающих здесь в нее рек, позволили в значительной степени наметить основные контуры ранней истории Верхнего Поволжья, уточнить некоторые высказанные ранее предположения и заполнить многие из давних белых пятен в древнейшем прошлом этого региона. В итоге, по словам П.Н. Третьякова, «те хронологические лакуны в археологических источниках, которые являются настоящим бичом исторического исследования, здесь ощущаются не так остро»⁸.

Перечень археологических работ, проведенных в Ярославском крае в этот период, не исчерпывается территориями, уходящими под затопление или попадающими в зону строительных работ. Воодушевленный результативностью работ в регионе и богатством здешних памятников, П.Н. Третьяков не ограничивается одними только приволжскими территориями и уже в 1938 году, по завершении спасательных работ, исследует ряд памятников на Плещеевом озере. Здесь были обследованы остатки городища Клешино, в частности, сделан план его укреплений. Путем пробных раскопок обследовано также поселение Александрова гора, что позволило датировать его X – XIII вв. Следы аналогичных поселений обнаружены также по соседству с Александровой горой, на берегу озера Сомино.

В следующем, 1939 году в Переславском районе П.Н. Третьяковым дополнительно проведены раскопки курганных насыпей на берегу реки Кухмарь. Характер обнаруженного инвентаря – керамики, бронзовых и серебряных предметов - позволил отнести погребения к бронзовому веку. Именно результаты исследования ярославских памятников I тысячелетия н.э. и отчасти I тысячелетия до н.э., проведенного в тридцатые годы, в

значительной степени послужили материалом для его работ, в которых сделаны наиболее серьезные обобщения по этой проблематике⁹.

Кроме того, в 1938-1939 гг. по заданию ГАИМК при сотрудничестве с Ярославским краеведческим музеем систематическое исследование нескольких десятков курганов на двух больших могильниках в окрестностях Ярославля – Тимеревском и Михайловском проводит - Я.В. Станкевич. В ходе этих работ был собран, проанализирован и введен в научный оборот огромный вещевой материал. Объем раскопок достаточно велик – только на Тимеревском могильнике были вскрыты 26 насыпей, что позволило детально реконструировать тип погребального обряда. Систематизация и изучение могильного инвентаря привело Я. А. Станкевич к заключению, что Тимерево служило сельским кладбищем, которое действовало со второй половины VIII до начала XI в. Что касается Михайловского могильника, то по итогам проведенных раскопок основной вывод Я.В. Станкевич заключался в том, что этот памятник оставлен пришлым славянским населением. К такому убеждению она приходит в результате анализа погребального обряда, который считает аналогичным обряду сопкообразных курганов в Ленинградской области, а также на основании характеристики вещевого комплекса в целом (прежде всего керамики)¹⁰.

Работы под руководством Я.В. Станкевич отличались тщательностью подхода и высоким уровнем исследовательского профессионализма. На основе изучения полученных здесь результатов была выработана целостная и методично разработанная концепция раннесредневековой истории Верхнего Поволжья¹¹. Эта концепция, пользовавшаяся в течение почти двух десятилетий непререкаемым авторитетом и получившая

много позднее название «патриотической», в основе своей опиралась на тщательно аргументированное положение об исключительно славянском характере захоронений в ярославских могильниках. Отсюда - однозначный антинорманизм, полное отрицание каких-либо еще иных влияний и некоторые другие признаки идеологической окраски позиции в целом¹². Теоретические положения Я.В. Станкевич были, видимо, одним из наиболее очевидных примеров давления идеологических постулатов на археологию, что, безусловно, ни в какой степени не умаляет объективной значимости этих исследований.

В конце 30-х годов берет свое начало отдельное крупное направление в отечественной археологии – планомерное исследование древнерусских городов. Крайне спорадическое по своему характеру в дореволюционную эпоху и практически забытое в 20-е годы, с указанного момента это направление начинает формироваться как самостоятельное, последовательное и впоследствии становится одним из основных и наиболее тщательно разрабатываемых. Исследования культурного слоя Ярославля и Переславля были одним из первых шагов по пути, который принадлежит уже следующему десятилетию.

Таким образом, несмотря на объективные трудности, характерные для рассматриваемого периода, тридцатые годы оставили заметный след не только в отечественной археологии в целом, но и в истории археологического изучения Ярославского края. Раскопки позволили сохранить и сделать предмет пристального изучения многочисленные памятники, которые в противном случае пополнили бы перечень серьезных культурно-исторических утрат этого времени.

В сравнении с 20-ми годами предвоенное десятилетие характеризуется тем, что археологические

работы на территории Ярославского края, во-первых, безусловно, становятся на более систематические и методологически отработанные рельсы; во-вторых, как следствие, они имеют результатом намного больший масштаб исследований и научных обобщений, сделанных на их основе. Причиной углубления и расширения научно-исследовательской деятельности стала, с одной стороны, некоторая общая стабилизация положения в отечественной археологии, которая привела к упрочению и систематизации всей схемы практического проведения обследований и раскопок. С другой стороны, ускорению производства работ послужила, к сожалению, угроза скорой гибели множества верхневолжских памятников.

Интенсивность проведения этих работ была обусловлена полной сменой «базы» археологии – из предмета искренних, тщательных и методичных, но все же в значительной мере любительских занятий она становится в буквальном смысле делом государственной важности. Отсюда намеченные выше особенности этого периода – опора на столичные научные силы на фоне уже практически полного уничтожения краеведческого движения – и, следовательно, археологии, опирающейся на местные возможности. Вклад ярославцев в археологическое освоение края в 30-е годы ограничивается в итоге робкими попытками представителей Ярославского краеведческого музея принять участие в раскопках, проводимых ГАИМК. Отзвуки этих попыток находим в небольших заметках (в частности, упомянутого выше С. Рейпольского), сообщающих о раскопках в местной прессе.

Научные же результаты работ, проделанных в рамках рассматриваемого периода, заслужили впоследствии самые высокие оценки. Для того, чтобы коротко охарактеризовать значение научных обретений 30-х годов в рамках нашего небольшого обзора, достаточно сказать

словами П.Н. Третьякова, что в тридцатые годы XX века «в верховьях Волги обнаружены материалы, проливающие свет на проблему ранних периодов истории этого района...»¹³.

Библиографический список

1. Археологические работы Академии на новостройках в 1932-1933 гг. М.-Л., 1935.
2. Там же. С. 104.
3. См.: Там же. С. 106-107.; Археологические исследования в РСФСР. 1934-1936 гг. М.-Л., 1941. С. 76.
4. Там же.
5. См.: Крайнов Д.С. Вауловский могильник // Труды ГИМ. В. XII. М., 1941. С. 105-155.
6. Археологические исследования в РСФСР в 1934-1936 гг. М.-Л., 1941. С. 77.
7. Раскопки в Ярославской области // Северный рабочий. 1936. 21 августа.
8. Третьяков П.Н. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н.э. Л., 1941. МИА. №5. С. 66.
9. Его же. Древнейшее прошлое Верхнего Поволжья. Ярославль, 1939; Его же. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н.э. // МИА. Л., 1941. №5; Его же. Северные восточнославянские племена // Там же. М.-Л., 1941. №6.
10. См.: Станкевич Я.В. К вопросу об этническом составе Ярославского Поволжья в IX-X вв.// МИА. М.-Л., 1941. №6. С. 56-88.
11. Фехнер М.В. Тимеревский могильник // Ярославское Поволжье X-XI вв. М., 1963. С. 5.
12. См.: Кураев И.В. Историография курганов Ярославского Поволжья // Археологический сборник. Труды ГИМ. В.111. М., 1999. С. 14.

13. Археологические труды Академии на новостройках в 1932-1933 гг. М.-Л., 1935. С. 102.

О.Н. Глявина (ЯГПУ)

Партизанское движение на Брянщине в отечественной историографии

Одной из наиболее дискуссионных тем периода Великой Отечественной войны является история борьбы советского народа на территории, оккупированной немецко-фашистскими захватчиками. С одной стороны, она сыграла важную роль в освобождении областей и республик Советского Союза и в конечной победе над фашизмом. С другой стороны, в ряде бывших республик СССР осуществляется попытка пересмотра роли партизанского движения в истории Великой Отечественной войны. В этом отношении показательными являются процессы против участников партизанского движения в Латвии. Поэтому крайне важным сегодня является объективный анализ партизанского движения, его целей и движущих сил.

В отечественной историографии, особенно советского периода, партизанское движение было и остается довольно популярной темой. Стоит отметить, что существует диспропорция в изучении различных регионов. В сборнике «Партизанское движение по опыту Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» утверждается, что «более обстоятельно освещается народная борьба на Украине и в Белоруссии. Намного слабее она представлена по Российской Федерации, особенно в обобщенном виде»¹. По нашим подсчетам, в исторической литературе о партизанской борьбе на 5 упоминаний Украины (Белоруссии) приходится лишь 2-3 упоминания какого-либо из регионов России. Одним из этих регионов,

наиболее охваченных партизанским движением, была территория нынешней Брянской области, где действовало 27 партизанских бригад и 139 отрядов общей численностью до 60 тысяч человек². К сожалению, научные труды о партизанах Брянщины, как правило, ограничиваются либо небольшими научно-популярными статьями, либо работами о действиях одного из партизанских соединений. Историография Брянского партизанского движения развивалась в общем контексте историографии партизанского движения на территории Советского Союза. Таким образом, целью настоящей статьи является выявление значимости партизанского движения на Брянщине, отраженной в работах советских и российских историков, рассмотрение наименее освещенных аспектов проблемы.

В советской историографии борьба советского народа в тылу врага объявлялась несомненным показателем приверженности людей идеалам коммунизма, их готовности умереть за существующий строй. Коммунистическая партия Советского Союза признавалась единственным организатором, руководителем, вдохновителем этой борьбы. «С самого начала народную войну на временно оккупированной гитлеровцами территории направляла и организовывала Коммунистическая партия. Она видела в этой борьбе не только действенную помощь Красной Армии, но и могучее средство укрепления морального духа советских граждан, временно оказавшихся под игом фашистских оккупантов»³. Советские историки стремились опровергнуть утверждение зарубежных авторов, связывающих начало всенародной борьбы против захватчиков, с неоправданно жестокой политикой немцев по отношению к населению оккупированных территорий. По мнению Т. А. Логуновой, «изошренным фальсификациям подвергается классовый

характер борьбы советского народа против гитлеровских захватчиков. Так, его патриотизм они (зарубежные историки – О. Г.) стремятся представить лишь как простое выражение любви к Родине, не связанное со стремлением защитить сам социалистический строй, отстоять власть Советов. Особенно много усилий прилагается для искажений сути народной борьбы в тылу врага, которая рассматривается не как наиболее яркое проявление твердости идейных убеждений, а лишь как ответная реакция на жестокость оккупационного режима, установленного гитлеровцами. Немало с их стороны попыток представить эту борьбу и как действие небольших групп оторванных от масс фанатиков»⁴. С помощью фактов, собранных в результате изучения партизанского движения на советских территориях, в том числе и на Брянщине, советские историки стремились подтвердить свои выводы.

Большинство исследований строится на тезисе, что именно КПСС была во главе народной борьбы в тылу врага и явилась инициатором партизанского движения. По словам А. И. Залесского, «одной из основных особенностей партизанского движения в годы Великой Отечественной войны было именно то, что это движение от начала до конца проходило под непосредственным руководством коммунистической партии. По указанию ЦК ВКП(б) с первых дней войны в городах, районных центрах, на железнодорожных станциях и других важных пунктах, занятых врагом, стали создаваться подпольные партийные организации»⁵. Однако в воспоминаниях участников партизанского движения на Брянщине можно найти упоминания о стихийности его характера. Так, например, командир второго полка брянской партизанской бригады «За Родину», кандидат исторических наук И. А. Ильиных в своих воспоминаниях утверждает, что большинство

отрядов заранее готовились к приближению врага и уходили на готовые базы. Их ядром являлся партийный актив. Но были отряды, уже возникшие в оккупации в условиях конспирации, главной задачей которых являлась организация и добыча боеприпасов⁶. В то же время сборник документов и материалов о брянском партизанском движении говорит о том, что «на Брянщине партизанское движение развернулось сразу же после вторжения оккупантов на территорию Орловской области (до июля 1944 года территория нынешней Брянской области входила в состав Орловской – О. Г.). Но подготовка к борьбе с врагом в его тылу началась значительно раньше – после директивы СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 года партийным и советским организациям прифронтовых областей о мобилизации всех сил на борьбу с германским фашизмом и выступления по радио 3 июля 1941 года председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина⁷. Безусловно, работа по подготовке к борьбе с врагом на Брянщине проводилась, однако представляется весьма сомнительным, что население Брянского края целенаправленно готовилось к оккупации, тем более что к началу октября регион находился в первой линии советской обороны, и для предотвращения прорыва на Москву на этом направлении были выделены значительные силы.

В этом отношении особенно дискуссионными представляются утверждения Ф. И. Колесникова и И. Л. Афроимова о том, что брянские партизаны были подготовлены и громили врага по всем правилам боевого искусства, поскольку многие из них прошли школу Осоавиахима⁸. Признавая заслуги последнего, стоит отметить, что боевой опыт участники партизанского движения приобретали все-таки во время военных действий. Дискуссионной является и трактовка борьбы

партизан за спасение своего имущества, которая характеризуется, в частности у А. И. Залесского, как «борьба за сохранение общественной собственности под руководством коммунистов и комсомольцев»⁹. Думается, что стремление сохранить свое имущество от немцев было продиктовано практическими потребностями в пище, одежде, обустройстве временного жилища и других бытовых условиях.

В целом в советской и российской историографии партизанского движения выделяют три этапа:

- военный период;
- вторая половина 40-х-первая половина 50-х гг.;
- вторая половина 50-х-до настоящего времени.

Второй период характеризуется довольно большим количеством воспоминаний участников партизанского движения. Авторы мемуаров зачастую не ограничиваются воспоминаниями увиденного и пережитого, а используют документальные источники, подробно анализируя их и делая свои выводы. Работы третьего периода представляют собой обобщающие труды и исследования, посвященные отдельным аспектам проблемы. При этом литература о Брянщине занимает в этом списке не столь значительное место. Стоит отметить, что в 90-е годы количество публикаций по проблеме значительно сократилось. При этом методологический подход к рассмотрению партизанского движения значительного изменения не претерпел. Так, авторы нового сборника «Партизанское движение по опыту Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» признают, что «по своему содержанию и характеру она (партизанская борьба – О. Г.) отличалась от движения сопротивления в Европе и Азии. Отечественная историческая наука накопила большое количество материалов и документов, характеризующих народную борьбу во вражеском тылу, выработала определенные

методы ее исследования»¹⁰. Авторы отходят от чрезмерного возвеличивания роли коммунистической партии, но отмечают, что подпольные организации ВКП(б) «умело использовали возраставшее недовольство населения политикой оккупационных властей и активизировали партизанское движение..., всеми доступными методами вели политическую пропаганду и агитацию»¹¹. Признавая важное место Брянского края в партизанской борьбе, авторы обобщающих трудов о партизанском движении на территории Советского Союза ограничиваются использованием статистического материала. Работы непосредственно о партизанском движении на Брянщине, как правило, посвящены боевым действиям отдельных партизанских формирований, деятельности партийных организаций в оккупированных районах. Многие из них написаны непосредственными участниками событий. К таким относятся труды Б.Е. Гуда, Ф.С. Данченкова, И.А. Ильиных, А.Ф. Семенова, И.С. Коренкова, М.Г. Салая и др.¹². Исследования В.И. Васенкова, Ф.И. Колесникова, И.Л. Афроимова, И.М. Полозова, Н.С. Давыдовой¹³ представляют собой скорее краеведческие очерки о местах вооруженных действий партизанских отрядов, о деятельности некоторых героев-партизан, о работе местных партийных организаций. В 90-е годы в трудах Е.Н. Анищенко и В.Г. Хохлова¹⁴ предпринимались попытки создания обобщающей работы по партизанскому движению на Брянщине. Однако здесь основной акцент сделан на показе героизма советского народа, боевых действий ряда крупных партизанских формирований. Гораздо менее освещены такие вопросы, как действия советских органов по организации и совершенствованию руководства партизанской борьбой, методы подготовки партизанских кадров, источники и способы снабжения партизан оружием и боеприпасами,

медикаментами, партизанский быт, другие формы борьбы на оккупированных территориях.

В целом в отечественной исторической науке проделана довольно большая работа по изучению партизанского движения, однако многие аспекты не получили должного освещения. Методологические подходы не претерпели значительного изменения. Потребностью сегодняшнего дня является привлечение новых источников и методов их изучения, пересмотр накопленного материала с современных методологических позиций, освещение неизученных аспектов проблемы.

Библиографический список

1. Партизанское движение по опыту Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. М., 2001. С. 12.
2. См.: Там же. С. 14.
3. Партизаны Брянщины. Сборник документов и материалов о брянском партизанском крае в годы Великой Отечественной войны. Тула, 1970. С. 5.
4. Логунова Т.А. Советская историография народной борьбы в тылу немецко-фашистских войск 1941-1945. М., 1985. С. 4-5.
5. Залесский А.И. В партизанских краях и зонах. М., 1962. С. 54.
6. См.: Ильиных И.А. Шестьсот дней в боях и походах. Брянск, 1960. С. 3.
7. См.: Партизаны Брянщины... С. 5.
8. См.: Колесников Ф.И., Афроимов И.Л. Брянщины слава боевая. М., 1979. С. 18.
9. Залесский А.И. В партизанских краях ... С. 154.
10. Там же. С. 13.
11. Там же. С. 14.
12. См.: Гуд Б.Е. Гремит Брянский лес. Харьков, 1968; Данченков Ф.С. Особое поручение. Киев, 1988; Ильиных

И.А. Шестьсот дней ...; Семенов А.Ф. Шумел сурово Брянский лес. Брянск, 1958; Коренков И.С. Не ставшие на колени. М., 1987; Салай М.Г. По знакомым дорогам. М., 1981.

13. См.: Васенков В.И. Партизанскими тропами Брянщины. М., 1971; Колесников Ф.И., Афроимов И.Л. Брянщины слава боевая. М., 1979; Полозов И.М. На землю Брянскую. Брянск, 2000.

14. См.: Анищенко Е.Н. Партизанская республика: героическое повествование о народных мстителях Брянского района. Тула, 1992; Анищенко Е.Н. Через толщу лет (О партизанской борьбе с фашистами на Брянщине в 1941-1943 гг.). Тула, 1996; Хохлов В.Г. В тылу врага. Брянск, 1995.

А.А. Некрасов (ЯрГУ)

Дискуссии о сталинизме в современной западной историографии

Более полувека спустя после смерти Сталина интерес к его личности и созданному им политическому режиму не только не падает, а, пожалуй, даже возрастает. По выражению Джона Кипа, «сталиноведческая индустрия» процветает как никогда ранее [10. Р. 149]. Впрочем, и прежде проблема сталинизма волновала историков не меньше. Это и не удивительно, учитывая степень страха, внушаемого Советским Союзом «цивилизованному миру» в годы «холодной войны». Так, американский историк Эдуард Марк в примечании к своей обстоятельной статье «Октябрь или термидор? Интерпретации сталинизма и восприятие советской внешней политики в Соединенных Штатах, 1927-1947» признается, что он использовал около 900 книг о СССР,

помимо статей, число которых не поддается измерению, опубликованных в период между 1925 и 1950 [12. Р. 937].

Советский Союз давно распался, закончилась «холодная война», но проблема сталинизма остается актуальной, хотя и меняются подходы к ее исследованию. В этот процесс активно включаются молодые историки, не принадлежавшие к поколению «бойцов холодной войны». Чем объясняется их интерес к Сталину, тем более, что в историографии к нему преобладает отрицательное отношение? Мало того, его часто представляют недалеким и ограниченным человеком, который и во главе партии и государства оказался благодаря своей серости. Грубый, циничный, хитрый, коварный, с маниакальной жадностью власти и с маниакальной же подозрительностью, - чем этот человек может привлекать «когорты» исследователей?

Дж. Кип приводит одну, на его взгляд, основную причину этого бума, - обилие рассекреченных архивных документов сталинской эпохи [10. Р. 149]. Однако сами по себе документы такого интереса вызвать не могут, они лишь обеспечивают возможность более объективного изучения сталинизма. На мой взгляд, гораздо большее значение здесь имеет, возможно, не вполне осознанный страх перед Сталиным, присутствующий и в России, и за ее пределами. Сталинский «тоталитаризм» служит некой отправной точкой, от которой отсчитывается движение России к демократическому обществу. Страх перед наследием «проклятого тоталитарного прошлого» в постсоветское время трансформировался на Западе в иные формы: боязнь вездесущей «русской мафии», усиливающихся антиамериканских и радикально-националистических настроений среди россиян, а также нестабильности и непредсказуемости ситуации в России в целом. Назовем это условно «негативным интересом». Он имеет, прежде всего, идеологический характер и направлен

на предотвращение «разлагающего» влияния России на базовые ценности и устои западной цивилизации.

Страх этот сочетается с «позитивным», практическим интересом, вызванным необходимостью получения максимально полной и достоверной информации о России для развития с ней экономических, политических и культурных контактов.

И, наконец, интерес к России, хотя и волнообразный, постоянно подогревался простым любопытством к обществу, существенно отличающемуся от западного, если только не противоположного ему, по своим параметрам не относящегося ни к западной цивилизации, ни к странам «третьего мира», обладающему странной и непонятной культурой, существующему вопреки здравому смыслу и законам истории. Такое представление о России в значительной степени сохраняется до сих пор, ибо даже после краха «коммунистической» системы она так и не перешла (а по мнению многих западных наблюдателей, в ближайшие десятилетия и не перейдет) к западной либеральной модели политического и экономического развития. В связи с этим, западные историки все еще пытаются, в том числе размышляя и о проблемах сталинизма, разрешить пресловутую «загадку России».

Все эти весьма противоречивые установки, безусловно, во многом предопределили характер западной историографии сталинизма. Хотя, по мнению Майкла Элмана, вместе с распадом Советского Союза исчез и политический аспект академических споров о его истории в западной историографии [З. Р. 1313], основной водораздел в этих спорах все еще проходит между «тоталитарным» и «ревизионистским» направлениями, а также между политической и социокультурной историей.

Эти старые дискуссии дополняются в наше время все более активным воздействием постмодернизма на историографию. Это влияние проявляется в смещении акцентов с политических проблем на социальную и культурную историю СССР, в частности сталинизма, а также в стремлении к исследованию не самой исторической реальности, а представлений об этой реальности [8, 9, 11, 13]. Постмодернистским подходом увлекаются в основном молодые историки, но он не чужд и некоторым представителям старшего поколения, таким, как Ш. Фицпатрик или С. Смит [4, 5, 6]. Даже историки, не разделяющие постмодернистских идей, охотно пользуются некоторыми постмодернистскими терминами (“дискурс”, “интертекстуальность” и т.п.). Это дает Дж. Кипу основание утверждать, что «постмодернистское мышление в настоящее время доминирует на Западе как в историографии, так и в интеллектуальной жизни в целом» [10. Р. 161]. Правда, в России ситуация не так безнадежна. По мнению Б. Миронова, постмодернизм еще не пришел в Россию, точнее, в российскую историографию, да и на Западе историки с осторожностью пользуются постмодернистскими методами, придерживаясь компромисса: социальная реальность существует не только в текстах, конструируемых историками и современниками событий, но и сама по себе [1. С. 144].

Таким образом, новейшая западная историография сталинизма имеет сложную траекторию развития: с одной стороны, она постоянно возвращается, правда, на более высоком качественном уровне и с введением в научный оборот в колоссальном объеме новых исторических источников, к старым проблемам, обсуждение которых началось еще в 1930-е – 1950-е годы; с другой – происходит тотальный пересмотр старых точек зрения, применяются новые методологические подходы,

расширяется диапазон исследуемых проблем. Все это сопровождается активными дискуссиями, носящими зачастую весьма резкий, иногда даже ожесточенный характер. Многие из исследований, особенно изданные в последние 10-15 лет, содержат в названии слова «пересмотр», «новый взгляд» или «переосмысление» [7, 15, 16]. Регулярно проводятся научные конференции, основная цель которых – внедрить в исследовательскую практику новые подходы к изучению феномена сталинизма в СССР [14].

Попытаемся суммировать те новые черты, которые наиболее характерны для современной западной историографии сталинизма как в традиционных, так и постмодернистских ее конфигурациях:

1) Пересмотр некоторых базовых понятий, таких как «сталинизм», «сталинщина», «сталинский террор», «тоталитаризм», а также этапов развития и хронологических рамок сталинской эпохи. Так, М. Элман попытался разграничить этапы сталинского террора, выделив особо годы «большого террора» 1937–1938 годов и назвав этот этап «сталинщиной», в то время как понятие «сталинизм» он применяет ко всей сталинской эпохе [3. Р. 1317n]. Стремление автора подчеркнуть, что период 1937–1938 гг. был не просто временем террора, а представлял собой “пароксизм массовых убийств”, вполне понятно, но вряд ли разграничение понятий “сталинизм” и “сталинщина” оправдано, так как в русском языке они идентичны и взаимозаменяемы, хотя слово “сталинщина”, безусловно, является более эмоционально окрашенным.

В то же время Джон Кип сетует на то, что в исследованиях о сталинизме понятие «террор» все чаще заменяется словом «чистки» [10. Р. 150-151. Признавая справедливость этого замечания, стоит отметить, что вряд ли это означает попытку «обелить» Сталина или

преуменьшить масштабы сталинских репрессий, поскольку понятие «чистки» употреблялось параллельно с понятием «террор» не только в «ревизионистской» историографии, но и наиболее непримиримыми противниками «советского тоталитаризма» в самый разгар «холодной войны» [2]. С другой стороны, «чистки» - более исторически конкретное понятие применительно к сталинской эпохе, чем «террор».

2) Акцент в исследовании сталинской эпохи переносится с личности Сталина на сталинизм как систему: изучаются механизмы ее формирования, функционирования, взаимодействия с обществом. Более пристальное внимание обращается на деятельность других партийных и советских руководителей: Молотова, Берия, Маленкова, Ежова и др. Если прежде западные историки изучали в основном период 1930-х гг., то сейчас они более активно занимаются послевоенным сталинским периодом, сравнивают его с 1930-ми.

3) Исследование политических и экономических проблем сталинизма в значительной степени потеснено социальными, гендерными и культурными исследованиями. Обращается особое внимание на культуру эпохи сталинизма, менталитет советского общества, его структуру, положение женщин в быту и на производстве, повседневную жизнь советских граждан, праздники и т.п.

4) Практически отсутствует «большой нарратив» в исследовании сталинизма, предпочтение отдается узким и относительно мелким проблемам, региональным исследованиям.

Как бы мы ни относились к этим переменам, следует признать, что проблематика исследований и видение сталинской эпохи не могут оставаться неизменными, постоянно меняется культура современного общества, его представления о прошлом, историографическая мода, имя Сталина превращается в «бренд», такой

же, как «Битлз» или Элвис Пресли, и все это влияет на профессиональную историографию. Для успешного развития «сталиноведения» необходим синтез различных подходов, более чем одномерное видение, соответствующий сложности исторического явления, обозначаемого как «феномен сталинизма», и методологически более плодотворный, нежели «война интерпретаций».

Библиографический список

1. Миронов Б.Н. Пришел ли постмодернизм в Россию?// Отечественная история. 2003. №3.
2. Brzezinski Z. K. Permanent Purge. Cambridge, Mass., 1956
3. Ellman M. The Soviet 1937-1938 Provincial Show Trials Revisited// Europe-Asia Studies. 2003. Vol. 55. No. 8.
4. Fitzpatrick Sh. Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia// Journal of Modern History. 1993. Vol. 65. P. 745-770
5. Fitzpatrick Sh. Stalin's Peasants. N.Y. – Oxford, 1994
6. Fitzpatrick Sh. Everyday Stalinism. N.Y. – L., 1999.
7. Getty, J. A. Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933-1938. Cambridge, 1985.
8. Goldman W. Z. Babas at the Bench: Gender Conflict in Soviet Industry in the 1930s// Women in the Stalin Era, ed. by M. Ilić. Basingstoke and New York, 2002. Pp. 69-88
9. Hellbeck J. Fashioning the Stalinist Soul: The Diary of Stepan Podlubnyi, 1931-1939 // Stalinism: New Directions, ed. by Sh. Fitzpatrick. N.Y. – L., 2000. Pp. 77-116
10. Keep J. Recent Western Views of Stalin's Russia: Social and Cultural Aspects// Totalitarian Movements & Political Religions. Summer 2003. Vol. 4.
11. Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley, 1995

12. Mark E. October or Thermidor? Interpretations of Stalinism and the Perception of Soviet Foreign Policy in the United States, 1927-1947// American Historical Review. 1989. Vol. 94. No. 4. Pp. 937-962.
13. Petrone K. 'Life Has Become More Joyous, Comrades': Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington, IN, 2000.
14. The Stalin Period: New Ideas, New Conversations. Riverside, CA, March 12-15, 1998.
15. Stalinism: New Directions. Sh. Fitzpatrick, ed. L.- N.Y., 2000.
16. Stalinist Terror: New Perspectives. Getty J.A. and Manning R.T., eds. Cambridge, 1993

Е.Д. Мухин (ЯрГУ)

**Мировоззрение и личностные черты регионального
позднесоветского чиновника (анализ мемуаров
В.Ф. Торопова «Незабываемое»)**

Известно, что в истории любой более-менее значимой страны всегда существует своеобразный дуализм центра и периферии, без изучения которого нельзя понять сущность этой страны. А важнейшим компонентом такого дуализма всегда является опора власти на местах, которая выступает, как правило, в облике управленцев среднего звена. Эти люди усваивают, перерабатывают и проводят в массы политику центра. Именно от их профессиональных качеств зависит, в конечном счете, успешность любых начинаний высшей власти.

Советская модель центра-периферии – одна из самых интересных в мировой истории. Такой точки зрения придерживаются многие исследователи и, в частности, историк В.В.Дегоев. По его мнению, главной причиной крепости и монолитности советского государства был его

идейный фундамент, заложенный большевиками с самых первых лет своего правления в образе поистине библейской идеи осуществления царства Божьего на земле (через построение общества социальной справедливости), которая была доступна и близка населению почти всей бывшей Российской Империи. В результате на долгое время было обеспечено единение власти с обществом, а идеократический характер государства позволил ликвидировать антагонизм центра и периферии¹. Следствием же такого феномена стал особый характер региональной власти, выразившийся в совместном существовании партийных и государственных (советских) органов.

Внимание исследователей региональной номенклатуры долгое время акцентировалось на партийных органах власти и их деятелях. Однако с начала 70 гг. основными «рабочими лошадками» в регионах являлись, напротив, советские ведомства. А потому изучение личностных особенностей управленцев этих ведомств в общем контексте исследования отечественной истории того периода также играет не последнюю роль. В связи с этим интерес представляет личность председателя исполкома ярославского областного Совета народных депутатов в 1964-1979 гг. В.Ф.Торопова, являющего собой яркий пример типичного государственного регионального чиновника позднесоветской эпохи. Его мемуары под названием «Незабываемое» (вышли в 2001 г.) представляются прекрасным источником для реконструкции информационного портрета такого чиновника.

Начнем с мировоззрения, которое у Василия Федоровича можно охарактеризовать как смесь стандартных и оригинальных элементов, т.е. одновременно и соответствующих прежней советской идеологии, и отличающихся от нее. Судить об этом позволяют

следующие моменты. Во-первых, память мемуариста хранит преимущественно позитивные стороны современной ему советской эпохи. Даже воспоминание о детстве, пришедшемся на трагическое время коллективизации и голода, окрашено исключительно в розовый тон². Во-вторых, для сознания Торопова характерны такие стандартные идеологические элементы, как советский патриотизм (понимаемый, в первую очередь, как верность советскому строю, советской власти и только потом уже стране как таковой), противопоставление социализма и капитализма (по аналогии с добром и злом) и примат классовых ценностей. Наконец, в-третьих, касаясь вопроса о роли партии в жизни страны, наш мемуарист практически всегда положительно оценивает ее официальную линию, но отнюдь не всегда – дела ее отдельных деятелей. Наоборот, по Торопову, даже высшие руководители Союза нередко допускали отступления от линии партии, с чем и были связаны многие неудачи в развитии страны³. А потому данное суждение уже нельзя назвать клишированным, тем более что далее оно дополняется целой главой – «О методах партработы», где весьма критично анализируется эволюция местных партийных комитетов. Ознакомимся с этим поподробнее.

Торопов весьма положительно характеризует райкомы и обкомы в годы правления Сталина и Хрущева, когда контроль за отбором кадров был жесткий, комитеты пользовались авторитетом у населения и во власть проходили наиболее способные и честные кандидаты⁴. А вот при Брежневле парткомы, по мнению экс-председателя облисполкома, работали активно только первые 7-8 лет, а затем стали разлагаться. Первые секретари обкомов превратились в небольших царьков, многие из которых вообще перестали замечать недостатки в своей работе, а то и саму работу. Заметим, что это суждение содержит и

скрытый камень в огород непосредственного начальника Торопова («первого», как он его называет) – Ф.И. Лощенкова, который в некоторых местах «Незабываемого» критикуется и открыто⁶. Можно предположить, что глубинной причиной такой неприязни стало особое положение, сложившееся на местах в брежневский период, когда обкомы и крайкомы в условиях фактической бесконтрольности почивали на лаврах, а основной груз региональных проблем тащили на себе советские исполкомы.

Авторитет парткомов упал⁵. По этой причине Торопов далее положительно оценивает начало горбачевского правления, когда «многие жулики, воры и перерожденцы из числа руководителей партийных и государственных органов были сняты с занимаемых постов, исключены из партии, а иные сели на скамью подсудимых»⁶. Дальнейший же крах «перестройки» трактуется им в первую очередь как результат игнорирования Горбачевым ключевой роли местных парткомов в деле преобразований, а затем и вовсе лишения их властных функций⁷. Данный аргумент у мемуаристов и исследователей эпохи «перестройки» встречается нечасто, и здесь обусловлен, видимо, специфическим мировоззрением Торопова, сформировавшимся под влиянием его прошлого статуса. В целом же, как видим, взгляды Василия Федоровича не являются однозначными и применительно к советской эпохе их можно определить как умеренно консервативные.

Анализ «Незабываемого» позволяет получить информацию не только о мировоззрении, но и о личностных чертах автора, на которые заметный отпечаток наложила его профессиональная деятельность. Наиболее характерной такой чертой является восприятие Тороповым своей жизни как непрерывной работы, сопровождавшейся

последовательным восхождением по ступеням властной лестницы. Об этом говорят уже названия глав, большей частью отражающих пребывание автора во всяких властных органах, например, «В обкоме КПСС», «В Ярославском райкоме», «В облисполкоме» и т.п. Кроме того, в главе «Об очень важном в жизни» Василий Федорович и прямо отмечает, что работа была смыслом всей его жизни, и он шел на нее почти всегда, как на праздник⁸. При этом литература, музыка, искусство, в любви к которым он признается в той же главе, давали ему лишь «дополнительный импульс к жизни». Данный факт свидетельствует о том, что мемуарист был управленцем не только по статусу, но и в душе: своеобразным бюрократом от Бога (и не обязательно только в негативном понимании). Показательно в этом плане и свидетельство о том, что отдыхать, в полном смысле этого слова, автор не умел и даже выходные стал признавать только к пятидесяти годам своей жизни⁹.

Второй штрих портрета мемуариста можно вывести на основе анализа его стиля. В этом ракурсе обращает на себя внимание сухой и несколько простецкий язык Торопова, а также то, что акцент он делает на описании событий, а не на их оценке. Те же оценки, что присутствуют в некоторых главах, часто имеют шаблонный характер из-за сдобренности их старосоветскими идеологическими клише. Следовательно, резонно будет предположить наличие у мемуариста среднего уровня интеллекта, тем более что в пользу данного предположения косвенно свидетельствуют и постоянно повторяющиеся фразы Торопова о «расширении своего общего и политического кругозора»¹⁰, узость которого он, как видно, постоянно ощущал.

Как характерную личностную черту автора мемуаров можно выделить и его пиететное отношение к

начальству. В частности, сухие строчки книги заметно оживляются, когда Василий Федорович вспоминает, как хвалил его какой-нибудь высший руководитель. Но даже и те начальники, что причиняли ему личные обиды, не получают в его мемуарах резкой критики и негативных эпитетов. Например, характеризуя первого секретаря Ярославского обкома Баринава, Торопов пишет: «...как мне показалось, ему не хватало культуры. Временами он был груб с подчиненными», и далее следуют описания примеров грубости и даже самодурства Баринава. Однако чуть ранее первый секретарь определяется как «скромный, настоящий коммунист, прямой и порядочный руководитель»¹¹, что можно объяснить только чиновничьей этикой, которая даже на пенсии не позволяет мемуаристу откровенно хулить свое бывшее начальство. В целом же все первые секретари Ярославского обкома (в том числе и Лощенков), по мнению Торопова, в большей или меньшей степени соответствовали своей высокой должности¹².

Еще одной профессиональной личностной особенностью автора «Незабываемого» выступает его скромность, поскольку Торопов хоть и не избегает возможности скрыто похвалить себя, собственные индивидуальные достижения не выпячивает, а, наоборот, постоянно подчеркивает деловые заслуги своих многочисленных подчиненных и коллег¹³. Заметим, что по этому качеству он отличается от Лощенкова, который в своей книге «От Сталина до Горбачева» предпочитает писать только о себе. (Это и понятно: ведь если Лощенков был «региональным царем» (чем все сказано), то Торопов – «региональным первым министром», которому приходилось непосредственно работать с людьми и утрясать множество противоречий путем компромиссов).

И, наконец, в дополнение к отмеченным особенностям можно выделить и такой интересный,

истинно «номенклатурный» штрих личности Торопова, как его подверженность принципу Лоуренса, по которому любой индивид в иерархии стремится достигнуть своего уровня некомпетентности. Этот принцип предполагает наличие для каждого человека определенной ступени на служебной лестнице, где он достигает апогея своей компетентности, самораскрытия и душевной гармонии. Дальнейшее повышение приводит к тому, что компетентность начинает уменьшаться, пока, наконец, не исчезает полностью, что немедленно сказывается на душевном и даже физическом здоровье индивида. В нашем случае можно с высокой степенью вероятности определить, что апогея своей компетентности Василий Федорович Торопов достиг на посту первого секретаря райкома Нагорьевского района. Именно этот период он считает «счастливыми годами своей жизни». В то же время последующая работа в обкоме (переходить на которую ему было жаль) оценивается только как принесшая «большое удовлетворение», а о работе в облисполкоме Торопов говорит всего лишь, что она его не смущала. Эти симптомы свидетельствуют о снижении уровня компетентности на более высоких местах, но, похоже, этот процесс не зашел слишком далеко. Василию Федоровичу повезло в том, что практически всю свою активную жизнь он провел на постах, где был достаточно компетентен, а вершины своей некомпетентности он так и не достиг. В Москву его перевели только в 1979 г. (когда ему было уже 62 года), и должность он там до выхода на пенсию занимал, по-видимому, формальную (заместителя председателя Госкомсельхозтехники). Сам мемуарист работу в Ярославской области считает «самым активным и счастливым периодом своей жизни»¹⁴. Такой факт делает честь кадровой политике советского руководства, хоть и не всегда она была столь же успешна.

В заключение подведем следующие итоги. Личность В.Ф.Торопова как представителя государственной региональной власти отличают (и с высокой вероятностью отличали раньше) умеренный советский консерватизм, способность к критике, бюрократизм (как образ жизни), трудоголизм, средний уровень интеллекта (предположительно), сакрально уважительное отношение к начальству, обтекаемость оценок и гармоничное сочетание честолюбия и скромности. Возможно, этот перечень можно продолжить. А что касается исторического значения деятельности таких людей, как Торопов, то его нелегко определить однозначно. Вероятно, государственные чиновники, на плечи которых в 70-80 гг. легла почти вся полнота ответственности за дела советского государства, в наибольшей мере способствовали продлению его существования. Но в полной мере справиться с ролью национальной элиты они все-таки не смогли, поскольку их деятельность не позволила разрешить назревший кризис общества (в связи с переходом страны на новый и более высокий этап развития), а лишь перевела его в фиксированное состояние. В немалой степени этому способствовали те негативные процессы, что поразили всю советскую элиту, начиная с центральной (что объективно было связано с изменением внешнеполитического положения страны).

Отметим также, что взгляд через номенклатурную призму на людей, подобных Василию Федоровичу, в большой степени условен, и при изучении аспектов власти в советском государстве ее функционеров, по-видимому, следует воспринимать не только как представителей управленческого слоя, но и, в не меньшей степени, как наших соотечественников – по духу, языку, воспитанию и

культуре. Только такой подход будет близок к объективному.

Библиографический список

1. См. Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001. С. 332-334.
2. Там же. С. 12-14.
3. Там же. С. 61 и др.
4. Там же. С. 156-158, 105.
5. Там же. С. 158-159, 62.
6. Там же. С. 114-116.
7. См.: Там же. С. 161-171.
8. Торопов В.Ф. Незабываемое. Ярославль, 2001. С. 144.
9. Там же. С. 147.
10. Там же. С. 17, 128, 146.
11. Там же. С. 39-40, 46-47, 49.
12. Там же. С. 52.
13. Там же. С. 71, 73-74, 107-110.
14. Там же. С. 31, 40, 43, 110.

В.В. Жарков (ЯЗРИ ПВО)

Смешанная система комплектования в общей системе реформирования вооруженных сил в 30-е годы XX века

После окончания Гражданской войны перед руководством страны и военным ведомством встал ряд важнейших задач в области военного строительства. Их разрешение произошло в процессе военной реформы 1924 – 1928 гг.

Военно-политические, экономические и социальные условия как внутреннего, так и международного характера того времени диктовали необходимость значительного сокращения Вооруженных Сил Советской Республики и приведения их организационно-штатной структуры в

соответствие с оборонным характером военной политики и экономическими возможностями страны.

К концу 1920 г. в Красной Армии насчитывалось 5,5 млн. человек, из которых 83,4% составляли мобилизованные и 16,6% добровольцы¹. Содержать такую многочисленную армию государство было не в состоянии, прежде всего по экономическим причинам.

В короткие сроки необходимо было демобилизовать почти 5 млн. военнослужащих, определить принципы дальнейшего строительства Вооруженных Сил, реорганизовать структуру соединений и частей РККА, перестроить систему материального обеспечения войск, позаботиться о единой подготовке командных и административных кадров, улучшить обучение и воспитание личного состава².

Важнейшим шагом военной реформы стал переход к смешанной системе комплектования. Данное преобразование носило вынужденный характер и было вызвано необходимостью:

- а) обеспечить возможность подготовки всего годного для военной службы призывного состава страны;
- б) иметь соответствующее число воинских соединений³.

Однако главной причиной перехода было плохое экономическое положение страны, а территориально-милиционная система позволяла стране резко сократить расходы на военные нужды. Так, содержание кадровой дивизии обходилось казне в 1,8 млн. руб., а территориальной в 1,7 млн. руб.. В то же время первая в течение двух лет давала подготовку 4,4 тыс. чел., а вторая – 12 тыс. чел., причем за 8 месяцев⁴. Исходя из этого, на одного красноармейца ежегодно затрачивалось в кадровой дивизии 267 руб., в территориальной - 58 руб.; за весь период службы на подготовку одного бойца затрачивалось

соответственно 535 и 291 руб. Экономия денежных ресурсов представлялась важнейшим достоинством территориально-милиционной системы комплектования армии.

Переход к смешанной системе комплектования начался осенью 1922 г.: опытным порядком в Петрограде была сформирована первая территориальная бригада, а к концу лета 1923 г. имелось уже десять территориальных дивизий⁵. Первые испытания территориально-милиционных формирований произошли в 1923 г., когда эти соединения были проверены на летних сборах. Сборы показали слабую подготовку призывников, которые, прибыв в части, не понимали целей и задач сборов. В некоторых районах кулаки пустили слух, что сборы территориальных дивизий, мол, являются скрытой мобилизацией, что скоро начнется война и призванных отправят на фронт и т.п. В результате многие уходили на сбор как на войну (даже с сухарями), а часть из них стремилась скрыться. Несмотря на возникшие трудности сборы, удалось провести. М.В.Фрунзе сделал следующие выводы: «Опыт... подтвердил правильность наших первых шагов..., выявил возможность дальнейших... более широких мероприятий»⁶.

8 августа 1923 г. ЦИК и СНК СССР издали декрет «Об организации территориальных войсковых частей и проведении военной подготовки трудящихся», в котором утвердили создание территориальных формирований, введение вневойсковой подготовки, а также разделение территориально-милиционных формирований на постоянный (кадровый) и переменный состав⁷.

В дальнейшем создание территориально-милиционных частей шло полным ходом. Уже 1 апреля 1926 г. в армии 49 стрелковых дивизий, 3 стрелковых полка, 2 кавдивизии, 1 полк бронепоездов были

территориальными. Всего в перечисленных соединениях и частях насчитывалось 98 081 чел. кадрового и 563 853 чел. переменного состава⁸. В целом с 1924 по 1928 гг. количество территориальных дивизий выросло в четыре раза. На такое положение переводились преимущественно стрелковые формирования. Кавалерия, технические войска оставались в основном кадровыми. Так, территориальные части составляли в пехоте - 71%, в кавалерии – 12%, в артиллерии - 38% от общего количества соединений и частей⁹. В целях повышения мобилизационной готовности Красной Армии приграничные округа комплектовались в большей мере кадровыми частями. Так, на 1 октября 1924 г. Ленинградский, Западный и Украинский округа состояли из них численно на 42,6%, причем авиация – на 61,7%, артиллерия – на 60,8%, броневойска – на 53,9%, конница – на 46,9%, войска связи – на 44,2%¹⁰.

Территориальные формирования строились и дислоцировались с учетом административного деления страны, экономического районирования, плотности, состава и рода занятий населения. Чаще всего районами комплектования являлись для дивизии – губерния, для полка – уезд, для роты – волость. В этой сфере имелись серьезные недостатки, прежде всего в организации учета и призыва пополнения. Законодательное регулирование вопросов прохождения службы переменным составом было недостаточным. Также милиционные формирования были плохо обеспечены табельным имуществом. Еще хуже дело обстояло с качеством командного состава (в особенности младшего), имевшего слабую подготовку¹¹.

При оценке результатов политической подготовки красноармейцев на сборах 1924 г. следует иметь в виду особенности политической обстановки в деревне в то время. На территориальных сборах ярко сказались «крестьянские настроения», проявившиеся в деревне в

1924 г. Суть их состояла «в известном недовольстве высокими ценами на промышленные товары и сравнительно низкими ценами на продукты сельского хозяйства, а также недовольство налоговой политикой. Кулаки и спекулянты всячески стремились использовать эти настроения, чтобы повести середняка за собой и противопоставить бедным крестьянам и рабочему классу»¹².

О проявлении таких «крестьянских настроений» на территориальных сборах в 1924 г. сообщали политорганы всех военных округов. В ряде мест красноармейцы из крестьян выражали недовольство существующими ограничениями при приеме крестьян в партию, выдвигали предложения о создании крестьянских организаций.

Носителем этих настроений была, прежде всего, зажиточная часть крестьян, которая подчас отражала и кулацкое влияние. Нередки были случаи, говорится в сводке Политического Управления РККА №247 от 7 октября 1924 г., когда в выступлениях переменного состава территориальных дивизий (из крестьян) имели место острые кулацкие настроения и противопоставление города деревне¹³. Содержание документов ПУРККА позволяет выделить «неудобные» для власти вопросы «кулацкого характера», задаваемые красноармейцами на политзанятиях, например, «Почему крестьянин, работая целые сутки, живет в бедности, а рабочий, работая 8 часов, живет припеваючи?», или «Налог берут, а давать ничего не дают» и т.п.¹⁴.

Затрудняла проведение сборов большая неявка личного состава. Так, например в 30-ю дивизию Украинского военного округа на сборы не явились комсостава – 64 чел., политбойцов – 20 чел., красноармейцев – 280 чел., а среди прибывших имелось большое количество «сектантов, уклонистов и прочих

идеологически вредно настроенных элементов». В 7-й роте 99-й дивизии того же округа среди прибывших на сбор отмечался ярко выраженный украинский национализм. Все красноармейцы недовольны тем, что рота до сих пор не украинизирована. Командир и политрук заменены украинцами. Выдано распоряжение говорить везде только на украинском языке¹⁵. Подобные и пр. проблемы постепенно разрешались и с каждым годом существования и закрепления территориально-милиционной системы все реже появлялись в сводках ПУРККА.

По количеству кадрово-переменного состава, а значит, и по решаемым задачам, территориальные дивизии подразделялись на:

первоочередные (2400 чел. кадра и 10681 чел. переменного состава);

второочередные, при кадровой дивизии (604 чел. и 11750 чел.) и при первоочередной дивизии (622 чел. и 11734 чел.);

ячейки территориальных дивизий (190 чел. постоянного состава)¹⁶.

Первоочередные дивизии в боевом отношении были вполне способны и самостоятельно решить поставленные задачи. Второочередные территориальные соединения были значительно слабее: для проведения учебных сборов приписанных красноармейцев «занимали» военные кадры у первоочередных и кадровых дивизий. Ячейки же являлись базой развертывания при мобилизации и не занимались военным обучением граждан. К апрелю 1925 г. из 46 территориальных советских дивизий 28 были первоочередными, кроме дивизий имелось также 14 соответствующих ячеек¹⁷.

Несмотря на существующие недостатки, К.Е.Ворошилов на торжественном заседании в Большом театре в день VIII годовщины Красной Армии 23 февраля

1926 г. заявил: «Красная Армия построена на двух принципах: на принципе кадровых войсковых соединений и на принципе территориально-милиционных формирований. Территориальные части являются преобладающей формой организации Красной Армии.

Способ формирования армии путем территориально-милиционной системы является единственно возможным. Только при нем РККА может выполнить те огромные задачи, которые на нее возлагаются на случай войны. Только такая Красная Армия, которая может развернуться до определенных размеров, не допуская никаких импровизаций, никаких наспех задуманных форм сплочения частей, может выполнить все задачи, которые перед ней встанут, и мы эту армию в таком именно виде сейчас и имеем»¹⁸.

Действительно, начиная с 1924 г., после Пленума Реввоенсовета СССР, темпы создания территориально-милиционных формирований постоянно возрастали: в 1923 г. в таком режиме содержались 17,2% соединений, в 1924 г. – 47,6%, 1925 г. – 62,8%, 1926 г. – 65,8%¹⁹.

Практическое применение территориальной системы выявило ряд ее преимуществ. Эти преимущества, по мнению советского военно-политического руководства, имели экономический (подготовка бойца с меньшими затратами) и политический (укрепление союза рабочих и крестьян, массовая военизация населения) аспекты.

Во всех выступлениях, статьях указывались общие недостатки, никакой подробной информации для граждан страны не было, освещались в основном успехи и «победы» территориальной системы. Проанализировав большое количество речей, можно сделать вывод, что реальная обстановка серьезно расходилась с материалами выступлений, в которых без конца заявлялось, что основой нынешних Вооруженных Сил Союза являются не кадровые

части, а территориально-милиционные формирования, и часто отмечалось превосходство территориальных частей.

Реальное положение дел было иным, что вынужденно отмечал нарком обороны СССР.

Так, подводя итоги сборов новобранцев 1903 года рождения, К.Е. Ворошилов отмечал: «Расположение территориальных частей определялось, как правило, принципом районирования населения. Поэтому в случае войны, учитывая огромное пространство Советской страны и недостаточную сеть железных дорог, сосредоточение этих частей на том или ином театре военных действий представляло бы одну из трудных проблем.

Другим недостатком этой системы являлось то, что она, будучи основана на проведении коротких сборов, не могла обеспечить должное сплачивание частей, воспитания в личном составе крепкой дисциплины и изучения сложной техники»²⁰.

Имелось много других недостатков. Например, ПУРККА постоянно получали доклады о плохом обеспечении переменного состава с обмундированием. В 16-й дивизии ПВО в последние недели сборов некоторые роты приходилось вывозить на занятия в одних кальсонах и нательных рубашках; в Ленинградском военном округе призывники получили некондиционную обувь, развалившуюся на второй день носки.

Такое состояние обмундирования увеличивало заболеваемость новобранцев от простуды, натирания ног и т.д. В 18-й дивизии Московского военного округа зафиксирован факт смерти от простуды двух новобранцев.

В отдельных случаях некоторые новобранцы начинали открыто ставить вопрос о полезности территориальной системы вообще и спорности ее преимуществ по сравнению с кадровой²¹.

Территориально-милиционная система долгое время оставалась основой построения Вооруженных Сил СССР, свое окончательное юридическое закрепление она получила в законе «Об обязательной военной службе», принятом 18 сентября 1925 г.

Действительная военная служба стала осуществляться в трех основных формах:

действительная служба в кадровых частях РККА сроком от 2-х до 4-х лет (в зависимости от вида и рода войск) и состояние в долгосрочном отпуске (от 1 до 3 лет);

действительная служба в переменном составе территориальных войск в течение 5-ти лет путем ежегодных учебных сборов на общий срок 8 – 12 мес. и пребывание в отпуске между сборами; в остальное время трудовая деятельность по месту жительства;

служба вневойсковым порядком (обучение военному делу по месту жительства при отсутствии территориальных формирований методом сборов общим сроком 6 мес. за 5 лет).

С 1939 г. СССР спешным порядком начнет ликвидировать территориальные соединения и части. Однако инерция недостатков территориально-милиционной системы серьезно осложнила для страны и армии ход и итоги начального периода Великой Отечественной войны.

Библиографический список

1. См.: Советские Вооруженные Силы: История строительства. М.: Воениздат, 1978. С. 123.
2. См.: Кадишев А.Б. История Советского военного искусства 1917 – 1940 гг. М.: ВПА, 1949. С. 233.
3. См.: Берхин И.Б. Военная реформа в СССР (1924 – 1925 гг.). М.: Воениздат, 1958. С. 365.
4. См.: РГВА. ф. 4, оп 2, д. 3, л. 161.

5. См.: Берхин И.Б. Указ. соч. С. 87.
6. Фрунзе М.В. Избранные произведения. М.: Воениздат, 1984. С. 138.
7. См.: Кузьмин Н.Ф. На страже мирного труда (1921 – 1940 гг.). М.: Воениздат С. 21.
8. См.: Осьмачко С.Г., Лушников А.М. Военная реформа в СССР (1924 – 1928 гг.): содержание, значение и исторические уроки. Ярославль: ЯВЗРКУ, 1991. С. 11.
9. См.: Советские Вооруженные Силы. История строительства. С. 152.
10. См.: Берхин И.Б. Указ. соч. С. 180.
11. См.: Там же. С. 92.
12. РГВА. ф. 4. оп. 2, д. 219, л. 3.
13. См.: Там же. оп. 1, д. 107, л. 9.
14. Берхин И.Б. Указ. соч. С. 104.
15. РГВА. ф. 4, оп. 1, д. 107, л. 12.
16. См.: Берхин И.Б. Указ. соч. С. 98-99.
17. См.: Осьмачко С.Г., Лушников А.М. Указ. соч. С. 13.
18. Ворошилов К.Е. Статьи и речи. М.: Партиздат, 1936. С. 41.
19. См.: Рышман М. Революционный Военный Совет СССР за 10 лет. М.-Л.: Госвоениздат, 1929. С. 14.
20. См.: Ворошилов К.Е. Указ. соч. С. 44.
21. См.: РГВА. ф. 4, оп. 2. д. 219, л. 2-3.

А.И. Зузульский (ЯГПУ)

Об участии ярославцев в подпольной борьбе против гитлеровского фашизма

Несмотря на истекшие шесть десятилетий со времени окончания Великой Отечественной войны и массу самой разной научной и публицистической литературы о ней, в ее истории имеется еще немало так называемых

белых пятен, в том числе еще далеко не все известно об участии наших земляков в боевых операциях по разгрому гитлеровского фашизма. До сих пор даже не все боевые награды нашли своих героев. Этим обусловлено сохранение актуальности исследования данной проблематики.

Большие пробелы в этом плане до сих пор имеются в сведениях об участии ярославцев в партизанской и подпольной борьбе с фашистскими захватчиками на временно оккупированной врагом территории, что объясняется рядом причин. Это, во первых, утрата из-за сложных условий военного времени исходных письменных документов, подтверждающих такое участие, не дошедших до нас и требующих своего восстановления. Во-вторых, закрытость их в течение продолжительного времени и недоступность из-за этого для научного исследования. И в-третьих, новые сложности, возникшие в связи с развалом Советского Союза, вследствие чего многие документы такого рода оказались в архивохранилищах за пределами теперешней нашей страны.

Имеются и другие обстоятельства, вызывающие определенные трудности, особенно для молодых, начинающих исследователей, при изучении интересующей нас проблемы. Поэтому представляется целесообразным остановиться на системном анализе исходных источников, которые могут послужить основой как для поиска новых документов по данной проблематике, так и базой для последующего более углубленного и более конкретного ее исследования.

В числе таких важнейших исходных материалов следует признать общие сведения, содержащиеся в уже опубликованных исторического характера монографиях, энциклопедиях, справочниках, путеводителях, в которых упоминаются, например, партизанские соединения и

отряды, подпольно-диверсионные группы и организации, в деятельности которых принимали участие и ярославцы. Такие сведения, понятно, являются лишь тем “клубочком”, протянутая нить от которого представляет собой путь к конкретизации искомого материала.

Следующим этапом в такого рода поиске могут служить отчеты партийных и комсомольских партизанских соединений (бригад) и отрядов вышестоящим органам о проделанной работе за определенный период или о проведении отдельных оперативных мероприятий, а также периодические отчеты подпольных обкомов, горкомов, райкомов партии и комсомола, сотрудники которых действовали на временно оккупированной территории. Такого типа документы, как правило, хранились прежде в соответствующих фондах обкомов партии в центральных архивах бывших союзных республик, а ныне в соответствующих центральных государственных архивах стран СНГ. И хотя поиски их в нынешнем ближнем зарубежье составляют определенную сложность, но представление о существовании соответствующих фондов облегчает эту задачу.

Важным исходным источником могут также быть публикации в национальных исторических, общественно-политических, научных и общественно-литературных журналах, местной периодической печати стран СНГ, которые, однако, требуют, как правило, последующей перепроверки по архивным документам, если такие публикации не сопровождаются ссылками на первоисточники, а также знания национального языка. Но при всем при этом они могут служить важной исходной позицией в дальнейшем исследовании конкретной темы или проблемы.

Также исходной базой для последующего научного исследования могут послужить воспоминания (как

опубликованные, так и записанные самим исследователем) еще здравствующих членов изучаемых соединений, отрядов, организаций и групп, действующих на временно оккупированной территории. Однако такие воспоминания требуют дальнейшей научной перепроверки как фактического материала, так и учета возможности субъективизма в интерпретации отдельных фактов и событий.

Весьма полезным первоначальным источником в исследовании рассматриваемой нами проблемы является также и такой пока еще мало изученный и редко используемый материал, как листовки, выпускавшиеся подпольными организациями и сохранившиеся в архивохранилищах, а иногда и в фондах местных историко-краеведческих музеев.

Верность высказанных соображений подтверждается, на наш взгляд, приведенными ниже примерами.

Так, в качестве исходного источника данных об участниках партизанского и подпольного движения в годы Великой Отечественной войны на Украине представляется такое фундаментальное издание, как многотомная “История городов и сел Украинской ССР”, в статьях которого о каждом городе или селе идет речь и в интересующем нас периоде истории. Например, в 26-м томе, посвященном Черкасской области, в годы войны территориально входившей в состав Киевской области, в статье “Тальное” сообщается об одноименном небольшом районном центре, в котором в декабре 1941 года была создана подпольно-диверсионная группа, руководимая молодым врачом В.И. Шашковым, уроженцем Ярославской области, действовавшая до конца 1943 года, то есть до времени начала освобождения советскими войсками Правобережной Украины.

В статье о городе Тальном названы также основные направления деятельности организации без их конкретизации, дается высокая оценка патриотическим подвигам ее участников, начиная с детей-пионеров и подростков-комсомольцев, взрослых – коммунистов и беспартийных, русских и украинцев, представителей других национальностей.

О тальновском подполье, как оказалось, упоминается и в кратких путеводителях по области, которые издавались в 70-е годы прошлого века. Называются фамилии подпольщиков, запечатленные на воздвигнутом в их честь обелиске в городе Тальное, в числе их и имя руководителя подполья В.И. Шашкова.

В третьем источнике, который, на первый взгляд, может показаться не имеющим прямого отношения к данной теме (журнал “Витчизна”, Киев, 1976, № 8), опубликован очерк “С любовью к людям” о жизненном пути главного фтизиатра республики А.С. Мамолата. В нем имеется упоминание о том, что в годы войны А.С. Мамолат был участником тальновского подполья, заместителем В.И. Шашкова, организовал в районе подпольную типографию, выпускавшую антифашистские листовки на украинском и русском языках. Указывалось, что во время публикации очерка заслуженный деятель науки УССР А.С. Мамолат возглавлял республиканский научно-исследовательский Институт туберкулеза и грудной хирургии в Киеве.

В очерке буквально одной строкой упоминалось и о том, что в 1945 году Киевский обком партии высоко оценил отчет Тальновской партийной организации, в частности о деятельности тальновского подполья во время фашистской оккупации. А это указывало путь поиска архивных документов о деятельности руководимой В.И. Шашковым подпольно-диверсионной группы.

Приведенные упоминания логично подводят исследователя к выводу о возможности, во-первых, встречи со здравствующим еще членом организации с целью сбора с его помощью новых сведений о ее деятельности, пусть даже требующих дополнительного документального подтверждения, и определения пути их дальнейшего поиска. А во-вторых, указывают сам путь такого поиска в конкретных партийных архивах, в частности в фондах Киевского обкома, что и нашло подтверждение в ходе дальнейшей исследовательской работы. Так, сведения о деятельности тальновской подпольно-диверсионной группы действительно пополнились конкретными данными, почерпнутыми из материалов Архива Института истории партии ЦК КП Украины, а также Черкасского областного партархива. Сведения, почерпнутые из названных выше источников, позволили воссоздать облик руководителя тальновского подполья и достоверно подтвердить, что он – наш земляк. 23-летний капитан медицинской службы Василий Иванович Шашков – уроженец деревни Любимцево Переславского района Ярославской области. Будучи тяжело раненным (открытый перелом бедра) в районе г. Умань (ныне Черкасской области), он попал в фашистский концлагерь, но был спасен украинской девушкой из Умани, выдавшей себя за его сестру. Не имея возможности перейти линию фронта и вновь влиться в ряды Красной Армии, Шашков устроился на работу в г. Тальное в медицинский пункт и под его прикрытием организовал подпольно-диверсионную группу.

Дальнейший поиск уцелевших от гестаповских репрессий еще здравствующих членов группы, их воспоминания, поиск фактов в местной печати, писавшей о тальновских подпольщиках, в частности в газете

“Уманская заря”, позволили значительно дополнить имеющиеся сведения.

Таким образом, сочетание различных источников в конечном счете позволило восстановить историю деятельности малоизвестной подпольной организации, руководимой ярославцем на временно оккупированной врагом территории.

Сочетание подобного рода источников, в частности изучение отчетов подпольных комсомольских организаций Витебской области Витебскому подпольному обкому ВЛКСМ за период фашистской оккупации, материалов архивных фондов ЦК КП Белоруссии, позволило также восстановить и боевой путь малоизвестной до того ярославской комсомолки, ответственного организатора Витебского подпольного обкома комсомола, бывшей работницы Ярославской кордной фабрики, сотрудницы Резинокомбинатского райкома комсомола А.Н. Шкуриновой, что получило в свое время положительный отзыв и в белорусской печати.

Таким образом, анализ работы с разного типа источниками позволяет выработать определенную методику поиска информации о действиях наших земляков в условиях антифашистского подполья и партизанского движения на временно оккупированной врагом территории в годы Великой Отечественной войны и восполнить еще неизвестные страницы ее истории.

Библиографический список

1. История городов и сел Украинской ССР: В 26 т. Киев, 1967–1974. (на укр. яз.).
2. Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945: В 3 т. Киев, 1967–1969.
3. Витчизна. (Киев). 1976. № 8. С. 7 154–161. (на укр. яз.)

4. Пахомов Н.И., Дорофеенко Н.И., Дорофеенко Н.В. Витебское подполье. Минск: Беларусь, 1969.
5. Г. Рябушев. Тропами мужества и отваги // Витебский рабочий. (на белорус. яз.) 1974. 12 июня.
6. Северный рабочий. 1945. 8 марта.
7. Уманская заря (г. Умань. Черкасской обл., - на укр. яз.). 1964. № 166, 167.
8. АИИП ЦК КПУ (Архив Института истории партии ЦК КП Украины). Ф. 62. Оп. 1. Д. 14.
9. ЧПА (Черкасский партархив) Ф. 4419. Оп. 8. Д. 144. Л. 27–30; Д. 138. Л. 48, 49; Ф. 4461. Оп. 1. Д. 44; Ф. 1591. Оп. 1. Д. 22. Л. 13.
10. АИИИП (Архив Института истории партии) при ЦК КПБ. Ф. 3856.
11. А.С. Мамолат – А.И. Зузульскому. От 17.04.85 г. (хранится в личном архиве автора тезисов).
12. Архива Института истории партии ЦК КП Украины. Ф. 62. Оп. 1. Д. 14. Л. 165, 166.
13. Черкасский областной партархив. Ф. 4461. Оп. 8. Д. 44; Ф. 4619. Оп. 8. Д. 144. Л. 27–30. Д. 138. Л. 48,49; Ф. 1591. Оп. 1. Д. 22. Л. 13.
14. Архив Института истории партии при ЦК КПБ. Ф. 3856.

Примечание: наименование архивов дается по времени произведенного поиска документов (80-е гг. XX в.).

А.М. Новоторцева (ЯГПУ)

**Проблемы иностранного и отечественного
предпринимательства в российском промышленном
законодательстве в конце XIX – начале XX века**

В настоящее время в связи с развитием предпринимательской деятельности государство стремится создать наиболее благоприятные условия для открытия новых фирм в России. Схожие тенденции наблюдались и в

конце XIX – начале XX в. Однако существует мнение, что законодательное регулирование учреждения уставов иностранных и российских обществ не было в то время одинаковым. Одни историки полагали, что, начиная с последнего десятилетия XIX в., иностранные предприятия в Империи находились под сильным влиянием государства, но в еще большей степени это касалось отечественного бизнеса. Другие – делали акцент на протекционистской направленности социально-экономической политики власти в целом¹.

В этой связи представляется важным установить характер предпринимаемых правительством мер в области регламентации уставной деятельности обществ. Для этого необходимо обратиться к изучению содержания уставов с использованием методов контент-анализа. Они активно применяются в социологической науке и позволяют представить качественные характеристики в количественном эквиваленте². В данном случае объектами сравнения будут являться объемы текстов уставов, выраженные в квадратных сантиметрах. Так, в 1881-1883 гг. средний объем устава отечественной компании превосходил средний объем устава иностранного общества в 18,5 раза³.

Кроме этого, в данный период в законодательстве отсутствовали уставы бирж, совместных предприятий, а также подробно изложенные уставы страховых обществ. Подобные тенденции распространились и на 1884-1886 гг. Несмотря на то, что средний объем устава иностранного предприятия незначительно снизился, разрыв между ними сократился до 12,9 раза⁴. В эти годы появился первый подробно изложенный биржевой устав и устав страхового общества, первоначально небольшой по объему. Резко сократившийся объем устава отечественной компании отчасти объяснялся общим скачкообразным снижением

внимания правительства к регулированию организационных основ промысловой деятельности в России в 1881-1886 гг⁵.

В 1887 г. структура и содержание уставов стали более устоявшимися и стандартными для последующих лет. Среднее количество пунктов статей иностранных компаний равнялось 10-11, но могло колебаться от 8 до 17, на что продолжала влиять отраслевая специфика их деятельности. У отечественных обществ средний объем устава оставался значительным. В целом разрыв между объемами составлял 6,1 раза⁶. В результате соотношения уставов полученные данные свидетельствовали не в пользу отечественного бизнеса. Даже сравнивая их визуально, можно было сделать вывод, что к условиям организации промысловой деятельности российских фирм предъявлялись более жесткие требования, чем к иностранным. Однако на значительную разницу в объемах оказывали влияние и другие факторы.

К одному из них можно отнести особое, стратегическое для страны (как в экономическом, так и военном плане) назначение деятельности российских предприятий. Отечественные уставы, доступные для применения к ним структурно-текстологического анализа, утверждались в основном для железнодорожных, пароходно-судоходных и страховых товариществ и обществ. Их уставы были самыми большими по объему, поскольку данные отрасли предпринимательской деятельности в России имели ряд специфических черт. Особенно это касалось первых двух: если к страхованию все-таки привлекался иностранный капитал, то в коммуникационно-транспортной сфере (исключение составлял городской электрический транспорт и городские конно-железные дороги) его использование фактически не допускалось⁷.

Причина заключалась, прежде всего, в концессионном принципе организации данного вида промысла. Несмотря на то, что у железнодорожных и пароходных (судоходных) товариществ имелись свои учредители и акционеры, в конечном счете, по истечении определенного количества лет, оговоренного в уставе, все эти предприятия должны были перейти в собственность российского государства. В 1896 г. в п. 15 устава акционерного многоотраслевого (в том числе и пароходного) общества «Ермак» сообщалось, что для удовлетворения надобностей правительства, связанных с переводением армии и флота на военное положение и по другим обстоятельствам, вызванным военными потребностями, всякое судно могло быть изъято из владения общества во временное пользование или полную собственность государства.

За все время пользования судами, изъятыми во временное распоряжение правительства, последнее должно было произвести владельцам вознаграждение по расчету 6% годовых со стоимости судов по современному балансу. На случай порчи или гибели парохода также предусматривалась его ответственность. Кроме того, правительство имело право делать на них приспособления, которые считало полезными, но потом – вернуть их в прежнем виде⁸.

Неудивительно, что данное условие могло быть мало привлекательно для иностранных инвестиций, доступ которых туда не отвергался, но был ограничен законодательно. В разделе о правлении общества «Ермак», его правах и обязанностях в примечании 1 к п. 35 говорилось, что из четырех директоров правления не менее трех должны были быть русскими подданными, а в примечании 2 к тому же пункту – что членами правления, кандидатами к ним и поверенными по делам горной

промышленности не могли быть лица иудейского вероисповедания⁹. Подобные ограничения касались и совместных предприятий.

В 1894 г. в изменениях и дополнениях устава товарищества Чарноминского свеклосахарного и рафинадного завода появился новый п. 7. Несмотря на то, что учредителями товарищества были русский землевладелец Н. Чарномский, Варшавской 1-й гильдии купец В. Рау, французский подданный Н. Голанд и великобританский Р. Кименс, владельцами паев могли быть теперь только русские подданные. Правда, исключение составили те из иностранцев и евреев, которые владели уже паями до последовавшего разрешения на продление срока его существования¹⁰.

В 1896 г. в уставе франко-русского горного общества в примечании 1 к п.22 сообщалось, что из семи директоров Правления не менее четырех должны были быть русскими подданными не иудейского вероисповедания¹¹. Следовательно, условия учреждения акционерных обществ в России являлись одним из поводов для критики законодательной политики государства со стороны торгово-промышленного сектора, опасавшегося постепенного огосударствления всего отечественного бизнеса и внедрения в него вероисповедных и национальных ограничений.

Необходимо отметить, что диспропорция в объемах уставов зависела еще от одного обстоятельства: многие российские компании имели в спектре своей промысловой деятельности многоотраслевой аспект, каждый из которых необходимо было регулировать. Примером мог служить устав того же общества «Ермак». Оно занималось не только устройством паровой верфи и содержанием буксирного и товаропассажирского парового сообщения, но и устройством подъездного пути частного

пользования, чугуноплавильных, железоделательных и сталелитейных заводов и механических мастерских для разработки рудных и каменноугольных месторождений как на частных, так и на казенных землях. Количество пунктов в таких уставах могло достигать 96¹². В результате структурно-текстологический анализ дал некоторое объяснение разнице в объемах русских и иностранных уставных статей, которая являлась важным показателем для изучения условий учреждения акционерных обществ в России в конце XIX – начале XX в.

Интересно, что статистические данные также не подтверждали наличия более жестких требований со стороны правительства к организации промышленной деятельности российских обществ. Напротив, эти требования стимулировали отечественные предприятия активно учреждаться. В 1910 г. в «Вестнике финансов, промышленности и торговли» приводился перечень разрешенных в России в 1903-1909 гг. акционерных компаний:

	русс.	иностр.	всего
1903	75	12	87
1904	85	13	98
1905	66	10	76
1906	109	10	119
1907	125	12	137
1908	116	12	128
1909	136	15	151

В заключение был сделан вывод, что в то время как число разрешенных русских компаний возросло за последнее шестилетие приблизительно в 2 раза, число таких же иностранных не обнаружило заметного увеличения и составило в минувшем году всего 10% их общего числа¹³.

При этом существовали и различия в правах и обязанностях иностранных и российских обществ. В основном они касались возможностей приобретения и владения собственностью, разбора споров между сторонами и сроков их существования. Например, обществу «Ермак» предоставлялось достаточно широкое право приобретать в собственность на общем основании, устраивать или арендовать в соответствии с целью своей промысловой деятельности строения, пароходы, суда, вагоны, пристани, механические приспособления для погрузки и выгрузки товаров, механические заводы с приобретением для этого необходимых лесов и земель. Так говорилось в п. 9, а в примечании к нему дополнительно сообщалось, что приобретение обществом в собственность или срочное владение и пользование недвижимого имущества в местностях, расположенных вне городов и местечек в губерниях и находившихся в общей черте еврейской оседлости, не допускалось¹⁴.

В 1890 г. в уставе германского акционерного общества «Милевецкий железодельный завод» в п. 1 говорилось, чтобы общество на месте нахождения завода не расширяло существовавших там построек и не возводило в каком бы то ни было виде новых зданий, а при необходимости перестройки или капитального ремонта приступало к ним после получения особого на то каждый раз разрешения Министра финансов¹⁵.

При разборе споров отечественным предприятиям, в отличие от иностранных, предоставлялся выбор: все споры по делам общества между акционерами, между ними и членами Правления и между последними и прочими выборными по обществу лицами, а также споры общества с другими обществами и частными лицами решались либо в Общем собрании акционеров, если обе спорящие

стороны были на это согласны, либо общим судебным порядком¹⁶.

Для иностранных компаний, начиная с 1881 г., главное условие (п. 3 и п. 12) заключалось в том, чтобы разбор споров, могущих с ними возникнуть по операциям в России, производился на основании действовавших в Империи законов и в русских судах. Кроме этого, в уставе французского общества по приготовлению искусственного коровьего масла п. 3 дополнялся: возбуждение судебного преследования против него или его Правления не должно было быть обусловлено предварительным обсуждением дела в Общем собрании акционеров¹⁷.

Срок существования отечественного предприятия не назначался: если по ходу дел его закрытие было бы признано необходимым, то его действия прекращались по постановлению Общего собрания акционеров или если по его балансу оказалась потеря 2/5 основного капитала и акционеры не пополнили его в течение 1 года со дня утверждения отчета. После этого создавалась ликвидационная комиссия обычно из трех человек из среды Общего собрания акционеров¹⁸.

В 1886 г. в уставах иностранных акционерных обществ появился новый п. 9. В нем было объявлено, что выдаваемое обществу разрешение могло быть в любое время взято назад и уничтожено по усмотрению русского правительства без всякого объяснения причин¹⁹. В последующие годы содержание данного пункта не изменило своего первоначального смысла, но его трактовка стала менее жесткой и категоричной по стилю - в отношении ликвидации своих дел общества были обязаны подчиняться существовавшим и могущим быть изданным в России законам, а также распоряжениям правительства²⁰. Итак, изучение структуры и содержания уставов иностранных и российских акционерных предприятий

позволило сделать следующие выводы о характере законодательной политики власти в данном направлении.

Во-первых, в связи с развитием нового хозяйственно-экономического уклада правительство стремилось упорядочить, регламентировать все организационные моменты, связанные с процедурой учреждения новых обществ. Оно еще не осознало важности налоговых рычагов в процессе стимулирования отечественной промышленности, поэтому одной из характерных законодательных тенденций в этот период было проявление более пристального внимания со стороны чиновников к организационным аспектам.

Во-вторых, в развитии уставов очень сильно проявились мировоззренческие ментальные позиции представителей российской власти, связанные со стремлением соблюдать преемственность традиции при определении самих критериев «законности». Это было связано с тем, что долгое время императорская власть считалась единственным ее источником, а официальная юридическая мысль заботилась лишь о выделении из массы тех указов, которые должны были иметь силу закона во всех случаях и во все времена.

В результате единовластное волюнтаристское начало, с одной стороны, нарушало всю логику и смысл законодательного регулирования предпринимательской деятельности, а с другой – не противоречило европейской законодательной практике. В зарубежных государствах имели место случаи, когда несовершенства промыслового законодательства восполнялись отчасти с помощью того же принципа – соблюдения обычаев.

Наконец, в-третьих, дифференциация уставных требований по национальному принципу зависела не столько от сознательной реакционности власти, сколько от поиска своей идентичности: национальной, культурной,

религиозной. Подобная самоидентификация, рассматриваемая в русле теории «своего» и «чужого», позволяет выявить не только объективные причины принятия тех или иных законодательных решений, но их социально-психологическую внутреннюю обусловленность. Таким образом, учитывая все обстоятельства развития промысловых законов в России в конце XIX – начале XX в., характер законодательной политики государства в области регламентации уставной деятельности обществ следует расценивать как более либеральный, нежели реакционный.

Таблица 1
Статьи, регулирующие промысловую деятельность в России в 1881-1913 гг. (в кв. см.)

№ те мы	Год	Объем статей, регулирующих промысловую деятельность в кв. см.	Объем статей, организационные основы промысловой деятельности в кв. см.	Объем статей, регулирующих промысловое налогообложение в кв. см.	Весь объем статей в кв. см.
1	1881	21 704,16	9 155,36	2 548,80	135 660,80
2	1882	9 879,20	8 692,80	1 186,40	176 518,40
3	1883	8 358,40	6 961,60	1 396,80	179 385,60
4	1884	19 965,60	17 676,80	2 288,80	224 185,60
5	1885	16 304,80	13 267,20	3 037,60	196 595,20
6	1886	17 332,10	14 920,90	2 411,20	213 065,60
7	1887	25 532,00	22 147,20	3 384,80	190 840,00
8	1888	38 488,00	38 152,00	336,00	229 532,80
9	1889	29 781,60	28 612,80	1 168,80	260 712,00
10	1890	40 857,60	40 809,60	48,00	301 952,00
11	1891	53 106,40	53 106,40	0,00	245 321,60
12	1892	55 771,20	55 235,20	536,00	263 883,20
13	1893	52 360,80	52 151,20	209,60	253 568,00
14	1894	28 066,40	27 652,80	413,60	255 356,80

15	1895	61 053,12	60 864,32	188,80	268 617,60
16	1896	50 541,60	50 279,20	262,40	295 147,20
17	1897	62 785,60	61 766,40	1 019,20	262 532,80
18	1898	116 171,20	106 697,60	9 473,60	402 233,60
19	1899	176 724,80	176 364,00	360,80	475 347,20
20	1900	134 136,00	132 694,40	1 441,60	419 438,40
21	1901	119 174,40	117 993,60	1 180,80	453 225,60
22	1902	78 293,60	76 710,40	1 583,20	368 982,40
23	1903	60 106,00	60 106,00	0,00	418 073,60
24	1904	86 468,00	86 290,40	177,60	450 337,60
25	1905	48 297,60	47 854,40	443,20	346 044,80
26	1906	68 767,20	66 697,60	2 069,60	408 764,80
27	1907	94 243,20	93 528,80	714,40	262 174,40
28	1908	119 480,80	118 400,00	1 080,80	361 065,60
29	1909	82 484,00	81 852,00	632,00	360 348,80
30	1910	186 293,60	185 973,60	320,00	504 424,00
31	1911	186 000,00	184 940,00	1 060,00	505 491,20
32	1912	119 573,60	119 007,20	566,40	641 377,60
33	1913	90 493,60	90 292,80	200,80	506 230,40

S (1 страницы) = 22,4 × 16 = 358,4 см²

Таблица 2

Статьи, регулирующие промысловую деятельность в России
в 1881-1913 гг. (в %)

№ те мы	Год	Объем статей, регулирующих промысловую деятельность в %	Объем статей, организационные основы промысловой деятельности в %	Объем статей, регулирующих промысловое налогообложение в %	Весь объем статей в %
1	1881	16,00	14,12	1,88	100,00
2	1882	5,60	4,92	0,67	100,00
3	1883	4,66	3,88	0,78	100,00
4	1884	8,91	7,88	1,02	100,00
5	1885	8,29	6,75	1,55	100,00

6	1886	8,13	7,00	1,13	100,00
7	1887	13,38	11,61	1,77	100,00
8	1888	16,77	16,62	0,15	100,00
9	1889	11,42	10,97	0,45	100,00
10	1890	13,53	13,52	0,02	100,00
11	1891	21,65	21,65	0,00	100,00
12	1892	21,13	20,93	0,20	100,00
13	1893	20,65	20,57	0,08	100,00
14	1894	10,99	10,83	0,16	100,00
15	1895	22,73	22,66	0,07	100,00
16	1896	17,12	17,04	0,09	100,00
17	1897	23,92	23,53	0,39	100,00
18	1898	28,88	26,53	2,36	100,00
19	1899	37,18	37,10	0,08	100,00
20	1900	31,98	31,64	0,34	100,00
21	1901	26,29	26,03	0,26	100,00
22	1902	21,22	20,79	0,43	100,00
23	1903	14,38	14,38	0,00	100,00
24	1904	19,20	19,16	0,04	100,00
25	1905	13,96	13,83	0,13	100,00
26	1906	16,82	16,32	0,51	100,00
27	1907	35,95	35,67	0,27	100,00
28	1908	33,09	32,79	0,30	100,00
29	1909	22,89	22,71	0,18	100,00
30	1910	36,93	36,87	0,06	100,00
31	1911	36,80	36,59	0,21	100,00
32	1912	18,64	18,55	0,09	100,00
33	1913	17,88	17,84	0,04	100,00

S (1 страницы) = $22,4 \times 16 = 358,4 \text{ см}^2$

Библиографический список

1. См.: Хеллер К. Отечественное и иностранное предпринимательство в России XIX – начала XX века// Отечественная история. 1998. №4. С. 55-56; его же. Предпринимательство и предприниматели России//

Отечественная история. 1999. №1. С. 160-162; Роггер Х. Россия в век модернизации и революции. 1881-1917 / Архипова Л.М. История России конца XIX – начала XX в.: взгляд зарубежных историков. Ярославль: Аверс Пресс, 2003. С. 12-14.

2. См.: Миронов Б.Н. История в цифрах: математика в исторический исследованиях. Л.: Наука, 1991. 165 с.

3. Рассчитано по: ПСЗ-III. Т. 1. Т. 2. Т. 3.

4. Рассчитано по: ПСЗ-III. Т. 4, Т. 5, Т. 6.

5. Рассчитано по: Таблица 1, 2.

6. Рассчитано по: ПСЗ-III. Т. 7.

7. См.: ПСЗ-III. Т. 4. № 2079; Т. 5. № 2841, № 3215; Т. 9 № 5740, № 6011, № 6165; Т. 16. № 13418.

8. См.: ПСЗ-III. Т. 16. № 12871.

9. См.: там же.

10. См.: ПСЗ-III. Т. 14. № 10447.

11. См.: ПСЗ-III. Т. 16. № 13556.

12. См.: ПСЗ-III. Т. 16. № 12394, № 12871; Т. 10. № 6930.

13. См.: Вестник финансов, промышленности и торговли. 1910. № 17 (воскресенье, 25 апреля (8 мая). С. 196.

14. См.: ПСЗ-III. Т. 16. № 12871.

15. См.: ПСЗ-III. Т. 10. № 6794.

16. См.: ПСЗ-III. Т. 14. № 10878; Т. 16. № 12871.

17. См.: ПСЗ-III. Т. 3. № 1518; 1564; Т. 10. № 6664.

18. См.: ПСЗ-III. Т. 16. № 12871.

19. См.: ПСЗ-III. Т. 6. №3487.

20. См.: ПСЗ-III. Т. 31. № 34706.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

А.Э. Афанасьева (ЯГПУ)

Инструмент империи: тропическая медицина в европейской колониальной истории

История тропической медицины - одна из наиболее динамично развивающихся в настоящее время областей исследования в рамках имперской истории. Болезни формировали империи: они диктовали границы расселения европейцев и определяли расположение транспортных путей. Успехи развития медицины с самого начала колонизации были главным условием жизнеспособности любых начинаний европейцев в тропиках.

Контроль над распространением болезней и снижение уровня смертности - прежде всего, среди европейцев, - входили в число первоочередных задач колониальных властей. Большинство христианских миссий выполняло медицинские функции: миссионеры, многие из которых обладали профессиональной медицинской подготовкой, работали в больницах, делали прививки и выдавали лекарства. На борьбу с болезнями были направлены усилия светских врачей: с открытием Луи Пастером бактериологической природы болезней в Африку устремились отряды ученых в поисках патогенов смертельно опасных болезней.

Историография колониальной медицины долгое время развивалась в русле традиционного просветительского подхода: в работах, написанных, как правило, профессионалами-медиками, прославлялись достижения западной медицины в борьбе с тропическими болезнями, подчеркивалась гуманность европейских врачей и методов лечения, а также благотворность европейского медицинского вмешательства в целом.

Туземцы в этих трудах фигурировали в единственном качестве пациентов, счастливо избавленных от болезней. Оптимизм авторов основывался на убеждении в непрерывном прогрессе западной медицины как науки, возможности которой безграничны. Характерно, что медицина рассматривается как в высшей степени аполитичная наука, единственная цель которой заключается в облегчении страданий людей.

В 1970-80-х гг. к изучению истории медицины, в том числе тропической, обратились историки. Они подвергли критике отмеченный подход, указывая на скорее негативное, чем позитивное воздействие колониализма на здоровье местного населения. Именно европейцы, подчеркивали исследователи, принесли в тропики ряд совершенно новых болезней, к которым не был приспособлен организм туземцев, такие как грипп, корь. Значительно возросшая в результате колонизации мобильность местного населения вела к распространению эндемичных для некоторых регионов болезней на более широких территориях. Нарушение местных экономических систем с приходом колониализма, и особенно в результате Первой мировой войны, вызвало снижение уровня жизни; плохое питание подрывало здоровье населения, ослабляя сопротивление болезням, масштаб которых в начале XX в. достиг угрожающих размеров. Исследователи, составившие критическое направление в историографии, подчеркивали несостоятельность колониальной медицины, а также указывали на необходимость комплексного анализа политических, социально-экономических и природных факторов в изучении истории болезней и эпидемий.

Другая группа исследователей сосредоточилась на изучении вопросов взаимодействия медицинских практик колонизаторов и колонизируемых. Их труды

продемонстрировали крайне медленное распространение западных способов лечения в колониях, длительное сосуществование элементов европейской и местной медицины и их взаимное влияние, а также выраженное сопротивление местного населения внедрению западных методов борьбы с болезнями.

Одно из наиболее влиятельных направлений в историографии тропической медицины представляют историки-постмодернисты. Эта группа исследователей вслед за Фуко отрицает политическую нейтральность медицины, рассматривая ее как “инструмент империи”, как культурную систему, превращавшую туземцев в объекты изучения, контроля и манипуляций. Медицина, по мнению этих авторов, играла важную роль в конструировании знания о местном населении, создавая обобщения о подверженности тех или иных его представителей влиянию болезней, наделяя их “сущностными” характеристиками, которые ложились в основу определения расовых типов. Этнические категории имели в этой классификации большее значение, чем собственно медицинские: так, в колониальной психиатрии описанию “нормальной” психики африканцев уделялось больше места, чем патологии, поскольку сама африканская психика по определению считалась отклонением от европейской “нормы”. Этот пример демонстрирует значимость медицинского дискурса в производстве различий между европейцами и местным населением. Стремление к дифференциации проявлялось и в традиционном описании имперских территорий как средоточия болезни, смерти, неконтролируемой сексуальности. Изображение туземцев как источника болезней нередко служило медицинским обоснованием для сегрегации.

С другой стороны, имперские медицинские службы представляли собой ветвь колониальной администрации.

Устанавливаемый ими “санитарный порядок” был неотъемлемой частью политического порядка империи. По словам известного африканского мыслителя Ф. Фанона, в колониальном контексте “визит к врачу, к чиновнику или констеблю... были действиями одного плана”. Массовые вакцинации представляли собой, возможно, наиболее яркий пример работы дисциплинарных медицинских процедур. В закрытое помещение, разделенное на секции, по очереди заходили местные жители. Внутри их раздевали, осматривали, надписывали диагноз мелом на спине, регистрировали, в следующей комнате в соответствии с “рецептом” вводилась вакцина, после чего пациент направлялся к выходу через комнату, где он мог одеться. Колониальное население предстает, таким образом, в качестве субъектов, которые сгоняются в помещение, где различные представители власти пересчитывают их, подвергают обезличиванию и унификации и производят медицинские манипуляции с их телами.

Рассмотренные тенденции изучения тропической медицины демонстрируют широкий спектр возможных направлений исследования данной области. Обращение к ней, как представляется, позволяет глубже осмыслить значение и последствия инициатив Запада в странах “третьего мира”.

Е.Е. Лях (ЯГПУ)

Проблема теодицеи в текстах новозаветных апокрифов

Проблема теодицеи – одна из важнейших в истории христианства. Хотя сам термин “теодицея” был предложен в нач. XVIII века Готфридом Вильгельмом Лейбницем в работе “Опыты теодицеи о милости Божьей, свободе человека и происхождении зла”, проблема теодицеи, т.е.

проблема существования зла в мире и примирение существования зла с благостью, премудростью, всемогуществом и правосудием Бога–Творца, была актуальна уже с первых веков существования христианства. В интеллектуальной истории человечества эта проблемы была не нова. Она обсуждалась в религиозной традиции Древнего Ирана и Иудеи, в античной философии, свое видение этой проблемы предлагали гностики. Чаще всего эти учения отстаивали концепцию дуализма, возлагая вину за существование зла в мире (за несовершенство мира) на столь же изначальные и могущественные, как и добро, силы зла.

Новое объяснение этой проблемы предложили раннехристианские писатели, которые были убеждены в том, что Бог-Творец не является источником зла. Но относительно причин происхождения, существования зла среди них существовали различные мнения. Арнобий просто отказывался рассматривать эту проблему, считая ее непостижимой для человека¹. Значительная часть раннехристианских писателей, например Татиан, Феофил Антиохийский, Иринеи Лионский, Псевдо-Мелитон и др., видели причину появления зла в самом человеке, его свободной воле и свободном выборе в пользу зла. "Богом нечего худого не сотворено, мы сами произвели зло...". "Каждый делает добро или грешит по своему выбору, так как Бог вначале сотворил род ангелов и людей со свободною волею.... Ибо такова природа всякой твари – быть способной к пороку и добродетели"².

Новозаветные апокрифы комментировали эту точку зрения и подробно разбирали конкретные обстоятельства этого выбора. В русле проблемы теодицеи тексты новозаветных апокрифов подробно разбирали два наиболее актуальных для христиан вопроса: первый – причины

непринятия людьми христианства, и второй – причины впадения христиан в грех, отпадения от церкви.

Одной из важнейших причин необращения называется приверженность к старым богам, к старому культу. Она вызвана "пониманием и разумением"³, которое люди видели в старых языческих богах, "помощью", которую им давали эти боги, "питая всякую плоть"⁴. Вот как об этом говорит император Максимин в эдикте: "... Всевышний и великий Зевс, блюститель вашего города (Тир), охраняющий от беды и гибели ваших... жен, детей, родной ваш дом и очаг, ... он вдохнул в ваши души это спасительное желание, показывая и давая знать, сколь превосходно, великолепно и спасительно обращаться к бессмертным богам, ... служить им и приносить жертвы. ... Все происходит по благодетельной воле богов"⁵.

Другими причинами являются "приверженность к богатствам этого мира" (Мф. 19.23), многочисленные преступления, не дающие возможности обратиться к Богу и закрывающие "тайный источник разума" в человеке, нежелание людей самих увидеть и понять истинного Бога⁶. Люди не обращаются к истинному Богу и губят души "поклонением твари и ложью язычества". Очень простую и точную причину "необращения" называет автор "Учения Аддая апостола": "Неверие проще, чем вера"⁷.

Причинами впадения христианина в грех и даже возвращения к язычеству называются личные качества человека, его привычки, характер. Это "сомнение", "печаль"⁸, "обидчивость", "жестокость, жадность, корысть"⁹, "связь скверная", "умножение грехов", "нераскаянность" в них также¹⁰. Климент Римский, Иустин, Евсевий дополняют перечень этих причин "суетными делами", "хвастовством", "отсутствием истинного знания", "непослушанием", "плотским пониманием заповедей", "страхом перед гонителями,

неопытностью, слабостью людей, не готовностью христиан к мученичеству", следованию своим служебным обязанностям. Так, например, магистраты отрекались от христианства, "повинуясь своим обязанностям"¹¹. Так же просто, как и причины "необращения", автор "Учения Аддая апостола" формулирует причину падения человека в грех: "... грех проще, чем праведность"¹².

Таким образом, приведенные выше примеры показывают, что источником зла и несовершенства является сам человек. Эта точка зрения находит отражение в Евангелиях. "Ничто, входящее в человека извне, не может осквернить его; но что исходит из него, то оскверняет человека. ... Ибо изнутри, из сердца человеческого исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимства, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство. Все это зло изнутри исходит и оскверняет человека". (Мк. 7. 15-29; Мф. 15. 11-20) "В искушении не говори: "Бог меня искушает"; потому что Бог не искушает злом и Сам не искушает никого, но каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственной похотью...". (Иак. 1. 13-17).

Вместе с тем, раннехристианские писатели и тексты новозаветных апокрифов предлагают и другое объяснение причин существования зла и грехов. Это окружающие человека обстоятельства: "темнота ложного (языческого) культа", которая застилает сознание и не дает человеку приобщиться к Божественному свету¹³, дети, забота о которых может толкнуть родителей на грех¹⁴, "сила породы" человека¹⁵, гонения, проводимые римскими властями, приводящие к отказу от христианства, к обращению к старым языческим культам. Причина грехов возводится к "непослушанию Адама и его жены Евы"¹⁶. В канонических деяниях апостолов причиной необращения

называется деятельность лжепророка. Люди "внимали ему потому, что он немалое время изумлял их волхвованиями" (Деян. 8.11).

Существенной причиной, толкающей человека совершать злые дела, называется воздействие на него сил зла, злых ангелов, "главы нечистой силы"¹⁷, "того, кто в темноте"¹⁸. "Злой ангел ... злобен, гневлив и безрассуден, и действия его злы и развращают рабов Божьих. Дьявол приходит к рабам Божьим, чтобы искушить их"¹⁹. "Я освободился от забот злых и дел разврата и избавился от того, кто прельщал меня и побуждал делать то, в чем нашел меня. ... И я уничтожил того, который в темноте, сын рода его заставлял меня спотыкаться деяниями своими"²⁰. Данное автором в раннем апокрифе "Деяние Иуды Фомы апостола" опосредованное название дьявола "тот, который в темноте", вероятно, связано с названием места наказания "тьма внешняя" (Мф. 8.12), встречающегося в Евангелиях. Послание апостола Иоанна источником и причиной греха также называет дьявола. "Кто делает грех, тот дьявола, потому, что сначала дьявол согрешил". (1 Ин. 3.8) Действиями дьявола объясняется в "Евангелие Никодима" требование иудеев распять Христа. "И отвечал Аду глава нечистой силы: ... Я подверг Его искушению, и старейшин иудейских заставил клеветать и гневаться на Него, заострил копье, чтобы Его пронзили, желчь и уксус смешал, чтобы дать Ему пить, и древо приготовил для распятия Его, и гвозди, чтобы пробить руки Его и ноги"²¹. Такое частичное оправдание человека, снятие с него вины и перенесение ее на внешние обстоятельства, на демонов, несколько нарушает мысль о свободе выбора человека.

Признавая факт воздействия на человека сил зла, раннехристианские авторы должны были ответить на очень значимый вопрос: насколько это воздействие

могущественно? Может ли человек ему противостоять? Практически все раннехристианские писатели утверждают, что может. Иустин пишет: "Они (т.е. силы зла) стараются держать вас в рабстве и служении, и то через сновидения, то через магические чарованья *пленяют всех, кто нимало не старается о спасении своем*"²². В "Пастыре" говорится: "... не бойтесь дьявола, потому, что над вами он не имеет силы". Несколько ниже говорится о равной степени ответственности за грехи и дьявола, и человека: "Не может дьявол пересилить рабов Божьих, которые веруют в Господа от всего сердца. Дьявол может противоборствовать, но победить не может. Если воспротивиться ему, то, побежденный, он с позором покинет вас. Боятся дьявола, как будто имеющего власть, те, которые не тверды в вере"²³.

Таким образом, анализ текстов новозаветных апокрифов свидетельствует, что в период раннего христианства существовали две тенденции, объясняющие причины существования зла в мире. Первая, и с моей точки зрения наиболее распространенная в это время, видит причины в личных качествах, привычках, характере самого человека и утверждает возможность человека победить грех. Вторая возлагает вину на окружающие человека обстоятельства, на воздействие внешних сил, в первую очередь инфернальных. В дальнейшем появляются сомнения в возможности человека противостоять злу, что станет началом формирования веры в могущество дьявола, сильнейшим образом воздействовавшей на умы людей западного средневековья.

Библиографический список

1. Бычков В.В. Эстетика отцов церкви. М., 1995. С. 128.
2. Татиан. Речь к эллинам. Сочинения древних христианских апологетов. СПб., 1999. С. 21.; Иустин

Аполгия II.7. / Св. Иустин. Философ и мученик. Творения. М., 1995.

3. Учение Аддая апостола, пророка и благовестника / Мещерская Е.С. Апокрифические деяния апостолов. М.: Присцельс, 1997. С. 92.

4. История Феклы, ученицы Павла апостола / Мещерская Е.С. Апокрифические деяния апостолов. М.: Присцельс, 1997. С. 412-440.

5. Евсевий Памфил. Церковная история. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1993. IX. 7.7.

6. Учение Аддая апостола, пророка и благовестника / Мещерская Е.С. Апокрифические деяния апостолов. М.: Присцельс, 1997. С. 104.

7. Учение Аддая апостола, пророка и благовестника / Мещерская Е.С. Апокрифические деяния апостолов. М.: Присцельс, 1997. С. 94, 96, 105.

8. Пастырь Гермы / Пер. Свенцицкая И.С. М.: Присцельс, 1997. С. 27, 45-47, 100-101

9. История Иосифа Плотника / Свенцицкая И.С. Апокрифические сказания об Иисусе, святом семействе и свидетелях христовых. М.: Когелет, 1999. С. 94.

10. Деяние Иуды Фомы апостола / Мещерская Е.С. Апокрифические деяния апостолов. М.: Присцельс, 1997. С. 162-163.

11. Иустин. Апология I / Иустин философ и мученик Творения. М.: Университетская типография, 1992. IX. 48, XXX. 62; Климент Римский. Послания / Ранние отцы и учителя церкви. Брюссель: Жизнь с Богом, 1988. IX. 48, XXX. 62; Послание к Диогнету / Творения Иустина Философа. М.: Паломник, 1997. С. 604; Иустин. Разговор с Трифоном иудеем / Иустин философ и мученик Творения. М.: Университетская типография, 1992. С. 155; Евсевий

- Памфил. Церковная история. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1993. VI. 41.10
12. Учение Аддая апостола, пророка и благовестника / Мещерская Е.С. Апокрифические деяния апостолов. М.: Присцельс, 1997. С. 105.
13. Учение Аддая апостола, пророка и благовестника / Мещерская Е.С. Апокрифические деяния апостолов. М.: Присцельс, 1997. С. 94.
14. Деяние Иуды Фомы апостола / Мещерская Е.С. Апокрифические деяния апостолов. М.: Присцельс, 1997. С. 162.
15. История Иоханнана апостола, сына Зеведеева / Мещерская Е.С. Апокрифические сказания апостолов. М.: Когелет, 1997. С. 349.
16. История Иосифа Плотника / Свенцицкая И.С. Апокрифические сказания об Иисусе, святом семействе и свидетелях христовых. М.: Когелет, 1999. С. 53.
17. История Иосифа Плотника / Свенцицкая И.С. Апокрифические сказания об Иисусе, святом семействе и свидетелях христовых. М.: Когелет, 1999. С. 94.
18. Деяние Иуды Фомы апостола / Мещерская Е.С. Апокрифические деяния апостолов. М.: Присцельс, 1997. С. 176.
19. Пастырь Гермы / Пер. Свенцицкая И.С. М.: Присцельс, 1997. С. 41, 52.
20. Деяние Иуды Фомы апостола / Мещерская Е.С. Апокрифические деяния апостолов. М.: Присцельс, 1997. С. 176.
21. Евангелие Никодима / Свенцицкая И.С. Апокрифические сказания об Иисусе, святом семействе и свидетелях христовых. М.: Когелет, 1999. С. 94.
22. Иустин. Апология I / Иустин философ и мученик Творения. М.: Университетская типография, 1992. С. 3.

23. Пастырь Гермы / Пер. Свенцицкая И.С. М.: Присцельс, 1997. С. 52.

А.А. Александров (ЯГПУ)

Проблемы интеграции и реформирования государств Рейнского союза

Проблема становления и оформления государств Центральной Германии в начале XIX века практически не изучена в отечественной историографии и мало отражена в зарубежной исторической литературе. Тем не менее, наполеоновский период сыграл важную роль в истории германских государств и представляется чрезвычайно важным для изучения и понимания всей европейской истории XIX века.

Во время правления Наполеона в государствах Рейнского Союза¹ началась ускоренная модернизация государства и общества. Для всей Германии это был период крупных реформ. При этом в государствах Рейнского Союза приоритет перед любыми реформами имели непосредственные интересы французской власти и эксплуатации.

Члены Рейнского Союза после секуляризации и медиатизации² были вынуждены интегрировать государство из ядра своей земли и новых владений с совершенно разными политическими, правовыми и конфессиональными традициями. Правовая и административная интеграция приобретенных областей могла вызвать сильное сопротивление. Легче было реализовать полное переустройство и упразднить существующий порядок. В этом смысле реформы в значительной степени имели рационально-конструктивный характер.

Передовым в реформах Союза было принятие урезанных сверху идей 1789 г., идея создать новое государство на основе эмансипации равноправных и свободных собственников в обществе граждан. При этом интеграция управления, централизация власти имели преимущество перед мобилизацией нации и ее участием в государстве.

В конечном счете, реформы в Южной и Западной Германии были реформами чиновничества, и в этом отношении этапом борьбы чиновников с феодализмом, где, в отличие от Пруссии, реформаторы сами создавали корпус бюрократии. В этой связи важнейшей частью реформ была организация нового унифицированного и эффективного управления. Были организованы новые административные округа. Между общинами и министерскими учреждениями созданы низшие и средние уровни. Управление стало единым, конкурирующие органы власти - упразднены, компетенции - разграничены. Органы власти среднего звена подчинялись относительно самостоятельным чиновникам с властью французских префектов. Сословно-корпоративное управление в коммунах было упразднено, общинное управление - огосударствлено, бургомистры назначались государством.

Прекратилось изобилие феодальных, церковных, коммунальных, корпоративных управлений и привилегий. Осуществлялось единое государственное регулирование и надзор за общественными делами.

Школьное дело было организовано в ключе огосударствления, однако менее радикально, чем в Пруссии. Политико-социальная функция образования преимущественно понималась в духе позднего Просвещения, преобразования в гимназиях и

университетах остались только преддверьем научной концепции Гумбольдта.

Военная организация, в конечном счете, ориентировалась на французский пример и продолжала правила 18 века: конскрипция и длительный срок службы, с одной стороны, возможность буржуазному образованному слою откупиться от службы, с другой. В отличие от Пруссии, здесь от системы и ее руководителей не исходило никаких толчков к всеобъемлющей реформе³.

Юстиция и управление были на уровне высших и средних органов, отделены друг от друга. Юстиция стала «независимой» (по крайней мере, теоретически), соединение с законом и несменяемость судей стали в принципе нормами нового правового государства.

Хаос высших органов власти и компетенций был заменен министерствами с четкой ответственностью. Права и обязанности чиновников были четко установлены. Изменилось взаимоотношение правительства и монарха: кабинетная система была упразднена, роль советников монарха существенно ограничена. Государство стало государством по существу. С этого времени монарх становится функционером монархии.

Чрезвычайно важны реформы религиозного и церковного устройства. В новых государствах теперь жили подданные различных конфессий: «в Бадене и Вюртемберге большая часть католического населения попала в протестантскую монархию (и протестантское чиновничество), в Бадене - большинство в две трети, в Баварии протестантские имперские города вошли в состав государства католических традиций»⁴. Были введены терпимость, паритет конфессий при получении должностей, право организации протестантских церквей в католических городах и наоборот. Особые права

духовенства были упразднены. Государство имело значительное влияние на занятие церковных должностей. Образование духовенства стало также делом государства, финансы церкви определялись государством. Церковь перестала быть самостоятельной в своем управлении, а управлялась государством через церковную администрацию и назначенного министра. Таким образом, церковь была подчинена главенствующему государственному интересу и стала инструментом для создания единого государственного общества.

Очень важен процесс секуляризации. В 1803 г. церковные области были секуляризированы новыми государствами, причем были отчуждены имущественные ценности и монастырей, и духовных фондов. С монастырями был уничтожен самый сильный негосударственный бастион власти, значительно усилив государство в борьбе против абсолютизма. Процесс имел примечательные последствия и для самой церкви. С одной стороны, государство стало финансировать учреждения и персонал церкви. С другой стороны, церковь была освобождена от своей вплетенности в феодальную систему господства, вновь став чисто духовным институтом. Наконец, секуляризация начала обширное перераспределение владений и в этом отношении имела значительные социальные воздействия. Здания, предприятия и собственная земля монастырей были, за исключением лесов, проданы. При этом земля при дальнейших продажах небольшими участками попала в руки крестьян или нарождающегося крестьянско-буржуазного слоя землевладельцев⁵.

В процессе реформирования в новом монархически-бюрократическом государстве помимо церкви проблему представляло собой дворянство. Оно утратило целый ряд своих привилегий: монополию на занятие определенных

должностей и офицерских мест, особую подсудность, хотя и сохраняло определенное особое положение. Приведение дворянства под принцип равенства перед законом осталось незавершенным. После медиатизации имперских дворян и рыцарей конституция рейха до 1806 г. и Наполеоновская конституция Рейнского Союза гарантировали им особые права. Поэтому полная интеграция дворянства в общество правового государства была отложена. Это было связано еще и с тем, что крупные общественные реформы фактически были остановлены. Программа Наполеона состояла, прежде всего, в упразднении землевладельческого господства. С общественно-политической точки зрения это был смысл кодекса Наполеона. Однако кодекс гарантировал возмещение собственности медиатизированным. Более того, реформы не могли повредить доходам от землевладения французского военного дворянства, что фактически блокировало радикальную реформу. Конечно, было отменено крепостничество, но на западе и юге Рейнского Союза это не имело большого значения. Крестьяне были привязаны к своему доходу: они не могли себя финансировать, а государство не могло поддержать их кредитами. С другой стороны, государство не могло отказаться от своих доходов как землевладелец доменов. Таким образом, освобождение крестьян не прошло без сложностей. Но поскольку на юге и западе Рейнского Союза доминировало землевладение, основанное на ренте, это не привело к приобретению дворянством экономической власти. Только на левом берегу Рейна освобождение крестьян было успешным, хотя финансовое давление господ и сменилось государственным налоговым давлением.

В реформируемых государствах Рейнского Союза определенную роль сыграла идея конституции. С упразднением сословных органов появилась идея

национального представительства (Монтгелас, 1796), стремление укрепить связь нации и государства. Однако только две конституции были реализованы, Вестфальская (1807) и Баварская (1808). При этом ядро монархического суверенитета, определявшее государственные действия и применение права, осталось неприкосновенным. В этом отношении можно говорить о видимом конституционализме. Личная безопасность, собственность, господство закона, равенство всех перед законом и независимость юстиции - фактические основы новых государств - гарантировались. Но конституции не работали. «Палата Вестфалии была созвана только дважды, Баварская - никогда»⁶. Имеющие право голоса, фактически в значительной мере - дворянство, были противниками реформы. Конституции предполагали наличие образованной и состоятельной буржуазии, которой еще не было. Реформа представлялась возможной только в чиновничьем смысле, не в конституционном, до тех пор пока народ еще был настроен и организован по сословным принципам.

Реформы преодолели недееспособный режим и поставили на его место централизованное, единое, секуляризованное и бюрократическое государство. Новое управление обеспечивало существование государства и регулировало общественную жизнь. Под давлением Наполеона и частью по собственной необходимости государства Рейнского Союза развили также основные черты полицейского государства. Тем не менее, одновременно это подчиняющее себе государство освободило индивида от корпоративных связей, княжеских вольностей, устранило бесконечные неравенства. В той мере, в какой оно подчинило всех государству, оно одновременно сделало граждан равными и основало меру частной свободы. В этом состоит диалектика реформы:

становление бюрократически-властного реформированного государства освобождает индивида, так что он сильнее подчиняется государственному господству. Теоретически такое модернизированное государство является государством закона, безопасность, собственность и равенство перед законом, в принципе, гарантируются. Общество не совершило революционного переворота: принцип равенства перед законом был больше программой, имел только относительное значение, но сословное социальное устройство и его иерархия были существенно ослаблены, хотя аристократическая олигархия все еще оставалась сильной и бюрократия еще долго боролась за господство в стране.

Процесс реформирования в государствах Рейнского Союза шел по-разному, здесь следует различать три направления. **Средне- и северогерманских государств** реформы почти не коснулись. В Саксонии и Мекленбурге оставалось прежнее устройство государства и общества. Наполеоновские искусственные государства Вестфалия и Берг должны были стать «моделями» решительных реформ. Французские достижения играли здесь особую роль. Однако постоянные вмешательства во внутренние дела, контрибуции, военная обязанность и завышенное налоговое бремя высасывали все из страны. Большая часть доменов стала наградой французскому военному дворянству, что препятствовало освобождению крестьян. Таким образом, обещание либерального правового государства находилось в резком расхождении с системой иностранной эксплуатации, что, тем самым, способствовало тенденции к диктаторскому государству. В конце концов, это привело к гибели этих государств в 1813, 1815 гг., так что реформы имели здесь малое воздействие.

Классическими странами реформ Рейнского Союза являются **южно-германские государства**. В Баварии реформа в течение всего периода тесно связана с ведущим министром Монтгеласом и проведена с наибольшей энергией, правда, с бюрократической сверхцентрализацией. В Бадене Брауэр и Райценштейн, в Нассау - Гагерн и Маршалл в целом успешно провели реформу. Исключением стал Вюртемберг, где движущей силой реформы был король. Закономерно, что реформы здесь стали абсолютистскими, направленными на укрепление собственного господства.

Особую роль играли **области левого берега Рейна**, которые с 1801 по 1814 гг. были отделены от германских государств Францией. Здесь имела место особо старомодная феодально-сословная система, а реформа стала радикальнее всех. Церковь и дворянство были отчуждены, введена французская система управления, права и судопроизводства. Эта правовая революция в связи с хорошей конъюнктурой в рамках французской военной экономики особенно благоприятствовала подъему буржуазного общества собственников. Рейнские области в социальном отношении по сравнению с остальной Германией были далеко впереди.

Реформы в Рейнском Союзе долгое время находились в тени прусских, считаясь продуктами иностранного господства. Также считалось, что они стали возможными именно потому, что разыгрывались против прусских. Обе точки зрения являются идеологическими, и их можно уверенно отбросить. И прусские реформы, и реформы Рейнского Союза самостоятельны и равно важны, оба типа реформ имеют свою специфическую, но различную новизну. Идея мобилизации народных сил, участия нации, определявшая прусскую реформу, в государствах Рейнского Союза не играла существенной

роли. Здесь во главе угла стояло государство, а не государство и нация. Реформы Рейнского Союза были не такими решительными, как прусские, в плане освобождения либерального индивидуализма и конкуренции, а важнейшая общественная реформа - аграрная - остановилась, едва начавшись. С другой стороны, реформы Рейнского Союза, по крайней мере в теории, отвергали сословное общество, отстаивая революционный принцип равенства.

В южной Германии время реформ создало традицию реформы, чьим проводником и двигателем было государство. Это, в первую очередь, привело к чрезвычайному усилению монархии: она после конца абсолютизма и при покровительстве Наполеона по-новому укрепилась и получила авторитет и престиж в общественном мнении. Для прогрессирующей буржуазии государство и монархия стали партнерами для продолжения реформ - это создало южно-германский либерализм. Одновременно реформы наполнили буржуазное движение духом французского права и идеей общества свободных и равных собственников. Откат назад аграрной реформы сделал излишней такую сильную реставрацию власти дворянства, как это произошло в Пруссии, и поэтому не воздействовал на общество так отрицательно. Результат реформ поэтому другой, нежели идеи и их первоначальный характер: если в Пруссии возникает либеральное, социальное и динамичное экономическое общество, то на месте Рейнского Союза происходит политическая модернизация прежних конституций, а вследствие отсутствия крупного землевладельческого дворянства в дальнейшем общество в государствах Рейнского Союза смогло сильнее обуржуазиться.

Примечания

1. Созданный в 1806 г. Наполеоном Рейнский Союз из 36 германских государств просуществовал до 1813 г. и обеспечил Франции надежного союзника в противостоянии с Австрией и Пруссией.
2. Медиатизация подразумевала прекращение собственного господства над владением с передачей своих прав господства и территории в руки другому государству (сравнимо с секуляризацией).
3. Это вполне понятно, поскольку военные преобразования зависимых государств находились под жестким контролем Наполеона.
4. Weis E. (Hg.). Reformen im rheinbuendischen Deutschland, Muenchen, Wien, 1984, S. 368.
5. Severin B. Modellstaatspolitik im rheinbuendnischen Deutschland. Berg, Westfalen und Frankfurt im Vergleich, in: Francia. Forlesungen zur westeuropaeischen Geschichte, Bd. 24/2, Sigmaringen, 1998, S. 87.
6. Nipperdey T. Deutsche Geschichte 1800-1866. Buergerwelt und starker Staat. 1983. S. 102.

Ю.Е. Барлова (ЯГПУ)

**Визуальная пропаганда в политическом пространстве
Англи второй половины XVIII в.**

Пропаганда - распространение каких-либо идей, знаний или информации с целью воздействия на общественные представления и моделирования политического поведения "целевой группы" или общества в целом - в том или ином виде всегда присутствовала в развитых политических культурах. XVIII век, в особенности вторая его половина, занимает важное место в эволюции пропаганды как формы политической коммуникации и комплексного социального феномена.

Именно в XVIII столетии пропаганда "всплывает на поверхность" ежедневной практической политики, пропагандистские кампании становятся неотъемлемой и всеми признаваемой частью общественной жизни, они вовлекают в себя все большее количество участников, используют более широкий спектр коммуникационных каналов – то есть, по сути, приобретают облик и статус, близкий к современным.

Англия, с ее вековыми традициями борьбы за "политические и парламентские свободы" и традиционно высоким уровнем заинтересованности общественности в политических вопросах, в XVIII в. буквально "наводняет" свое политическое пространство пропагандистскими кампаниями; причем среди традиционных для англичан каналов и механизмов политической коммуникации (петиции, памфлеты и трактаты, религиозные проповеди, публичные речи ораторов и пр.) на первом месте оказываются *popular prints*, или популярные печатные картинки.

Во второй половине XVIII столетия наибольшую популярность приобретают картинки с политическим подтекстом или на политическую тему, которым в то время были присущи все признаки политических карикатур. Преимуществами их как каналов пропаганды (скажем, перед памфлетами) были доступность более широкому спектру потенциальной аудитории (включая малограмотные, неграмотные, иноязычные и пр. слои населения), а также пресловутая *мгновенная апелляция* к эмоциям, к иррациональному уровню восприятия, экономившая время и усилия, необходимые для осмысления вербальной или письменной информации.

В отличие от печатных картинок более раннего периода, английские карикатуры второй половины XVIII в. были:

- посвящены не общефилософским или моральным темам, а реальным событиям, созданы на злобу дня;

- персонифицированы: их герои - не абстрактные символические фигуры вроде церкви или государства, а реальные государственные, общественные деятели; не только правители, но и профессиональные политики, причем изображаемые искаженно, комично, но узнаваемо; по частоте присутствия в карикатурах и узнаваемости три первых места занимали (что само по себе показательно) король Георг III, премьер-министр Питт-младший и лидер оппозиции Чарльз Фокс;

- нагружены соответствующей символикой – преобладали не "морально-философские" символы, а символы-клише, формирующие целый "визуальный язык", понятный каждому англичанину, интересующемуся политикой (например, Фокса – в переводе "лиса" - изображали с лисьей мордой, короля – в спальном колпаке).

Показательно, что в 1739 г. ни кто иной, как знаменитый карикатурист Хогарт, настоял на принятии одноименного "Hogarth's Act", защищающего авторские права художника. Авторами карикатур двигало не только вдохновение; они были профессионалами, знающими цель своей работы и не скрывающими "партийность" и проплачиваемость карикатур. Гиллрей, Сэйерс, Роуландсон, Дент, Круикшенк и другие известнейшие карикатуристы того времени открыто продвигали интересы и проекты влиятельных политических группировок (бывало, что под влиянием определенных обстоятельств они "изменяли" своим политическим убеждениям).

Карикатуры становятся "основной составляющей" пропагандистских кампаний 70-80-х гг. XVIII в. Их продают в печатных лавках (print shops), посещать которые становится модно, а также в пивных, тавернах и на

постоялых дворах. Популярность приобретают рекламные объявления о прокате, продаже карикатур или даже о возможности написания карикатур для организации (!) политического скандала. Во второй половине XVIII столетия многочисленные пропагандистские кампании совпадали с политическими кризисами, сменами министерств, затрагивали вопросы внутренней (избирательная система, вопросы положения католиков и диссентеров), внешней (война за независимость США) и колониальной политики (политики Великобритании в Индии). Все они, будучи нацелены на снискание широкой общественной поддержки, широко использовали визуальную пропаганду.

Одной из наиболее показательных "битв за общественное мнение", которая была выиграна одной из сторон во многом за счет удачной карикатурной кампании, была знаменитая "история с безумием короля Георга", или "кризис регентства" 1788 – 1789 гг. Король Георг III страдал периодическими приступами порфириновой болезни, одним из проявлений которой была частичная потеря рассудка; первый приступ безумия случился с ним в ноябре 1788 г. Суть политической битвы заключалась в следующем: в связи с неясностью исхода болезни короля встал вопрос о назначении регента, на роль которого оппозиция во главе с Фоксом прочила сына Георга принца Уильяма (последний был другом Фокса и оппозиции). Противником этой идеи был премьер-министр Питт-младший, утверждавший, что Уильям не имеет исключительных прав на регентство, что регент может быть назначен лишь по решению парламента. Обе стороны развернули активную пропагандистскую деятельность. В коллекции национального британского музея сохранилось около 80 карикатур, выпущенных в период с ноября 1788 по май 1789 г. и напрямую связанных с этим вопросом,

причем количество "проминистерских" и "про-
 оппозиционных" картинок примерно одинаково.

На стороне оппозиции был легкий "перевес", т.к. реноме Георга сильно пошатнули события, связанные с войной за независимость североамериканских колоний и образованием США и закрепившие за ним образ "тирана". Более того, их поддерживал самый популярный на тот момент карикатурист – знаменитый Гиллрей. Среди "специальных технологий" последнего можно было обнаружить вполне современные приемы, близкие к так называемому "черному пи-ару" – когда, подделывая стиль оппонента (в данном случае, Сэйерса), он запускал карикатуры-фальшивки от имени "противника". Однако битва была выиграна именно "королевской" стороной. Сэйерс и Роуландсон "переиграли" Гиллрея, используя внедренный им же (!) несколько лет назад образ короля как "фермера Джорджа" – простоватого, недалекого, скуповатого домоседа. "Послание" их карикатур общественности звучало так: недалекий, но добродетельный монарх тяжело болен, а разгульный сын желает ему скорой смерти, чтобы занять престол. Одна из самых показательных в этом смысле карикатур "Последний пietet" изображала, как подвыпивший принц в компании с другом и дамами врывается в покои "фермера Джорджа", лежащего в постели в своем традиционном колпаке, и произносит: "Посмотрите, дамы, как там наш старичок: уже..., или пока еще нет?". Карикатурная же "версия" оппозиции выглядела так: Питт хочет сам *незаконно* заполучить регентство, вопреки *законным* правам на это наследника престола. Соответственно, символика про-оппозиционных карикатур выбрала образ "гадкого утенка"-выскочки (Питт), который тянет перья из короны прекрасного лебедя-принца. Понятно, что и с той, и с другой стороны имело место классическое для "черной"

пропаганды искажение действительности. Однако, несмотря на то, что версия, предлагаемая публике оппозицией, была даже ближе к истине, апелляция к эмоциям, чувствам англичан (сострадание к больному человеку) победила апелляцию к рассудку (понятие прерогативы и законных прав), и весна 1789 г. была отмечена неожиданным ростом популярности монарха и всплеском общественной "прокоролевской" активности вплоть до выздоровления Георга в конце апреля.

Итак, важное место визуальной пропаганды в политическом пространстве Англии второй половины XVIII в., безусловно, в первую очередь свидетельствует о том, что политика начала становиться "достоянием общественности". Однако хотелось бы отметить еще один важный аспект. В "век революций" и всплеска политической агитации карикатура становилась своеобразным видом политической сублимации, чему, в свою очередь, способствовала уникальная природа политической жизни Англии, избежавшей в это сложное время революционных потрясений, будораживших континентальную Европу. Великие английские карикатуристы раскрашивали политическую жизнь своей страны яркими сатирическими тонами, подогревая интерес общественности к политическим проблемам и одновременно "гася" негативную энергию масс с помощью механизмов получения "удовольствия от издевки" над высокопоставленными персонажами карикатур.

А.А. Турыгин (ЯГПУ)

"Поворот" к социальной истории в германской историографии: Г. – У. Велер

На рубеже 60-70 гг. XX века в исторической науке Германии развернулись чрезвычайно оживленные

дискуссии по проблемам ее теоретических и методологических основ. Выражением этого явились быстрое увеличение объема научной литературы, выявление разногласий, утрата интереса к старым концепциям и установкам, поиск и создание новых. Стремление к междисциплинарности, заявленное молодым поколением ученых, привело к смене парадигм. Это позволило в течение короткого времени разработать “новую модель постановки проблем и их решений”¹. Под влиянием процесса модернизации произошел поворот от традиционной немецкой истории XIX века с её ориентацией на политико-дипломатические события к социальной истории.

Возросшую в 60-70-х гг. популярность социальной истории можно объяснить следующими причинами. Во-первых, социальная история длительное время находилась и развивалась в тени истории политической. Поворот середины 60-х гг. к проблемам истории германского общества и неспособность политических историков ответить на актуальные вопросы современности обеспечили социальной истории возвращение на арену исторических исследований. Во-вторых, социальная история позволила наиболее полно реализовать междисциплинарный подход, обеспечив постановку новых проблемных вопросов, изменив спектр тем и методов, расширив первоначально узкие временные рамки исследований, прежде относившихся к концу XIX – началу XX веков. В-третьих, обращение к теме общества обеспечило преимущество традиций изучения социальной истории в США, Франции, Великобритании и Германии, предоставив возможность обмениваться мнениями и опытом. Расцвет социальной истории в 60-70-х гг. на Западе был связан с надеждами на обновление исторической науки, пересмотр её методологических

принципов, обновление теоретической базы. Все более насущным становился вопрос, как исследовать, а не что исследовать. В этой связи перенесение новых методов и теорий из социологии, экономики и политологии в плоскость традиционной социальной истории заставило по-новому взглянуть на устоявшиеся истины и обеспечило подъём социальной истории, прежде всего в США, где в историческом исследовании стали широко применять математические методы. Идеи обновления истории, освобождения её от традиционной “истории событий” и использования новейших методов были восприняты английскими историками: К. Хилл, Э.П. Томпсон, Э.Дж. Хобсбаум и др. Многочисленные попытки по созданию исторического синтеза, написанию “тотальной истории”, вопреки распространённой еще с XIX века практике написания национальных историй, предпринимала французская школа Анналов.

В изучении социальной истории в Германии середины прошлого века наметились два пути.

Первый путь состоял в стремлении исследовать структуры и процессы современного общества. На переднем плане новой структурной истории оказались “отношения” и “обстоятельства”, надындивидуальные тенденции и процессы и, в меньшей степени, - отдельные события и лица.

Один из идеологов данного направления, В. Конце, отмечал, что “историю индустриально-технической эпохи, в отличие от истории прошлых столетий, нельзя писать как эпос или драму отдельных действующих лиц, равно как и историю государств; напротив, современность более чем прежде определяется надындивидуальными процессами”².

В 50-60 гг. для исторической науки Германии структурно-исторический подход к изучению социальной истории являлся новаторским, несмотря на

“противоречивость формулировок и весьма скромные методологические выводы”³.

В отличие от этого в начале 70-х гг. сформировалось незначительное по численности, но постепенно завоевывающее все большее влияние направление – историческая социальная наука, представители которого пошли другим путем, стремились “расширить социальную историю до так называемой истории общества”⁴.

С начала 70-х в этой области исторических исследований частично соединились прогрессивные методологические дебаты и эмпирические исследования, происходившие на Западе.

В рамках исследовательского поля структурной истории оставались структуры, процессы, функциональные и причинные связи как прежде всего организационные элементы общественной системы. Главной отличительной чертой исторической социальной науки являлось стремление исследовать “общество в совокупности социальных, политических, экономических, социокультурных и духовных явлений, скрепленных в определенные общественные формации”⁵.

По мнению известного немецкого историка В. Штайнмеца, отличие исторической социальной науки от структурной истории состояло не столько в изучении структур и процессов, сколько в разработке теорий и подходов к интерпретации традиционной, в том числе и социальной, истории⁶.

Идеологи новой исторической социальной науки заняли в Билефельдском университете почти все исторические кафедры: Р.Козеллек – кафедру теории истории, Ю.Кокка – кафедру социальной истории, Г. -У. Велер – кафедру истории XIX – XX вв.

Ганс-Ульрих Велер стоял у истоков “билефельдской школы”. С 1971 года (в должности ординарного

профессора всеобщей истории) он интенсивно занимается исторической социальной наукой, разрабатывая ее теоретико-методологические основы. Являясь учредителем и главным редактором журнала “История и общество” с подзаголовком “Журнал исторической социальной науки”, Г. -У. Велер стал одним из руководителей издательского органа, организованного в 1972 году с целью распространения серии книг “Критическое учение в исторической науке”.

Занимаясь научно-исследовательской деятельностью в Билефельдском университете с 1971-1996 гг., Г.-У. Велер окончательно разработал собственную концепцию национальной истории, в которой широко использовал приемы и методы других наук, в первую очередь социологии, а также экономики, политологии, философии и культурологии. Концепция германской истории Г. -У. Велера представляет несомненный интерес хотя бы потому, что споры вокруг нее не затихают до настоящего времени, а сам автор остается одним из наиболее известных и влиятельных историков Германии.

Свой взгляд на германскую историю Г.-У. Велер представил в обобщающей работе “История германского общества”, вышедшей с 1987 г. (4-й том вышел в 2003 г.), где был обоснован предмет исторической социальной науки. Именно благодаря “Истории германского общества” Г.-У. Велер, по мнению П. Нольте, стал “первым социальным историком Германии”, а “история германского общества стала самой четкой формой воплощения исторической социальной науки и поэтому приблизилась к общепринятой форме национально-исторического синтеза”⁷.

Обосновывая предмет исторической социальной науки и доказывая тем самым, что она подразумевалась не как маргинальное направление научного исследования, Г.-

У. Велер исходил не из идеи национального государства, а из идеи рационального общества как объединения экономических, политических, социокультурных и социоструктурных явлений. Таким образом, в обществе Г.-У. Велер выделяет четыре равнозначные оси: экономику, политику, культуру и социальную структуру. При этом все четыре оси являются, по его мнению, “не выводимыми друг из друга”⁸. Так, замечал он, “дворянское поместье было одновременно экономической единицей, центром власти и очагом культуры”⁹.

Такой подход к интерпретации общественной истории позволяет рассматривать историю человеческого общества не как однолинейный, а как многомерный, многосторонний процесс, но в то же время он требует некоторых уточнений и дополнений.

В рецензии на 4-й том “Истории германского общества” Г.-У. Велера, ссылаясь на мнение историка права Д. Гримма, кильский историк В. Шуберт указал на то, что говорить о социальной истории можно только тогда, когда в качестве автономной величины будет рассмотрено правовое развитие, поэтому в качестве “пятой оси”, требующей соответствующего анализа, он выделял право. Во введении к 4-му тому Г.-У. Велер утверждал, что “постулат Гримма имеет убедительную силу”¹⁰, но в силу усложненного специального языка и необходимости соответствующей подготовки не может являться автономной величиной, такой, как, например, политика или экономика.

Важно отметить, что исторический процесс предстает у Г.-У. Велера как непрерывный структурный процесс. В этой связи особенный интерес представляет ось “политика”. Для прежней политической истории было характерно понимание о прерывности, то есть событие могло все перевернуть, личность, которая вошла в

историю, наложить печать на эпоху и т.д. В свою очередь, Г.-У. Велер предлагает рассматривать политику как непрерывный процесс. Такое стремление, по мнению Т.Мергеля, безусловно, приводит к тому, что связующими линиями истории становятся структуры, а политические изменения станут пониматься не как итог грандиозных событий, а как следствие, прежде всего, социально-экономических условий¹¹. Так, следуя тезису о непрерывности истории, Г.-У. Велер интерпретировал А.Гитлера как более или менее неизбежное следствие хода немецкой истории. Ф. Ульрих в своей рецензии на 4-й том “Истории германского общества” на страницах газеты “Die Zeit” указал, что Г.-У. Велер отказался от старых гитлероцентристских интерпретаций и представил “фашистский надлом цивилизации в Германии” как следствие хода национальной истории, выделяя в качестве одной из причин “деструктуризацию немецкой правительственной системы”¹². Рецензенты указывали на то, что объектом критики длительное время являлась попытка Г.-У. Велера “вывести подъем национализма, обращаясь к континуитету немецкой истории”¹³.

Установление культурной оси позволило ввести в безликую структурную историю общества историю человека, его сознание и миропонимание. Однако при обращении к оси “культура” Г.-У. Велер выступает против исследования “индивидуальных мотивов” и высказывается за анализ не отдельных личностей, а “коллективной социальной психологии”, рассматривая культуру как надындивидуальное явление, относящееся к социальным стратам, классам, группам и т.д.¹⁴. Поэтому в концепции истории Г.-У. Велера люди все же исчезают за структурами и процессами. Недостаточность внимания к индивидуальности, к микропроцессам и микроструктурам, характерная не только для Г.-У. Велера, но и для всей

исторической социальной науки, повлекла за собой волну критики со стороны “новой культурной истории”. Г.-У. Велера и его сторонников справедливо критиковали за то, что во взгляде на модернизацию и прогресс исторических субъектов определенно пренебрегаются страдания отдельных индивидов и их исторический опыт¹⁵. По мнению В.Штайнмеца, это был первый и серьезный вызов исторической социальной науке и её представителям, группирующимся вокруг “билефельдской школы”¹⁶.

В работе “Королевский путь к новым берегам или призрачные сады иллюзий? Западногерманская история повседневности: история “изнутри” и “снаружи” Г.-У. Велер делает акцент на том, что обращение к истории повседневности нарушит общую конструкцию истории, размоет её границы, лишит её смысла, так как сама история повседневности представляет “обыкновенную безвкусную овсянку”¹⁷. Г.-У. Велер, Ю.Кокка и другие представители исторической социальной науки полагали, что история как наука базируется на идее единой истории, которая стоит над массой бесчисленных индивидуальных историй-рассказов и за их пределами. Идея всеобщей взаимосвязи причин, действий и результатов есть как раз то, что позволяет нам охватить как различия, так и связь между прошлым, настоящим и будущим¹⁸.

В 90-е гг. противоречия между представителями макро- и микроподходов к истории достигли своего апогея.

А.И.Патрушев справедливо заметил: “Г.-У.Велер всегда понимал историю и в её аналитической, и в нарративной форме не как пассивное фактографическое описание, а как аргумент в обосновании своего понимания исторического прошлого и путей его познания. Поставив большие и сложные, спорные и уязвимые для критики проблемы, он сам как никто другой приблизился к ответам

на эти вопросы своим значительным вкладом в германскую и мировую историческую науку”¹⁹.

Историческая социальная наука, у истоков которой стоял Г.-У. Велер, представляла собой опыт, который смог объединить область истории с другими науками и который с помощью новых способов способствовал дисциплинаризации истории в контексте социальных, политологических, экономических и культурологических наук. Тем не менее, актуальным на сегодняшний момент остается вопрос: будет ли историческая социальная наука развиваться дальше или же в качестве исторического понятия останется закрепленной за поколением её основателей, таких как Г.-У. Велер и Ю.Кокка.

Библиографический список

1. Кун Т. Структура научных революций М., 1975. С. 31
2. Kocka J. Sozialgeschichte zwischen Strukturgeschichte und Erfahrungsgeschichte. In: W.Schider und V.Sellin. Sozialgeschichte in Deutschland. Goettingen, 1986 – S.68
3. Kocka J. Sozialgeschichte zwischen Strukturgeschichte und Erfahrungsgeschichte. In: W.Schider und V.Sellin. Sozialgeschichte in Deutschland. Goettingen, 1986 – S.69
4. Розе Г. Прогресс без социальной революции. (Теории “модернизации” и буржуазные социальные науки). М., 1985 – С.103
5. Geschichte und Gesellschaft, H.1, Vorwort, - S.5
6. Interview mit W.Steinmetz zum Thema “Die Bielefelder Schule”und ihre Vertreter”
7. Nolte P. Historische Sozialwissenschaft. Goettingen, 2002 – S.60
8. Wehler H-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd 1. Muenchen, 1987 – S.11
9. Ibid. S.11

10. Wehler H-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Vorwort. Bd 4. Muenchen, 2003 - S.17
11. Mergel T. Ueberlegungen zu einer Kulturgeschichte der Politik. In: Geschichte und Gesellschaft, Goettingen, 2002 – S.579
12. Rezensionen - Die Zeit vom 09.10. 2003
13. Rezensionen – Frankfurter Rundschau vom 08.10.2003
14. Wehler H-U. Einleitung zu “Geschichte und Psychoanalyse”. Koeln, 1971 – S.24
15. Nolte P. Historische Sozialwissenschaft. In: J.Eibach, G.Lottes (Hg) Kompass der Geschichtswissenschaft. Goettingen, 2002 – S.65
16. Interview mit W.Steinmetz zum Thema “Die Bielefelder Schule”und ihre Vertreter”
17. Wehler H-U. Koenigsweg zu neuen Ufern oder Irrgarten der Illusionen? Die Westdeutsche Alltagsgeschichte: Geschichte “von innen” und “von unten” // “Geschichte von unten-Geschichte von innen” – Kontroversen um die Alltagsgeschichte/ Hrsg. F.-J. Bruggemeier, J.Kocka. Fernuniversitaet Hagen, 1986 – S.47
18. Luedtke A. Was ist die Alltagsgeschichte? Ihre Errungenschaften und Perspektiven in Deutschland. // Jahrbuch fuer Sozialgeschichte. 1998/99
19. Патрушев А.И. X.-У. Велер и немецкая социально-научная история//Новая и новейшая история. 2004. №2.

А.И. Мирнон (КГУ)

Отечественная историография английской дипломатии «эпохи конгрессов» (1815-1822 гг.)

Проблема внешней политики Англии “эпохи конгрессов” (так принято именовать в исторической литературе период 1815-1822 годов) в отечественной историографии в целом изучена слабо. Историков

дореволюционного периода данная тема интересовала, прежде всего, в связи с политикой России и внешнеполитической деятельностью Александра I. В работах В.К. Надлера и Н.К. Шильдера, М.И. Богдановича, посвященных времени правления Александра I, научную ценность представляет, главным образом, новый фактический материал, извлеченный из архивов, к которым царское правительство допускало только особо доверенных лиц. Однако эти историки затронули лишь небольшую часть материалов дипломатического архива. Деятельность английской дипломатии в их трудах рассматривается попутно и, как правило, сквозь призму нараставших англо-русских противоречий. Отсюда вытекало и основное направление критики британской внешней политики. Критиковались не консервативные основы внешнеполитического курса британского кабинета (данный подход был ведущим в оценках зарубежных историков того времени), а его противодействие курсу Александра I, победителя Наполеона и освободителя Европы.

В этом отношении с выводами западных коллег больше соглашались русские дореволюционные историки либерального направления (С. М. Соловьев, Н. И. Кареев, П. Г. Мижуев, ранние работы Е. В. Тарле). При этом они не только внесли немало нового в фактическую историю дипломатических отношений интересующего нас периода, но и высказали ряд ценных наблюдений и выводов, которые отсутствовали в западной литературе.

Наибольшее значение среди них имеют труды С.М. Соловьева. Он впервые нарисовал полную и содержательную картину англо-русских противоречий и борьбы вокруг вопросов политического переустройства Европы в 1814-1815 годах, показал развитие англо-европейских отношений в последующий период. Труды

С.М. Соловьева, основанные на изучении русских дипломатических документов, принадлежат к числу лучших работ по истории международных отношений первой четверти XIX века, которые и сейчас не утратили своего значения. Среди дореволюционных русских историков либерального направления следует отметить также Н.И. Кареева (1850-1931). Он писал на самые разнообразные темы – от теоретических вопросов исторической науки до публицистических откликов на те или иные события текущей истории. В российской историографии он положил начало глубокому исследованию Великой французской революции. Однако его наиболее значительным сочинением стала семитомная “История Западной Европы в новое время”, опубликованная после революции 1905-1907 годов. обстоятельно рассматривая в этом фундаментальном труде важнейшие вехи европейской истории, он уделял значительное внимание постнаполеоновской эпохе, останавливаясь на ряде вопросов, касающихся английской внешней политики при Кестльри, которую, оставаясь верным либеральной традиции, характеризовал как реакционную.

Крайним реакционером рисовал лорда Кестльри молодой Тарле. В статье, посвященной Каннингу, он противопоставлял его прогрессивные устремления реакционной политике Кестльри, которого он характеризовал как “капризного самодура” и “бездарного педанта”.

Подводя итог, можно сказать, что внешняя политика Англии 1815-1822 годов рассматривалась в русской дореволюционной историографии лишь в силу необходимости при изучении внешней политики России и потому подробного и объективного анализа не получила.

После революции основное внимание советских историков было направлено преимущественно на внутривосточные проблемы британской истории 10-20-х гг. XIX в. Международные отношения “эпохи конгрессов” изучались в 20-30-х гг. А. Е. Пресняковым и А. Н. Шебуниным, но эти авторы основной акцент по-прежнему делали на внешней политике России, лишь по ходу затрагивая историю английской дипломатии. Вместе с тем, Пресняков и Шебунин уделили значительное внимание экономическим интересам европейских государств, связав их с задачами международной политики XIX века.

В 40-50-е гг. советские историки начинают проявлять больший интерес к истории “эпохи конгрессов” в целом и английской дипломатии в частности. А. Л. Нарочницкий, А. И. Молок, С. Б. Окунь в своих общих работах по истории России и истории международных отношений подробно останавливаются на конгрессах Священного союза, рассматривают позиции и деятельность дипломатии великих держав, в том числе и Англии. При этом внимание заостряется на реакционности конгрессов, стремлении ведущих держав Европы к подавлению любых проявлений революции. Те же акценты при изучении эпохи расставляют и авторы обобщающего труда по истории дипломатии, увидевшего свет в нескольких изданиях в 50-60-е гг.

В 60-70-гг. интерес к эпохе продолжает возрастать, чему способствовало появление многотомной публикации документов российского МИДа. Появляются новые и более подробные обобщающие работы (Н.С. Киняпина), а в 1966 г. выходит монография Л. А. Зака, посвященная Венскому конгрессу. При ее создании автор опирался на самый широкий круг источников, что придало его исследованию особую ценность. Кроме дипломатических документов

русского и британского внешнеполитических ведомств, он использовал данные Германского центрального архива, саксонского архива в Дрездене, публикации документов, вышедшие во Франции и Австрии, а также ряд других источников. Это позволило автору осветить *все* аспекты работы конгресса, подробно остановиться на наиболее существенных сторонах его работы.

Значительный вклад в изучение “эпохи конгрессов” в 70-80-е гг. внес В. Г. Сироткин. Он отошел от односторонней оценки периода как сугубо реакционного, подчеркнул, что политике творцов Венской системы были присущи известные объединительные тенденции и, наконец, указал на различие между Четверным и Священным союзом. Хотя работы Сироткина не посвящены непосредственно английской внешней политике, они помогают более глубоко осмыслить весь комплекс международных проблем того времени.

Однако наибольшее внимание советская историография уделяла не европейским конгрессам, а национально-освободительным и революционным движениям, их влиянию на международные отношения и позициям ведущих держав, в том числе и Англии.

Интересы английской дипломатии в начавшейся борьбе за независимость испанских колоний были освещены И.М. Майским в труде по истории Испании. Исследование этого вопроса было продолжено Л.Ю. Слезкиным и М.А. Додолевым. Они рассмотрели борьбу за независимость в Латинской Америке как серьезную международную проблему, дали анализ участия в ее решении Англии и других европейских держав, а также Соединенных Штатов. Они показали, с одной стороны, стремление Англии к окончательному отделению колоний от Испании и, с другой стороны, консерватизм внешнеполитического курса Кестльри, мешавший

британскому кабинету открыто поддержать борьбу колоний за независимость.

Большое значение советская историческая наука отводила изучению национально-освободительной борьбы греческого народа. Позиция Англии и дипломатия Кестльри в этом вопросе изучены наиболее тщательно. Данной проблемой занимались О.Б. Шпаро, И.Г. Гуткина, И.С. Достян, Г.Л. Арш, А.В. Фадеев. Они рассмотрели развитие международных отношений на всех этапах греческого кризиса, показали роль европейских держав, детально разобрали все связанные с этим вопросом акции британской дипломатии. Советские историки пришли к выводу, что английская политика, направленная на сохранение статус-кво на Балканах и противодействие расширению российского влияния, сыграла неблагоприятную роль в деле освобождения греческого народа от турецкого владычества.

Изучение данного вопроса было продолжено В.Н. Виноградовым. Он отказался от односторонней оценки деятельности Кестльри и одним из первых в советской науке обосновал давно утвердившийся в английской историографии тезис о преемственности политики Кестльри и Каннинга. Но, как и остальные историки, занимающиеся международным значением греческого восстания, разбор дипломатических демаршей Англии Виноградов начинает лишь с 1820 года.

Вслед за Виноградовым в 80-е гг. пересмотрел взгляды на роль в международной политике лорда Кестльри М.С. Стецкевич. Он рассмотрел ряд аспектов английской внешней политики “эпохи конгрессов” и пришел к выводу, что Кестльри был незаурядным дипломатом, сумевшим использовать систему Четверного союза для сковывания активности России. Вместе с тем он пришел к выводу, что участие Англии в Четверном союзе,

хоть и решало тактические задачи английской дипломатии, было тормозом для экономического развития страны.

Подводя итог, необходимо отметить, что английская дипломатия “эпохи конгрессов” советской историографией так и не была комплексно изучена. Она рассматривалась либо через призму внешней политики России, либо в связи с революционными и национально-освободительными движениями. В 90-е гг. XX и начале XXI века появились новые труды, как правило, статьи в журналах и коллективных монографиях. Концептуальные изменения произошли прежде всего в трактовке внешней политики России, ведущей тенденцией которой историки объявили так называемую конституционную дипломатию Александра I. Эти идеи были закреплены в коллективной монографии по истории внешней политики России под редакцией О. В. Орлик, вышедшей в середине 90-х гг. Однако никаких принципиальных изменений в трактовке внешнеполитического курса Англии не произошло. Это ставит перед отечественной исторической наукой задачу комплексного изучения английской дипломатии “эпохи конгрессов”, а также роли личности лорда Кестльри в формировании внешнеполитического курса британского кабинета.

А.Н. Савинова (КГУ им. Н.А. Некрасова)

Концепция внешней политики Фридриха II Прусского в “Политическом завещании 1752 г.”

Любопытные источники, которые могут пролить свет на теоретические проблемы внешней политики Фридриха II (1740-1786), появились в распоряжении историков достаточно поздно – в начале XX века. Так называемые политические тестаменты (завещания) короля не были предназначены для публикации и принадлежали к

самым секретным документам династии, как и тестаменты других Гогенцоллернов, начиная с политических завещаний великого курфюрста Фридриха Вильгельма (1640-1688). В тестах монархи подводили итоги своего правления и связывали их с дальнейшими политическими планами.

Эти завещания были призваны обязать наследника соблюдать преемственность государственной политики и содержали ряд общих и конкретных рекомендаций политического характера для наследников. Необходимо отметить, что подлинно научная в плане источниковедческой критики публикация тестаментов дома Гогенцоллернов состоялась лишь в 1986 году. Введение их в научный оборот, как верно отметил Х. Духхардт, породило ряд дискуссионных проблем, связанных с различной интерпретацией политических перспектив, изложенных в них. Фридрих II известен как автор двух объёмных политических завещаний, датированных 1752 и 1768 годами. Эти работы связаны между собой, в них последовательно развивается его концепция внешней политики Пруссии. На русский язык эти памятники государственно-политической мысли прусского просвещенного абсолютизма не переведены. По своему содержанию тестаменты Фридриха II имеют существенные отличия от прежних завещаний Гогенцоллернов: очевидно движение в сторону большего теоретизирования проблем политической жизни и акцент на разделах, относящихся к области внешней политики, в которой к середине XVIII в. произошли значительные перемены в статусном положении Пруссии как субъекта международных отношений.

Ключом к пониманию изменений внешнеполитической линии прусского короля с момента заключения мира в Дрездене и до начала Семилетней

войны является его “Политическое завещание”, написанное в 1752 г. В этом серьезном политическом трактате, написанном только для прочтения наследниками, Фридрих подвел итоги 12 лет своего правления и попытался определить место Пруссии в политической системе Европы в середине XVIII в. в соответствии с её геополитическими интересами. Кроме того, testament помогает более глубокому пониманию причин отхода короля от ориентации на союз с традиционным прусским партнёром Версалем и принятия им за основу новой внешнеполитической стратегии союзнических отношений с Лондоном.

Характеризуя настоящее положение Пруссии, наибольшее значение король уделил роли географического фактора, придав особое значение новой прусской провинции Силезии, закрепленной за Пруссией Аахенским миром (1748). Географическое положение Пруссии по соседству с великими державами Фридрих считал важнейшим фактором, формирующим её внешнюю стратегию, поскольку “все эти соседи являются также многочисленными завистливыми или тайными врагами нашего государства. Географическое положение их владений, их честолюбие, их интересы, все эти различные взаимосвязи составляют основу их более или менее скрытой политики...” (Friedrich der Grosse. Das Politische Testament von 1752./ *Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte der neuzeit.* B-de XXII. 1996. S.207.)

Проникновение в тайные замыслы европейских дворов Фридрих считал одной из важнейших государственных задач. При её решении в завещании он выступает за активное использование методов шпионажа, будучи убежденным в том, что действия в рамках легальной дипломатии не всегда приводят к желаемому результату. Нити дипломатических ведомств и тайной

дипломатии должны быть сосредоточены непосредственно в руках короля, который является истинным главой внешней политики. В этой связи прусской дипломатии удалось избежать функционирования на практике двух альтернативных дипломатических служб, свойственного французской внешней политике накануне “дипломатической революции 1756 г.”, разделившейся на личную тайную дипломатию Людовика XV, так называемый “секрет короля”, и официальную линию французской дипломатии. Среди государств европейского континента Франция, по мнению короля, по-прежнему оставалась могущественным государством, но в середине XVIII определяющим в международной политике становится англо-бурбонское соперничество. Союз с одной из этих держав исключал возможность союзнических отношений с другой. Роль Германии - быть балансиром в шатком равновесии между Францией и Англией.

В 1752 г. Фридрих ещё не увидел начала ослабления другого “векового” французо-австрийского противостояния на европейском континенте. Напротив, он традиционно указывал на заинтересованность французской дипломатии в ослаблении влияния правящего дома Австрии и в поддержке притязаний немецких князей, сокращении английской торговли. Он был убежден в том, что Франция была заинтересована в сохранении сильных позиций на Севере, чтобы участвовать во всех европейских сделках. Недооценка Фридрихом заинтересованности Франции в борьбе за морские колонии, религиозной общности французской и австрийской монархий, своеобразный “европоцентризм” прусской политики – вот составляющие его политической ошибки, которая в конечном итоге привела Пруссию к противостоянию коалиции сильнейших европейских государств.

Роль основного противника Пруссии в Германии и Европе король, как и ранее, отводил Габсбургам: “Австрия никогда не простит потерю Силезии и необходимость делить свою славу с Пруссией”. (*Das Politische Testament von 1752. S.208.*) К такому выводу приходит Фридрих и тем самым определяет главную заботу прусской политики в 50-е гг. XVIII в. Союзник австрийской императрицы – английский король Георг II, который “рассматривает Европу только с точки зрения его курфюршества Ганновер”. Именно поэтому в отношениях между Пруссией и Великобританией существуют сложности. В целом Фридрих правильно оценил перспективу развития отношений между двумя странами: проавстрийская направленность внешней политики Англии и неприязнь к прусскому королевству, по его словам, должны исчезнуть со смертью короля Георга II, имевшего особую привязанность к своим наследным владениям в Германии. Фридрих не рассматривал прусско-английские противоречия как расхождения принципиального характера, таким образом, предпосылки для коренного поворота прусской внешней политики вызревали задолго до 1756 г.

Автор тестамена негативно оценивает вероятное поведение своего главного союзника против Габсбургов Франции в возможной войне: “Можно быть уверенным, что она (Франция) ни секунды не промедлит, когда нужно будет пожертвовать союзниками ради собственной выгоды. Основной принцип французов при заключении договоров – сваливать все тяготы войны на союзников, чтобы развязать себе руки”. (*Das Politische Testament von 1752. S.212.*) Он не делает принципиальных выводов о целесообразности сохранения партнёрских отношений с Францией, хотя отношения между двумя государствами, в его

представлении, нельзя назвать равными и заслуживающими взаимного доверия.

Как видим в “Политическом завещании” 1752 г., Фридрих подходит к характеристике международных дел и перспективам прусской политики вполне традиционно: он целиком под влиянием опыта войны (1742-1748 гг.) и в целом не предвидит наметившихся тенденций в международных отношениях, которые в конечном итоге привели к “дипломатической революции” 1756 г.: “после завоевания Силезии наши общие интересы требуют сохранения союза с Францией” (Das Politische Testament... S.224.)

К великим державам Фридрих впервые в своих трудах относит Российскую империю, считая, что только случай делает её врагом Пруссии. Отставка подкупленного Австрией министра (речь идет об А.П. Бестужеве) повлечет восстановление отношений между Берлином и Петербургом. Более долгосрочные интересы русской политики определились, по его мнению, стремлением Российской империи сохранить решающий перевес в Польше, развитием дружеских отношений с Австрией с целью предотвращения внезапного нападения Турции и распространения как можно большего влияния в северных государствах.

В сложной международной ситуации 50-х г. король предельно чётко определял первоочередные цели прусской внешней политики: удержать полученные преимущества в двух войнах за австрийское наследство, увеличить собственное влияние на германские дела, предотвратить новый подъем Габсбургской монархии. Как и ранее, Фридрих рассчитывал на соединение собственных сил с потенциалом оппозиционных Вене германских курфюрстов и сильной европейской державы, с которой его связывали общие интересы и в союзе с которой он

может с успехом осуществить политику “расширения” Бранденбургского государства.

Фридрих, пожалуй, впервые столь открыто высказался о возможных “приращениях” прусского государства в разделе “политические мечтания”, выделив два возможных пути увеличения территории: наследование и завоевание. Именно вокруг этой составной части тестаменты развился научный спор о возможности рассмотрения воззрений, высказанных Фридрихом, в качестве реальной внешнеполитической программы. Не останавливаясь подробно на проблемах династической политики, вполне традиционной для Гогенцоллернов, основное внимание король уделяет возможностям, условиям и средствам присоединения к Пруссии соседствующих с ней территорий, особый интерес из которых представляют Саксония, Польская Пруссия и Шведская Померания. На основании этих слов из завещания делались предположения о намерении присоединить Польскую Пруссию для решения задачи *sine qua non* (одного из главных условий самого дальнейшего существования прусского государства). Не следует забывать, что подобные заявления Фридриха значатся под рубрикой “политические мечтания”, а сам автор постоянно делает оговорку о фантастичности этих планов. Кроме того, способ, который предписывал монарх для соединения прусских территорий с новыми землями, не предполагал открытой военной агрессии против соседей, за исключением Саксонии, в приобретении которой он был заинтересован более всего.

Самым маловероятным шансом он считал возможность присоединения Шведской Померании, где политические амбиции Пруссии неизменно сталкивались с интересами России. Фридрих подчеркивал невозможность отвоевания Пруссией и её союзницей Швецией Лифляндии

и Эстонии у Российской империи: “Шведский флот слишком слаб, а у нас нет ни одного корабля. По этой причине осада Ревеля, Нарвы и других городов совершенно исключена”. (Das Politische Testament von 1752. S.209.) Таким образом, выводы о том, что уже в это время Фридрих планировал вооруженную экспансии в Прибалтику (а это было главным аргументом А.П. Бестужева в пользу союза с Австрией), не находят подтверждения в одном из важных источников конфиденциального характера. Концепцию внешней политики Фридриха II нельзя назвать миролюбивой: он считал экспансию необходимой частью своей политики, направленной на укрепление Пруссии. Несмотря на то, что король был охвачен общим для государственных деятелей нового времени стремлением к территориальному расширению своих государств, он не призывал к необдуманным действиям, но предпочитал находиться в ситуации “ожидания” благоприятной ситуации для осуществления своих экспансионистских планов, увеличивая численность и боеспособность своей армии.

А.М. Ермаков (ЯГПУ)

Подготовка руководящих кадров женской Службы труда в нацистской Германии

Имперская служба труда (РАД) была одной из немногих организаций Третьего рейха, в которой руководство женщинами находилось в руках самих женщин. Влияние руководительницы особенно сказывалось на повседневной жизни, быте, атмосфере трудового лагеря. В то время как профессиональная занятость женщин в гитлеровском государстве считалась в принципе нежелательной и рассматривалась как исключение из

правила или временное явление, а возможности получения образования, особенно высшего, были ограничены, Служба труда доверила воспитание девушек их 19-20-летним ровесницам, реализовав лозунг Гитлерюгенда «молодежь руководит молодежью». В РАД целенаправленно формировался корпус женщин-руководителей, женщин-вождей, в 1937 г. работа руководительницы в Службе труда (*Arbeitsdienstführerin*) была официально объявлена профессией и быстро стала в нацистской Германии престижной. Дочери из «хороших немецких домов» стремились попасть в руководящий персонал РАД, так как служба в качестве начальницы в трудовых лагерях считалась идеальной подготовкой к браку. Во время войны численность руководительниц РАД достигла 10 тысяч.

В то время как пропаганда женской Службы труда представляла немецкой общественности консервативный образ женщины и обещала воспитать в трудовых лагерях хороших домохозяйек и «матерей народа», организованная по принципу фюрерства система карьерного роста давала амбициозным девушкам возможность самостоятельно руководить подчиненными и распоряжаться властными полномочиями. В лице начальниц женской Службы труда образовался новый тип женщины – юной, динамичной, сознательной, имевшей такие «неженские», с нацистской точки зрения, качества, как организационный талант и организаторские способности.

Во время визитов зарубежных гостей национал-социалисты подчеркивали, что Служба труда вносит вклад в эмансипацию женщины: руководительницы в РАД имеют не только установленные законом обязанности, но и права, в том числе право налагать служебные взыскания и носить униформу со знаками различия [13. S. 64, 66, 67].

Зачисление в основной состав женской РАД позволяло девушкам уверенно продвигаться вверх по

служебной лестнице, быстро получать новые должности и очередные звания. Быстрой карьере способствовала текучка кадров, главной причиной которой являлись невозможность продолжать службу после выхода замуж. Руководитель Службы труда имперский трудовой фюрер рейхсляйтер Константин Гирль, кадровый офицер, заимствовал правила вступления в брак из вооруженных сил: руководительницы РАД могли выходить замуж только с разрешения вышестоящего начальства - начальницы округа или самого имперского трудового фюрера. Только высшие руководительницы, проживавшие вне лагерей, например, начальницы округов, могли продолжать службу, получив согласие Гирля. По его же оценке, женская РАД потеряла 80% своего начальствующего состава (а это были девушки моложе 28 лет) именно из-за выхода руководительниц замуж [6. S. 97], а в соответствии с данными немецкого историка Манфреда Зайферта, ежегодно вступали в брак и увольнялись 10% начальниц Службы труда [17. S. 101].

Организованная национал-социалистами система продвижения по службе была довольно гибкой, не предусматривала непрерывного обучения, но учитывала возраст и образование девушек. Каждая руководительница вне зависимости от возраста и образования должна была начинать продвижение по службе в качестве работницы. «Она знакомится с трудом в лагере и у крестьян, учится включаться в сообщество лагеря, узнает о малых и больших заботах и нуждах, а также о радостях своих товарок. Каждая будущая руководительница... на собственном опыте должна испытать труд и сообщество в лагере и увидеть многообразные обязанности и задачи начальницы глазами работницы, прежде чем она сама будет поставлена на ответственный пост», - обосновывала такой подход руководительница отдела в имперском

управлении РАД штабсхауптфюрерин Магдалена Либиш [9. S. 12].

Многие девушки, особенно поступившие в Службу труда добровольно, заранее намеревались связать с ней свою профессиональную карьеру. Другие, чаще всего попавшие в РАД по призыву, принимали решение о продолжении службы только во время отбывания трудовой повинности. Этому содействовали начальницы трудовых лагерей, обязанные выявлять подходящие кандидатуры и проводить вербовку [9. S. 12].

Поначалу от будущих руководительниц РАД требовался небольшой объем знаний. Автор диссертации о женской Службе труда Рената Хервиг в 1935 г. объявляла наличие какого-либо профессионального образования – сельскохозяйственного, экономического, социального или педагогического – не обязательным, но «очень желательным», а критерием отбора руководительниц называла лишь «личные склонности» [4. S. 38].

В директивах имперского управления РАД 1938 г. указывалось, что начальница лагеря должна дать деловую и справедливую оценку будущей руководительницы, «в соответствии с национал-социалистическими принципами» охарактеризовав «всю личность, ее характер и образ мыслей». Следовало обратить внимание на то, что «формальное отсутствие нарушений не обязательно является предпосылкой для хорошей оценки. Необходимо тщательно проверить, вытекает ли включение в сообщество из свободного порыва души или человек делает это, только чтобы не бросаться в глаза или избежать наказаний и иных неудобств» [18. S. 195-196].

Оценка «руководящих способностей» проводилась по четырехбалльной шкале. «Отлично» - «исключительная оценка выдающихся результатов и национал-социалистической позиции в Имперской службе труда» -

выставлялась тем девушкам, которые «при порядочном образе мыслей, полноценных качествах характера и однозначном активном одобрении национал-социалистического государства и нашего сообщества вели себя образцово». Оценку «очень хорошо» получали работницы, которые демонстрировали «порядочный характер, а также соответствующий образ мыслей», отличались безупречным поведением, но не обладали необходимой внутренней самоотдачей ради дела, что квалифицировалось как «недостаток характера». Работница могла получить оценку «хорошо», если она «всем своим поведением, характером, образом мыслей хотя и не заслуживает оценки «очень хорошо», но не оказывает «внутреннего сопротивления проводимой в Службе труда воспитательной работе». Оценка «достаточно» должна была выставляться только при «обусловленном характером или образом мыслей недостаточном или плохом отношении к службе, выполнению долга и товариществу» и «частых претензиях и значительных наказаниях». При селекции будущих руководительниц играли существенную роль и расовые принципы нацизма. Одна из девушек с «ясным национал-социалистическим образом мыслей» не прошла отбор, потому что у нее были смуглая кожа и вьющиеся волосы. Сделать первый шаг по карьерному пути и быть назначенной в следующем полугодии старостой товарищества (*Kameradschaftälteste*) могли только работницы, получившие первые три оценки [18. S. 196, 204].

Позднее национал-социалисты осознали, что одни лишь личные качества – недостаточная основа для руководства девушками в трудовых лагерях. С 1939 г. претендентки на зачисление в постоянный штат РАД должны были представить не только характеристику начальницы лагеря, но и документ о посещении женской

сельскохозяйственной школы, школы домоводства Союза немецких девушек (БДМ) или прохождении в течение 1-2 месяцев практики в больнице, благотворительном учреждении либо свидетельство о получении профессии в социальной сфере или домоводстве. Только на этом основании девушку могли зачислить «для завершения образования» в одну из окружных школ руководительниц женской Службы труда [19. S. 40; 10. S. 241].

Предоставление руководительницам РАД статуса чиновников в 1939 г. повлекло за собой повышение требований к их образовательному уровню. Отныне претендентки на должность начальницы лагеря должны были представлять свидетельство о неполном среднем образовании. Поэтому в 1940 г. имперское управление Службы труда приняло решение об организации в школах женской РАД полугодичных учебных курсов, выпускникам которых выдавался аттестат о неполном среднем образовании. Обучение осуществлялось собственными преподавательскими кадрами, но под контролем органов народного образования. Руководительницы изучали немецкий язык, математику, биологию, историю и географию, предусматривалось трудовое, музыкальное и физическое воспитание. Иностранные языки, изучение которых входило в планы обычных школ для девочек, в программу обучения включены не были [18. S. 197].

Во время Второй мировой войны, когда потребность Службы труда в руководящих кадрах возросла, для женщин с законченным профессиональным и особенно высшим образованием были созданы новые возможности получения командных должностей в РАД. Девушкам в возрасте 21-23 лет после успешной проверки «личной пригодности» можно было немедленно присваивать звание юнгфюрерин и зачислять их на пробную службу. Если они

до того не отбывали трудовую повинность, то проходили трехмесячную практику в трудовом лагере и специальный трехмесячный учебный курс в окружной школе, после чего получали назначение на должность помощницы начальницы лагеря. Если эти девушки уже отслужили в трудовых лагерях, то после проверки пригодности им присваивались звания майденунтерфюрерин или майденфюрерин, и они могли назначаться начальницами лагерей. Девушки 23-25 лет могли зачисляться на пробную службу сразу в звании майденберфюрерин. Была сокращена учебная программа и для выпускниц средних школ и других претенденток в возрасте до 21 года, имеющих специальное образование. Срок их перевода на постоянную службу уменьшился с 5 до 2 месяцев [18. S. 198; 10. S. 241].

Наконец, практиковалось временное увольнение из РАД девушек, начавших карьеру руководительниц, с целью дать им возможность получить специальное, нередко – высшее образование. Это были юристы, экономисты, преподавательницы немецкого языка, истории, физкультуры. Служба труда выдавала им дотацию для завершения обучения в вузе или возбуждала ходатайство о предоставлении финансовых льгот. После восстановления в РАД и короткой стажировки в трудовых лагерях, школах и управлениях округов они получали постоянные места в Службе труда [16. S. 91, 95].

Однако основную массу начальниц женской Службы труда составляли выпускницы школ РАД. Еще указом от 7 сентября 1932 г. окружные комиссары Службы труда были уполномочены организовывать курсы руководителей продолжительностью 6 недель в подходящих трудовых лагерях. Эти курсы часто не имели постоянного педагогического персонала и пользовались услугами внештатных преподавателей [11. S. 187-188].

После прихода национал-социалистов к власти на местах стали организовываться отдельные учебные курсы, в ходе которых проводились инструктаж девушек и отбор кандидатур. В 1934 г. в женской Службе труда начинает формироваться собственная сеть школ, которые были призваны обеспечить систематический отбор и обучение штатного персонала. Каждая руководительница земельного учреждения Немецкой женской службы труда (ДФАД) стремилась создать собственный учебный лагерь, где в соответствии с потребностями округа на свой страх и риск проводилась подготовка молодого пополнения. При этом сотрудницы имперского управления Службы труда участвовали в отдельных учебных курсах и, контактируя с руководительницами школ и преподавательницами, старались унифицировать методы работы, образ жизни и содержание обучения в отдельных лагерях. С 1 июля 1934 г. в каждом земельном учреждении ДФАД появилась ответственная за обучение, в задачу которой входило обеспечение единства принципов обучения. Местом ее пребывания стала земельная школа руководительниц, где в течение нескольких недель обучалась каждая начальница лагеря [10. S. 223-224].

Однако вместо тринадцати запланированных земельных школ – по количеству округов ДФАД - было открыто только пять [11. S. 188]. Причина этого состояла не столько в нехватке финансовых средств, сколько в презрительном отношении к теоретическим знаниям в целом и педагогическому образованию в частности. Умение быть фюрером считалось врожденным талантом, приобрести который не поможет никакое обучение. В 1934 г. руководительница ДФАД Гертруда Шольц-Клинк писала: «Нельзя научить быть руководителем. Это благо, дарованное человеку при его рождении. Сама жизнь предпринимает отбор, а мы, люди, можем только одно:

попытаться понять этот проводимый жизнью отбор, поддержать его, укрепить обучением и поставить на верный путь» [15. S. 8]. Годом позднее заместитель имперского трудового фюрера по женской РАД Вилли Декер выразился более лаконично: «Фюрером нельзя сделать, быть фюрером нельзя обучить, фюрером рождаются» [1. S. 51].

Теоретики обучения в Службе труда были убеждены, что специальная подготовка к профессии начальницы достаточно обеспечивается службой в качестве работницы и посещением школы начальниц РАД. После того, как в 1936 г. женская Служба труда была присоединена к РАД, часть школ ДФАД была закрыта или преобразована в обычные трудовые лагеря. Но в это же время в связи с успехами гитлеровского правительства в борьбе с безработицей улучшилось положение на рынке труда и многие начальницы, имевшие университетские дипломы, покинули трудовые лагеря. На смену им пришли 18-19-летние девушки, желавшие сделать карьеру в трудовых лагерях, но не имевшие подходящего профессионального образования [14. S. 48-49].

Поэтому вскоре открылись новые окружные школы, в которых обучались начальницы всех уровней. В 1938 г. был сформирован низший уровень обучения – сеть лагерных школ. В следующем году, когда контингент женской Службы труда достиг 30 тысяч человек, обучение руководящего персонала проводилось в 14 школах: 5 лагерных, 8 окружных и имперской школе, открытой 19 октября 1937 г. Позднее руководство РАД открывало школы руководительниц на вновь присоединенных к Германии территориях. Так, в 1938 г. начали свою деятельность лагерная и окружная школы в Восточной Марке (Австрии) [5. S. 19; 3. S. 157]. В 1941 г. действовали

уже 23 школы женской Службы труда, а в течение 1943 г. их количество выросло с 28 до 43.

Как правило, учебные курсы продолжались около 4 месяцев, но планировалось увеличить сроки подготовки руководительниц до 5-6 месяцев. Постепенно были составлены обязательные для всех школ учебные планы [19. S. 41]. Руководительницы школ подчинялись непосредственно имперскому трудовому фюреру или руководительнице школ в имперском управлении РАД. Персонал каждой школы помимо руководительницы включал преподавателей политического занятия, физического воспитания, ремесленного воспитания, домоводства (с помощницей), садоводства и животноводства, а также управляющую и ее помощницу. В школах обучались группы численностью от 40 до 100 человек [8. S. 66-67].

Низшую ступень системы обучения в РАД образовывали *лагерные школы*, в которые зачислялись девушки, отбывшие шестимесячную трудовую повинность в качестве работниц и отслужившие еще полгода как старосты товариществ. Учебный курс одновременно проходили от 80 до 100 человек. В учебном плане лагерных школ акцент был сделан на «основательное» изучение - 32 часа в неделю – «практических предметов»: домоводства, управления, физического воспитания, музыки и танцев. Практические занятия проводились в доме, на кухне, в прачечной и саду. Этим знаниям и умениям придавалось большое значение, потому что именно они считались «естественными» областями приложения сил женщины [16. S. 79-80; 14. S. 50]. Например, будущие руководительницы должны были знать, «почему воду для стирки надо смягчать, а при составлении меню - учитывать ситуацию на рынке» [8. S. 68-69]. «Теоретическим предметам» - педагогике, политическим занятиям,

служебным занятиям, медицине - отводилось 15 часов в неделю.

Начальница отдела воспитания и обучения в имперском управлении РАД Ева Цидрих подчеркивала ведущую роль домоводства среди других предметов, изучаемых в лагерных школах. «Кандидатка в начальницы учится здесь готовить, мыть, шить, ухаживать за садом и хлевом, создавать и хранить запасы. Она учится руководить работницами на работе и видит связь между маленьким кругом лагерного и семейного хозяйства и большим хозяйством всего народа. Она узнает, что хорошее хозяйство в малом важно для жизни целого. Это основное экономическое образование нужно каждой начальнице в Службе труда, независимо от места ее службы. Кроме того, оно важно для каждой женщины». Цидрих считала необходимыми для выпускниц лагерных школ курс «основательного обучения» в области управления, внутренней службы, службы здравоохранения, государственно-политического занятия, физического воспитания и любительского ремесла. Под началом преподавательницы организовывалось свободное время, причем народные танцы, пение и художественная самодеятельность должны были культивироваться «на радость коллектива и с учетом будущей работы в лагере». На государственно-политическом занятии девушки должны были запомнить планирование, научиться обращаться с книгами и учебным материалом, давать «правильную» оценку газетам и журналам. Большое значение в лагерной школе придавалось урокам любительского ремесла, так как лагерная помощница должна была уметь минимальными средствами оформить свой лагерь красиво и со вкусом. Ей необходимо было знать способы обработки различного сырья, уметь

обходиться с инструментами и приспособлениями [20. S. 85].

Специальные учебные курсы для музыкально одаренных девушек готовили из них руководительниц по музыке, а для обучающихся, имевших склонность к рукоделию, проводился ремесленный курс [16. S. 91].

Курс обучения в лагерной школе заканчивался проверкой знаний и умений. Не справившиеся девушки признавались «непригодными», а остальные получали звание юнгфюрерин, майденунтерфюрерин или майденфюрерин и направлялись в трудовые лагеря для службы в должностях хозяйственных помощниц или управляющих [12. S. 19].

При условии безупречной службы майденфюрерин могла быть командирована в одну из *окружных школ*, выпускницы которых получали чин майденоберфюрерин и назначались на должности начальницы лагеря или ее помощницы. Именно начальница лагеря играла ведущую роль в руководстве обитательницами трудовых лагерей и их воспитании. Она должна была не только обладать педагогическими и организационными знаниями и умениями, но и вести национал-социалистический образ жизни, быть для работниц «примером во всем». Поэтому в окружной школе девушки углубленно изучали общие вопросы службы, распорядок дня в лагере, принципы руководства коллективом лагеря. Будущие начальницы овладевали содержанием и методикой проведения государственно-политических занятий, изучали теорию и практику ведения лагерного хозяйства, организации свободного времени в лагере, проходили курс физической подготовки. Формами обучения были кружки и дискуссии о методах работы в лагере [20. S. 19; 8. S. 68].

Одна из бывших руководительниц РАД, Эльза Кляйн, вспоминает, что в окружной школе в Померании ее

в течение 8 недель «основательно» научили готовить, разбивать сад, безусловно накрыть стол и сервировать его по правилам. «Мы узнали, как организовывать певческие и спортивные мероприятия в послеобеденное время. Мы упражнялись также в организации праздников, на которые приглашаются известные лица. И мы сами праздновали карнавал!». В выходные дни обитательницы школы имели возможность совершать экскурсии по Германии, передвигаясь по железной дороге [7].

В *имперскую школу* РАД принимались девушки, имевшие законченное профессиональное образование, - врачи, юристы, учительницы домоводства и физического воспитания. Зачислению предшествовало обязательное прохождение службы в одном из лагерей в качестве начальниц-стажеров. После этого в имперской школе будущих руководительниц знакомили со спецификой работы в РАД. Другой проводившийся в школе учебный курс предназначался для начальниц лагерей, руководительниц школ, отделов в округе или имперском управлении РАД, идущих на повышение по службе. Этих девушек готовили к замещению должностей начальниц групп лагерей и округов, консультанток в кадровой службе, на призывных пунктах или ответственных за работу с прессой [14. S. 50]. «Размещение школы в прекрасной местности гарантирует тихую и основательную работу, близость Берлина – связь с общением и культурой», - писала Е. Цидрих [20. S. 86; 8. S. 69].

Обращает на себя внимание тот факт, что набор изучаемых предметов во всех школах был одинаков и включал политическое воспитание, домоводство, садоводство и содержание животных, физическое воспитание, ремесленное воспитание, управление [2. S. 42]. Упор делался на «особые» черты характера, организаторские и руководящие качества, способность

любить и умение обращаться с людьми. Поэтому учебные курсы были краткими и преследовали цель быстрого выявления характеров и задатков будущих руководительниц. Позднее сумма необходимых знаний увеличилась, но главной задачей школ РАД по-прежнему оставался отбор будущих руководительниц, решающее значение в ходе которого отводилось не проверкам и экзаменам, а оценке склонностей каждой претендентки, ее одаренности, возможностей развития, способности принимать решения, силы воли. Считалось, что успешное решение этой задачи обеспечивалось знанием людей, желанием принимать решения, рассудком, добротой и терпением руководительницы школы и преподавателей. Наконец, участие обучающихся в повседневной жизни школы-лагеря должно было выявить те их качества, которые необходимы руководительнице: чувство долга, включение в сообщество, последовательное желание и способность к самореализации, особые задатки [8. S. 67].

Содержание и формы обучения в школах женской РАД, а также распорядок дня в них были сознательно ориентированы на лагерь, нередко школы располагались в одной и той же усадьбе, что и обычный лагерь. Считалось, что «в школах Службы труда не ученицы обучаются учительницами. Здесь кандидаткам в начальницы, которые на основании своей склонности и своего опыта в Службе труда приняли решение отдать все свои силы этой великой воспитательной школе нации, опытные начальницы Службы труда дают инструмент для деятельности начальницы в товарищеской форме живого сообщества труда и жизни». Поэтому «здесь не может преподаваться ни чуждая труду наука, ни специализированное искусство приготовления пищи и ведения домашнего хозяйства» [19. S. 41].

Расписанный до мельчайших деталей день в школах всех уровней начинался в 6 часов утра с короткой утренней гимнастики, после которой следовало одеться и привести в порядок постели и спальни. В 7 утра персонал школы собирался для поднятия флага, а после завтрака начинался настоящий рабочий день. До 8 часов утра участницы курсов упражнялись в хоровом пении, целью которого была не только тренировка голоса, но и обучение управлению хором и заучивание множества песен, необходимых для будущей работы в лагере. Вслед за этим для половины кандидаток проводился урок физического воспитания, причем каждая группа занималась через день. За ним следовало ежедневное практическое, чаще всего трехчасовое занятие по отдельным рабочим группам. Оно сводилось к ведению школьного, то есть лагерного, хозяйства – работе в бытовых и служебных помещениях, на кухне, в посудомоечной, саду и хлеву. Опытные преподавательницы подсказывали, как правильно выполнять те или иные работы, точно распределить время и силы. «Практическое рабочее время в школе не может привести к обучению полноценной экономки, садовницы и т.д., но имеющиеся практические знания даются в объеме, необходимом Службе труда, распознается мера ответственности и чувства долга, которая есть в каждой кандидатке и которая должна быть особенно большой для задач начальницы Службы труда» [19. S. 42]. Практические занятия включали также обучение в мастерских, где девушки пробовали ткать на ручных и механических станках и заниматься любительским ремеслом. Эти упражнения должны были воспитывать вкус будущих руководительниц и способствовать созданию уютной обстановки на будущем месте службы собственными руками.

После обеда и одночасового перерыва кандидаткам предоставлялось от одного до полутора часов на подготовку к государственно-политическому занятию и чтение книг, используемых для работы в лагерях. Затем проводилось занятие, в ходе которого обращалось внимание не только на знание учебного материала, но и на формирование методических умений, которые должны были помочь преодолеть неловкость и стеснение, возникающие у молодых начальниц на государственно-политических занятиях в лагере. Дважды в неделю после обеда проводились занятия по физкультуре, которые также ставили перед собой методические цели. Наконец, большое значение в подготовке руководительниц придавалось формированию их умения организовывать досуг работниц. Этому девушек обучали на примере их собственного свободного времени в школах. Обязательными элементами организованного отдыха в школах РАД были народные танцы, драматическая художественная самодеятельность, праздники [19. S. 43].

Изучение организации подготовки постоянного персонала Имперской Службы труда позволяет сделать вывод о том, что в первые годы гитлеровской диктатуры акцент делался на привлечение в трудовые лагеря девушек, уже имевших законченное, в том числе и высшее педагогическое, юридическое, экономическое, медицинское образование. Но растущая потребность женской РАД в руководящих кадрах и омоложение начальствующего состава Службы труда обусловили создание во второй половине 1930-х гг. трехступенчатой системы школ для обучения руководительниц разных уровней. Школы РАД, распорядок дня и быт в которых дублировали образ жизни обитательниц трудовых лагерей, были призваны развить природные задатки будущих начальниц, дополнить «врожденные» способности к

руководству людьми теоретическими знаниями и практическими умениями. Но знания, ранее полученные девушками в БДМ и других нацистских организациях, а также в трудовых лагерях, мало углублялись и расширялись. Круг вопросов, изучавшихся в школах Службы труда разных уровней, также был одинаков. Приоритет в обучении руководительниц отдавался не знаниям, а умениям и навыкам, но приобретенные в школах РАД трудовые навыки касались не работы с современными механизмами в сельском хозяйстве и быту, а примитивного ручного труда. В то же время система подготовки кадров в Службе труда, ориентированная на нацистскую индоктринацию женской молодежи, способствовала формированию у девушек таких «мужских», с точки зрения национал-социалистов, качеств, как решительность, жесткость, смелость, и открывала перед молодыми немками возможность самореализации в условиях ограничительной политики гитлеровского режима в области женского образования и профессиональной деятельности.

Библиографический список

1. *Decker W.* Der Führer im Arbeitsdienst // Der Arbeitsdienst in der Welt und die studentische Jugend. Hrsg. durch Deutsche Studentenschaft im Auftrage des deutschen Sekretariats für internationale Zusammenarbeit im studentischen Sozialdienst. Hamburg, 1935. S. 49-55.
2. *Decker W.* Der Deutsche Arbeitsdienst. Ziele, Leistungen und Organisation des Reichsarbeitsdienstes. 3. Aufl. Berlin, 1941.
3. *Erb H., Grote H.-H.* Konstantin Hierl. Der Mann und sein Werk. München, 1939.

4. *Herwig R.* Gemeinschaft und Frauenarbeitsdienst. Diss. Jena, 1935.
5. *Hierl K.* Arbeitsdienst // Die Verwaltungsakademie. Handbuch für Beamten im nationalsozialistischen Staat. Berlin, 1939.
6. *Hierl K.* Im Dienst für Deutschland. 1918-1945. Heidelberg, 1954.
7. *Klein E.* Erinnerungen an ein Leben // <http://www.omischreibt.de/Arbdien.html> (13 января 2004).
8. *Larisch A., von.* Die Schulen des Reichsarbeitsdienstes für die weibliche Jugend // Jahrbuch des Reichsarbeitsdienstes. 1941. Berlin, 1941. S. 66-70.
9. *Liebisch M.* Der Weg zur Führerin // Arbeitsmaiden. Hrsg. von der Dienststelle des Reichsarbeitsführers. Berlin, 1940.
10. *Marawske-Birkner L.* Der weibliche Arbeitsdienst. Seine Vorgeschichte und gegenwärtige Gestaltung. Leipzig, 1942.
11. *Miller G.* Erziehung durch den Reichsarbeitsdienst für die weibliche Jugend (RADwJ). Ein Beitrag zur Aufklärung nationalsozialistischer Erziehungsideologie // Erziehung und Schulung im Dritten Reich. Teil 2. Hochschule, Erwachsenenbildung. Hrsg. von M. Heinemann. Stuttgart, 1980. S. 170-193.
12. *Retzlaff H.* Arbeitsmaiden am Werk. Leipzig, 1940.
13. *Rutta L.* Der Arbeitsdienst der weiblichen Jugend im Blickfeld der Frauen Europas // Jahrbuch des Reichsarbeitsdienstes. 1942. Berlin, 1943. S. 64-67.
14. *Schiele.* Führerin im Reichsarbeitsdienst // Jahrbuch des Reichsarbeitsdienstes. 1943. Berlin, 1943. S. 48-51.
15. *Scholtz-Klink G.* Aufbau des Deutschen Frauenarbeitsdienstes. Leipzig, 1934.
16. *Schwerdtfeger-Zypries G.* Das ist der weibliche Arbeitsdienst! Berlin, 1940.
17. *Seifert M.* Kulturarbeit im Reichsarbeitsdienst: Theorie und Praxis nationalsozialistischer Kulturpflege im Kontext

historisch-politischer, organisatorischer und ideologischer Einflüsse. Münster, New York, 1996.

18. *Watzke-Otte S.* «Ich war ein einsatzbereites Glied in der Gemeinschaft»... Vorgehensweise und Wirkungsmechanismen nationalsozialistischer Erziehung am Beispiel des weiblichen Arbeitsdienstes. Frankfurt am Main, 1999.

19. *Wohnsdorf-Röbke H.* Führerinnenschulen des Arbeitsdienstes für die weibliche Jugend – Ausbildungsstätten für einen neuen Frauenberuf // Jahrbuch des Reichsarbeitsdienstes. 1937/38. Berlin, 1939. S. 40-43.

20. *Ziedrich E. M.* Die Schulen des Arbeitsdienstes für die weibliche Jugend // Jahrbuch des Reichsarbeitsdienstes. 1939. Berlin, 1940. S. 84-86.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ

С.Б. Чернецова, О.А. Акулинина (ЯГПУ)

Федеральный компонент государственного стандарта по обществознанию в контексте российских образовательных реформ

Государственный стандарт образования – основной нормативный документ, определяющий уровень образованности и гарантирующий необходимый уровень образовательных услуг во всех школах на территории Российской Федерации.

В российской педагогической практике само понятие «стандарт» впервые появляется с середины 90–х годов. Принятые в 1998 «требования к обязательному минимуму содержания основного общего образования» носили характер временных, но были утверждены специальными приказами Министерства образования. В марте 2004 приказом МО РФ № 1089 был утвержден новый Федеральный компонент государственного стандарта общего образования, разработанный в соответствии с Законом Российской Федерации «Об образовании». Федеральный компонент устанавливает обязательный минимум содержания, требования к подготовке выпускников, максимальный объем учебной нагрузки. Образовательный стандарт по учебному предмету включает цели изучения предмета, обязательный минимум содержания, требования к уровню подготовки выпускников по данному предмету. Федеральный компонент государственного стандарта среднего (полного) общего образования прописан на базовом и профильном уровне. Компонент представлен в двух форматах: прямым шрифтом выделено содержание, изучение которого является объектом контроля и оценки, курсивом выделено

содержание, которое подлежит изучению, но не является объектом контроля и не включается в требования к уровню подготовки выпускников.

В сопровождающих этот приказ инструкциях было указано, что в практику российских школ новый Федеральный компонент должен войти с сентября 2005 года. Для ряда предметов общеобразовательной школы такое «нововведение» представляется малореальным, так как речь идет практически о принципиально новых предметах под хорошо известными старыми названиями.

На наш взгляд, наиболее «революционные» изменения коснулись школьного обществоведческого образования. В новом государственном стандарте цели изучения обществознания на ступени основного общего образования даны значительно шире и более конкретизированы. Прежде всего необходимо отметить, что значительно изменена структура содержания обязательного минимума по обществознанию. Так, в прежнем варианте были выделены разделы «Общество», «Человек», «Экономическая сфера общества», «Социальная сфера общества», «Политико-правовая сфера общества», «Духовная сфера общества». В новом варианте разделов всего два: «Человек и общество» и «Основные сферы жизни общества». Во втором разделе выделяются следующие подразделы:

- Сфера духовной культуры и её особенности.
- Экономика и её роль в жизни общества.
- Социальная сфера.
- Сфера политики и социального управления.
- Право.

Безусловно, новая структура выглядит проще и доступнее. Примечательно, что начинается изучение сфер общества именно с духовной сферы. Заметно расширены и конкретизированы разделы «Экономика» и «Право».

Раздел «Человек» в новом стандарте значительно сокращён. Совсем убраны темы «Потребности и возможности человека», «Способности человека», «Сущность человеческого бытия». Понятие «Социализация» вводится как тема, но не включена в требования к уровню подготовки.

Без включения в требования введены новые темы – «Познание мира» и «Самопознание». Как обязательные, введены новые темы - «Мышление и речь», «Особенности подросткового возраста».

Пересмотрено наполнение раздела «Общество». Введены новые темы: «Формальные и неформальные группы» (без требований). «Социальный статус», «Социальная мобильность» (без требований). Сняты темы: «Ступени человеческой истории. Аграрное, индустриальное, информационное общество». Введена из социальной сферы тема «Социальный конфликт, пути его разрешения»; введены новые темы (без требований), необходимость которых в целом всем очевидна - «Человечество в 21 веке, основные вызовы и угрозы», «Причины и опасность международного терроризма».

Раздел «Основные сферы жизни общества». Введена тема «Социальные ценности и нормы». Сняты темы «Духовная жизнь», «Духовная культура», «Духовный мир человека», «Искусство и его виды», «Культурная жизнь современной России».

Экономика. Сняты темы «Государство в экономике», «Методы государственного регулирования экономики», «Экономическая политика», «Экономический рост». Взамен них введена тема «Экономические цели и функции государства». Для усиления практической направленности данного предмета введён ряд тем (без требований) - «Формы торговли и реклама», «Страховые услуги», «Профсоюз», «Международная торговля»,

«Обменные курсы валют», «Альтернативная стоимость». Ряд тем введён без включения в требования к уровню подготовки - «Инфляция», «Банковские услуги», «Экономические основы прав потребителя», «Факторы, влияющие на производительность труда», «Издержки, выручка, прибыль», «Безработица». Подраздел «Экономика и экономические науки» значительно расширен и усложнён. Так, все темы прежнего стандарта оставлены, и введены новые темы: «Рыночные структуры», «Политика защиты конкуренции и антимонопольное законодательство», «Экономические и бухгалтерские издержки и прибыль» (без требований), «Постоянные и переменные затраты», «Основные источники финансирования бизнеса», «Акции, облигации и другие ценные бумаги», «Фондовый рынок», «Основные принципы менеджмента», «Основы маркетинга». «Общественные блага», «Внешние эффекты».

Социальная сфера. Часть ранее изучавшихся понятий перемещена в раздел «Человек и общество». Снята тема «Социальное государство», «Социальная политика», «Программа социальной защиты», «Развитие социальных отношений в современной России». Введёны подразделы «Сфера политики и социального управления» и отдельный раздел «Право», в котором вводятся темы «Система законодательства», «Субъекты права», «Презумпция невиновности», «Адвокатура», «Нотариат», «Права ребенка и их защита», «Международно-правовая защита жертв вооружённых конфликтов», «Гражданские правоотношения», «Жилищные правоотношения», «Право на труд и трудовые правоотношения», «Административные правоотношения».

Далее идёт раздел «Общество как сложная динамичная система». Его подразделы: «Экономика»,

«Социальные отношения», «Политика как общественное явление».

В подразделе, посвященном собственно обществу, добавлено несколько новых тем. Это «Эволюция и революция как формы социального изменения» и «Процессы глобализации».

Далее идёт подраздел «Социальные отношения». В него включены темы «Социальный конфликт», «Проблема неполных семей», «Современная демографическая ситуация в РФ», а также введена как обязательная тема «Религиозные объединения и организации в РФ».

Подраздел «Политика как общественное явление» расширен. Введён ряд новых тем: «Политическая элита, особенности её формирования в современной России», «Политические партии и движения», «СМИ в политической системе общества», «Политическая идеология», «Политический процесс, его особенности в РФ». Многие из этих тем взяты фактически из вузовского курса «Политологии».

Далее в стандарте идёт совершенно новый раздел «Человек в системе общественных отношений». В него введён ряд тем из всех разделов. Завершающий раздел называется «Правовое регулирование общественных отношений».

В новом варианте стандарта существенно пересмотрены требования по опыту познавательной и практической деятельности учащихся. Подверглись очень серьезным изменениям требования к уровню подготовки выпускников. Резко возросла их практическая направленность. Знания рассматриваются как ориентир в повседневной жизни. В прежнем варианте стандарта (1998 г.) характеристика ЗУНов была дана довольно расплывчато. В новом варианте помимо тщательного и детального определения традиционных требований

выделены совершенно новые виды, сама формулировка которых показательна. «Использовать приобретенные знания и умения в практической деятельности и повседневной жизни для:

- 1) Полноценного выполнения типичных для подростка социальных ролей;
- 2) Общей ориентации в актуальных общественных событиях и процессах;
- 3) Нравственной и правовой оценки конкретных поступков людей;
- 4) Реализации и защиты прав человека и гражданина, осознанного выполнения гражданских обязанностей».

Даже беглое знакомство с новым Федеральным компонентом государственного стандарта по обществознанию позволяет сделать однозначные выводы о более чем существенном изменении фактического наполнения содержания школьного образования. Поскольку новый стандарт должен войти в школьную практику преподавания в ближайшее время, уместно вспомнить о том, что необходимые коррективы нужно вносить в вузовскую систему подготовки учителей истории и обществознания в плане усиления приоритетов в преподавании таких дисциплин, как экономика, социология, философия, политология.

Б.Е. Смирнов (ЯГК)

Программное обеспечение социально-гуманитарных дисциплин и методика его применения

В начале 1990-х гг. отечественные компьютерные фирмы начали выпуск энциклопедий на компакт-дисках. Однако этот тип программного обеспечения (ПО) нашел в преподавании весьма ограниченное применение, так как

может в лучшем случае использоваться в качестве источника информации для домашней подготовки учащихся, поскольку поиск информации может занять в ходе урока чрезмерно много времени.

Однако информационные технологии стремительно прогрессируют. Разработчики ПО начали создавать продукты более высокого качества и нового типа. К этой категории продуктов относятся компьютерный учебник История России. XX век (КЛИО-СОФТ); Л.Н. Боголюбов и др. Обществознание 8-11 класс, мультимедийное учебное пособие, История 5 класс, мультимедийное учебное пособие; компьютерный задачник История древнего мира. Загадки Сфинкса (МедиаХауз); История Отечества 882-1917, мультимедийный учебно-методический комплекс-супертьютор по истории России и другие. В настоящее время электронных учебных пособий (ЭУП) разного типа, которые могут использоваться в обучении студентов и школьников, насчитывается более ста, и число их быстро увеличивается. Следует отметить постоянно возрастающее качество ПО, удобство пользования ими, расширяющиеся возможности как для преподавателя, так и для учащихся. Первые программы были почти не пригодными для работы в аудитории, а некоторые даже содержали фактические и грамматические ошибки. Такие продукты время от времени продолжают появляться, но доля их в общем числе сокращается.

Обучающие и контролирующие программы, используемые преподавателями и учащимися, варьируются от простейших типа «вопрос-ответ» до очень сложных мультимедийных продуктов и даже электронных учебников, способных заменить собой целый традиционный комплекс средств обучения.

Электронное учебное пособие (электронный учебник) представляет собой программно-методический

комплекс, содержащий сведения по учебной дисциплине в соответствии с базисными положениями, соответствующими программе и госстандарту. Как правило, электронное учебное пособие становится ядром, вокруг которого возникает комплекс электронных средств обучения, приобретаемых или создаваемых по инициативе преподавателя.

Высококачественные мультимедийные продукты в образовании используют активные и интерактивные приемы обучения. В этом и заключается основное отличие их от традиционных средств обучения. Под мультимедиа понимают комплекс средств предоставления обучаемому информации: текст, звук, видео, анимацию, графику.

Интерактивными являются такие приемы организации работы с материалом, которые построены на взаимодействии с компьютером. Они являются мощным средством активизации познавательной деятельности учащихся.

На основе анализа лучших из современных ЭУП можно выявить некоторые уже устоявшиеся и продолжающие совершенствоваться черты:

- удобный, интуитивно понятный интерфейс;
- средства выхода в Интернет для связи с разработчиками продукта и другими адресатами;
- справочная система по работе с программой;
- четкая структура, т.е. разбивка по разделам, темам, параграфам и т.д.;
- связывание учебного материала с помощью гиперссылок для облегчения перехода к другим объектам при поиске нужной информации;
- словарь;
- база медиаиллюстраций;
- энциклопедические и хрестоматийные статьи;

- документы;
- аудио-видеоматериалы;
- тренажеры;
- система проверки знаний;
- возможность копирования и печати

материалов.

В зависимости от замысла авторов ЭУП может иметь форму учебника, справочника, тренажера, симулятора. Имеется много различных энциклопедий, виртуальных музеев, художественных галерей, фонотек.

Приняв решение использовать обучающие программы, преподаватель должен определить их место в комплексе средств обучения. Предварительное знакомство с содержанием курса, в том числе на основе традиционных учебных пособий (ниже упомянуты два электронных учебных пособия (ЭУП), разработанные на основе существующих учебников), не только не исключает обращения к электронному варианту, а, напротив, повышает его эффективность. Поскольку у обучающегося уже имеется некое представление о содержании курса, повторное обращение даже к знакомым темам помогает увидеть их с иных позиций, выявить в материале новые связи и отношения. Это не только повторение, а расширение и углубление знания. Кроме того, в процессе работы с электронным пособием формируются и совершенствуются учебные умения, расширяются межпредметные связи.

Из всех программных продуктов наибольший интерес вызывает мультимедийный учебник «История России XX век», созданный при участии авторов одноименного школьного учебника А.А. Данилова и Л.Г. Косулиной. Компьютерный учебник размещен на четырех дисках и содержит 278 мультимедийных лекций, озвученных профессиональным диктором, свыше 6000

иллюстраций, более двух часов озвученной кинохроники. Имеется богатый справочно-методический аппарат: текущий контроль в ходе изложения лекции, итоговый контроль в виде тестов и кроссвордов по окончании параграфа с выставлением оценок; хронология, словарь терминов, более 700 персоналий, более 30 анимированных карт, более 700 документов, более 70 звуковых документов (речи, песни разных лет и т.п.).

Существуют и другие варианты указанного учебника. Один из них включает дополнительный учебный материал, имеет возможность использования в сети и, что представляется интересным, может быть перепрограммирован самим преподавателем, по его усмотрению, вплоть до частичной или полной замены содержания.

Оба варианта имеют возможность регулярного обновления и усовершенствования путем подключения к сайту разработчиков учебника в Интернет. Текстовое содержание компьютерного учебника полностью соответствует школьному учебнику. Однако, если преподаватель придерживается иных взглядов или подхода к преподаванию истории, он может использовать практически на каждом занятии фрагменты мультимедийной лекции, имеющиеся на дисках наглядные пособия и справочные материалы.

Исходя из возможностей самого ЭУП и опыта разных преподавателей и методистов, можно предложить следующие варианты организации учебной работы на основе мультимедийного учебника по истории.

1. При соответствии числа компьютеров количеству учеников каждый учащийся на уроке самостоятельно за индивидуальным компьютером изучает новую тему, проходя ее в собственном темпе и получая итоговую оценку работы. Такой вариант в современных условиях

ограничения числа ПК в аудиториях не может широко применяться.

2. Преподаватель ведет урок изучения нового материала, используя ЭУП в качестве наглядного пособия. Урок проходит в форме лекции с использованием мультимедийного проектора, плазменной панели, нескольких размещенных в разных местах небольших мониторов или приспособленного телевизора в зависимости от их наличия. Этот вариант используется при наличии только одного компьютера в аудитории.

3. Традиционный урок, сочетающий рассказ преподавателя с групповой самостоятельной работой учащихся в компьютерном классе над отдельными частями параграфа или другими материалами мультимедийного учебника. Работа предполагает наличие нескольких компьютеров, чтобы за каждым могло разместиться не более 3-4 человек.

4. «Диагональная схема» урока, предполагающая дифференцированное обучение в условиях, когда компьютеров меньше, чем учащихся. Обучающиеся делятся на группы, выполняющие разные виды работы. По мере выполнения задания группы поочередно работают с компьютерами.

5. Изучение несколькими группами в классе различного исторического материала с последующим обсуждением. Количество компьютеров должно соответствовать количеству групп.

6. Лабораторно-практические занятия с использованием материалов и документов учебника на основе самостоятельной работы учащихся. Количество компьютеров соответствует количеству учащихся либо числу групп (при групповой работе).

7. Использование материалов мультимедийного учебника для творческой работы учащихся над рефератом

или групповым проектом. Можно организовать работу с одним компьютером по очереди как на одном, так и на нескольких занятиях.

8. Проведение различных вариантов опроса и контроля знаний учащихся. Разные варианты предполагают наличие различного количества компьютеров, но их должно быть больше одного.

9. Организация дополнительных занятий. При этом желательно наличие более одного компьютера в зависимости от количества неуспевающих.

10. Домашняя работа учащихся.

Для контроля знаний, а также в качестве средства предоставления наглядности по истории можно применить программный мультимедийный продукт «Репетитор по истории», содержащий вопросы тестов централизованного тестирования, иллюстрации, видеофрагменты. Охватывается период с древнейших времен по настоящее время. Программа предназначена для осуществления тренинга и экзамена. У преподавателя есть возможность отобрать необходимые вопросы, а также применить два уровня сложности вопросов. В режиме экзамена целесообразно применение программы при тематическом, рубежном (промежуточном) или итоговом контроле знаний.

Одним из последних мультимедийных продуктов, пригодных для использования в качестве учебного пособия, является ЭУП «Уроки отечественной истории Кирилла и Мефодия до XIX в.», содержащее учебный материал для основного образования. Этот продукт предназначен для индивидуальной работы школьника, и поэтому его использование в сети затруднено.

Большие возможности преподавателю и обучающемуся предоставляет учебно-методический комплекс-супертьютор по курсу «История Отечества», охватывающий период с 862 по 1917 гг. Он включает в

себя статьи с гипертекстовыми ссылками, иллюстрации. Как и вышеописанные программы, комплекс может применяться как для индивидуального обучения и контроля знаний, так и для фронтальной работы на занятиях или во внеурочное время.

Наконец, появилось мультимедийное электронное учебное пособие по обществознанию на 2-х дисках, созданное группой авторов под руководством Л.Н. Боголюбова. Это пособие имеет много общего по содержанию и разбивке учебного материала с учебником «Человек и общество. Обществознание» 10—11 классы: в 2-х ч. / Под ред. Л.Н. Боголюбова. М., Просвещение, 2002. Поэтому ЭУП будет полезно в первую очередь тем преподавателям и учащимся, которые пользуются указанным учебником.

Оно содержит разбитый на уроки учебный материал; богатое собрание справочно-информационных материалов (хрестоматия, словарь, биографии и др.); озвученные видеофрагменты, дополняющие и разъясняющие основной материал; изобразительный ряд (более 800 фотографий, репродукций картин, рисунков и коллажей); типологически разнообразные упражнения, с помощью которых пользователь программы имеет возможность оценить свой уровень подготовки; творческие задания по каждой теме курса с возможностью публикации выполненной работы на сайте компании-разработчика; социологический опрос с возможностью ознакомиться с его результатами на сайте компании-разработчика; две учебные игры и одну изобретательскую задачу, с помощью которых ученик закрепляет полученные знания; ссылки на Интернет-ресурсы.

ЭУП "Обществознание 8-11 класс" предназначено как для самостоятельного обучения дома (локальная версия), так и для использования в аудиторной работе

(локальная и сетевая версии). Имеющиеся в пособии материалы с успехом могут применяться в изучении других социально-гуманитарных дисциплин.

ЭУП "Обществознание" способствует эффективному усвоению материала учениками с различными способностями и с разным уровнем подготовки. Учебное пособие экономит время учителя, позволяет быстро найти интересные и необходимые учебные материалы.

На одном компьютере с указанной программой могут работать несколько пользователей (учеников). Они регистрируются под разными именами, получают индивидуальный пароль, и их результаты не смешиваются. Один из пользователей (преподаватель, разумеется, а в некоторых случаях один из обучающихся) получает особые права и становится учителем. Учитель имеет большие возможности для управления. Он может наделить одного из пользователей правами учителя. Таким образом возникает возможность организации групповой работы, в том числе работы в малых группах.

Учитель имеет возможность удалить результаты любого пользователя, а также войти в программу под именем любого пользователя, включая наделенного правами учителя.

Дополнительные варианты использования ЭУП «Обществознание» появляются у преподавателя в связи с тем, что авторы предоставили возможность доступа к материалам курса отдельно от программы по собственному усмотрению. Таким образом, преподаватель может самостоятельно, следуя собственной логике построения урока, отбирать учебный материал. Эту возможность предоставляют специальные инструменты: хрестоматия, биографии, словарь, только факты, компетентное мнение, мудрые мысли, документы, таблицы, схемы, диаграммы, изображения, иллюстрации, Интернет-ссылки, видео.

Электронное учебное издание можно использовать для любой формы обучения. Локальная версия ЭУП предназначена как для самостоятельной работы, так и для работы на уроке. Преподаватель может при объяснении нового материала в заданной последовательности или по своему замыслу пройти выбранный урок, демонстрируя на экране или мониторе отобранную информацию. При изучении основного и дополнительного материала, выполнении тренировочных и контрольных заданий оправдано сочетание ЭУП с обычным учебником и созданным его авторами учебно-методическим комплексом. Все эти возможности помогают преподавателю провести полноценный урок по обществознанию в соответствии с современными требованиями.

Особое внимание следует уделять средствам ЭУП, которые повышают интерес учащихся к предмету, - это аудио-визуальный ряд и интерактивные объекты.

Важно заметить, что представленный в ЭУП материал не полностью соответствует программе и учебнику. Поэтому в зависимости от обстоятельств, преподаватель может принять решение пройти некоторые темы ЭУП вскользь (повторить), а на другие обратить пристальное внимание. Важно не забывать, что указанный продукт дополняет, а не заменяет учебник.

В наиболее типичном случае, когда в аудитории имеется только один компьютер, ЭУП выполняет функцию предоставления наглядности. Задача преподавателя в этом случае создать условия для проявления активности и инициативы учащихся.

ЭУП "Обществознание" является эффективным средством самообразования. Учащийся может продвигаться в освоении ЭУП в индивидуальном темпе, самостоятельно определять порядок работы с

содержанием. Например, он может сам определять последовательность обращения к различным экранам ЭУП по той или иной теме, использовать дополнительный материал по собственному усмотрению. Какие-то сюжеты можно изучать в полном объеме, какие-то - фрагментарно или только на базе основного материала, без обращения к дополнительным сведениям и т. п. Таким образом, ЭУП позволяет индивидуализировать процесс обучения.

Помимо образовательной функции, ЭУП позволяет осуществлять полноценный контроль знаний. Если учащийся недоволен своими результатами, он может снова выполнить задание, повторив материалы урока. В этом ему помогут закладки и подсказки.

Стоит обратить внимание на возможности использования ЭУП при повторении и подготовке к итоговому контролю. Такое использование ЭУП представляется весьма перспективным.

Следует заметить, что содержащиеся на дисках элементы названных ЭУП могут широко использоваться преподавателем-разработчиком при создании собственного программного обеспечения преподаваемых дисциплин.

Если проследить тенденции в развитии средств обучения, можно обнаружить возрастание доли ЭУП. Со временем они, вероятно, будут использоваться очень широко. Не исключена вероятность вытеснения ими традиционных средств обучения. Преподаватели социально-гуманитарных дисциплин должны быть готовы к такой перспективе. Им нужно серьезно осваивать компьютер, овладевать компьютерными технологиями обучения студентов и школьников, причем это нельзя откладывать на завтра, иначе можно отстать от жизни.

Гендерный аспект преподавания истории: теория и методология вопроса

Среди основных современных требований к уроку называют правильный выбор типа урока, средств и методов его проведения и соответствие приемов учебной работы индивидуальным особенностям и познавательным возможностям учащихся. Однако при этом редко говорится о половой (полоролевой, гендерной) индивидуальности. А ведь пол - первая категория, в которой человек осмысливает себя как индивидуальность.

В истории в последние годы гендерный подход приобрёл большую популярность. На исторических факультетах студентам дается представление о гендерной истории как направлении исторической науки. Во многих университетах страны введены специальные курсы либо проводятся семинары по данной проблематике.

Однако специфика реализации гендерного подхода в процессе обучения истории в школе пока не нашла отражения в методике преподавания истории. Возможность применения знаний о полоролевой специфике педагогического процесса в сфере исторического образования не учитывается: полноценных рекомендаций, а тем более методик, практически не существует.

В современной исторической науке существуют два подхода к пониманию термина «гендер»: во-первых, он соотносится с женским началом (таким образом, гендерная история – это «история женщин»), во-вторых, он подразумевает социальную характеристику пола (и именно в этом значении его использует педагогика). Мы в своем исследовании будем придерживаться второго подхода.

Столпом, на котором базируется «гендерный подход» в образовании, является психология. Именно она положила начало исследованию «пола» не как биологической характеристики человека, а как социальной. Уже в конце XIX века появляются первые работы по психологии, рассматривающие пол как социальную характеристику человека (А. Бине, Ф. Фатон, А. Вулье и др.).

В нашей стране психология пола получила импульс к развитию благодаря инициативе крупнейшего отечественного психолога Б.Г.Ананьева. Его ученики и последователи при изучении различных характеристик психики человека обнаружили особенности пола в реактивности организма (Г.И. Акинщикова), в психомоторике (Н.А.Розе), в системах нейропсихической регуляции (А.В. Буровцева), в интеллекте (М.Д. Дворяшина), в социальных отношениях (А.А. Бодалев, И.С. Кон, В.А. Куц, Ю.Э. Шайгородский). Ими было показано, что пол как важнейший анатомо-физиологический фактор влияет на проявление личностных особенностей человека.

В 90-е годы был опубликован ряд обзорных и эмпирических работ по проблеме половой социализации. В работах В.С. Агеева, Ю.Е. Алешинной, А.С. Волович, В.Е.Кагана, Т.И. Юферевой, Я.А. Коломинского, М.Х. Мелтсаса представлены исследования по проблемам усвоения социальных ролей мужчинами и женщинами, полоролевых стереотипов и установок, анализ факторов успешности полоролевой социализации и функционирования, обзор теорий социализации в западной и отечественной психологии. В этот период появляется большое количество узких работ, посвященных вопросам лидерства, темперамента, ценностных ориентаций.

Однако обобщающих трудов по гендерной проблематике не существует. Это связано, возможно, с

недостаточной изученностью ряда вопросов, противоречивостью эмпирических данных, незрелостью гендерного направления исследований.

Гендерные исследования в области педагогики представлены научными статьями, затрагивающими проблемы раздельного обучения (в том числе его преимущества и недостатки), на материале экспериментов в детских садах и классах начальной школы. Внимание педагогов, психологов все больше привлекают вопросы специфики воспитания детей с учетом полоролевых различий в общении и поведении, интеллектуальных способностях и т.д.

Перечень диссертаций по рассматриваемой проблеме пока крайне скуден. Исследования в области гендерной проблематики в российской педагогической науке не имеют целостной научной концепции. В настоящее время ведется разработка теории гендерного воспитания в системе школьного образования и анализ проблем гендерного измерения в социальном и гуманитарном знании (Л.В. Штылева); изучаются гендерные аспекты профессионально-личностного развития женщины (В.Г. Горчакова); психолого-физиологические особенности мужчин и женщин (Н.П. Реброва).

Исходя из заявленных тем научных изысканий, можно констатировать, что в российской педагогической науке начался процесс научного оформления теоретико-методологических основ гендерного измерения педагогического процесса в различных сферах и конституирование гендерной педагогики как новой отрасли педагогических знаний.

С. А. Иванова (ЯГПУ)

Использование учебников «Российская история Нового времени XVI-XVIII вв.» и «Всемирная история Нового времени (конец XV-XVIII век)» образовательной системы «Школа 2100» на уроках в 7 классе средней школы

Образовательная система (ОС) «Школа 2100» является результатом одной из первых в постсоветской России попыток создания целостной образовательной системы, начиная от дошкольного периода до старшей школы как минимум и до высшей школы как максимум. На сегодняшний день по этой образовательной системе работают около пяти тысяч российских школ. ОС «Школа 2100» - это личностно-ориентированное, развивающее, вариативное, непрерывное образование для массовой школы (дошкольная подготовка, начальная школа, основная старшая школа), что подразумевает стремление к модернизации российского образования в качестве приоритетного направления. ОС «Школа 2100» рассчитана на максимальное раскрытие личностных качеств ученика и учителя в процессе совместной деятельности, результатом которой является формирование функционально грамотной личности. ОС «Школа 2100» включает в себя четыре неразрывных составляющих: методологическую и теоретическую базу; систему апробации и мониторинга обучения учеников; многоуровневую систему переподготовки педагогических кадров. Наконец, важной составляющей ОС «Школа 2100» являются пособия, методические разработки и учебники, написанные в едином методическом, дидактическом и психологическом пространствах.

В частности, с начала 2004/5 учебного года в седьмых классах МОУ СОШ № 87 применяется комплект

учебников «Российская история Нового времени XVI-XVIII вв.» и «Всемирная история Нового времени (конец XV-XVIII век)» [1; 2]. Авторы отсчитывают раннее Новое время для всемирной истории с начала Великих географических открытий в конце XV в., а для российской истории – с завершения процесса формирования Российского государства на рубеже XV-XVI вв. Главной особенностью комплекта является теснейшая интеграция учебников. Это касается не только единых принципов построения содержания и методического аппарата, но и системы перекрестных методических ссылок, когда специальные вопросы ориентируют ученика при изучении материала российской истории обращаться к использованию материалов истории зарубежной. Структура учебников делает возможным как последовательное преподавание всемирной (первое полугодие) и российской (второе полугодие) истории, так и перекрестное преподавание (по одной главе из каждого учебника). В основу методологической схемы учебников и содержания программ положена теория модернизации, а для объяснения социально-экономических процессов используются элементы формационной теории [5. С. 402-407, 428-432]. Учебники «Российская история Нового времени XVI-XVIII вв.» и «Всемирная история Нового времени (конец XV-XVIII век)» реализуют принцип минимакса, который позволяет построить индивидуальную образовательную траекторию для каждого ученика, реализовать свою индивидуальность каждому учителю, легко скорректировать работу в зависимости от своеобразия класса, а также имеют полное методическое обеспечение и единый подход к технологии обучения.

Как указывает Министерство образования и науки РФ, одним из недостатков подавляющего большинства

учебников по истории является то, что они «до сих пор рассчитаны в основном на передачу ученикам знаний, а не на развитие учащегося, его творческую деятельность, слабо формируют независимый стиль мышления... не в полной мере решают задачи патриотического и нравственного воспитания». С целью исправить этот недостаток общепринятые цели образования в системе «Школа 2100» формулируются как линии развития личности ученика. Таким образом, приоритетным при изучении любого предмета, в том числе истории, является развитие личности, то есть приобретение учеником новых возможностей по разным направлениям (линиям).

Учебный материал и методический аппарат учебников «Российская история Нового времени XVI-XVIII вв.» и «Всемирная история Нового времени (конец XV-XVIII век)» соответствуют пяти линиям развития личности средствами учебного предмета «история». Первая линия ориентирована на складывание *картины мира в фактах*, то есть формирование в сознании ученика историко-обществоведческой части общей картины мира в виде фактов, расположенных во времени и пространстве. Вторая линия – *картина мира в понятиях* - предусматривает овладение учеником историко-обществоведческой частью общей картины мира в виде системы абстрактных понятий и терминов. Третья линия развития – *историчность мышления*, что означает способность воспринимать каждый факт и всю картину в целом с позиции развития; это предполагает самостоятельное выделение причинно-следственных взаимосвязей и восприятие фактов как результатов действий конкретных личностей. Четвертая линия нацелена на *нравственное самоопределение* учащегося, то есть овладение способностью воспринимать общественно-исторические факты через призму личной нравственной

оценки, основанной на гуманистических ценностях. Наконец, пятая линия имеет целью содействовать *культурному, гражданскому и патриотическому самоопределению* – способности школьника соотносить себя с определенной культурной традицией, занимать общественно значимую позицию, испытывать гражданские и патриотические чувства, проявлять толерантность по отношению к иному выбору.

Основная сложность, возникающая при использовании учебников ОС «Школа 2100» на уроках истории в 7 классе, связана с нехваткой времени. Создание проблемной ситуации, формулирование проблемы, выдвижение гипотез, актуализация уже имеющихся знаний требуют от 10 до 20 минут. В том случае, когда 20 минут в начале урока было отведено на проверку домашнего задания по предыдущей теме, на открытие нового знания времени уже не остается. Поэтому авторы учебников ОС «Школа 2100» предлагают использовать метод предварительного чтения учениками параграфа. Тексты учебника (введение, параграфы, тексты на повторение) разделены на смысловые фрагменты, каждый из которых имеет номер (от 1 до 4) и название. Все смысловые фрагменты завершаются выводами, а из них складывается общий вывод параграфа. Методический аппарат учебников допускает использование традиционных методов преподавания (около половины вопросов и заданий), но в целом рассчитан на технологию развивающего обучения (80-100% вопросов и заданий). Основой этой технологии является проблемный метод освоения нового материала.

Это позволяет начать урок с создания проблемной ситуации, используя содержащиеся в учебнике источники или беседу с учениками. Когда противоречие между двумя фактами выявлено, учитель предлагает ученикам сформулировать основной вопрос (проблему) и записывает

его на доске. После этого ученикам задается вопрос об имеющихся знаниях, необходимых для решения новой проблемы. Начинается этап анализа, в ходе которого проверяется и одновременно закрепляется тот материал, который был изучен на предыдущем уроке. Используемые в этом случае факты и понятия могут быть изучены на прошлом уроке, пять или двадцать уроков назад, но их постоянное припоминание на этапах актуализации обеспечивает устойчивое закрепление. После того, как все нужные знания актуализированы, следует вопрос: «А что нам нужно узнать, чтобы решить вопрос?» Вместе с учениками определяется план урока, и в течение оставшихся 20-30 минут они будут выполнять задания по работе с текстом в процесс эвристической беседы, индивидуально, работая в малых группах и т.д. Таким способом будет открываться новое знание, и после каждого этапа учитель сможет задавать вопросы: «Какое решение проблемы мы сейчас получили?», «Чем мы дополним наше решение?» [3. С. 58; 4. С. 174].

Вопросы перед текстом параграфа репродуктивны и нацелены на активизацию знаний, полученных на предыдущих уроках и необходимых в новой теме. Они разделены на три группы: самые главные теоретические понятия, простые понятия, основные факты. После вопроса на актуализацию в скобках содержится указание на параграф, учебник, справочный материал, к которому можно обратиться, если ученик не может сразу дать ответ.

Вопросы и задания после учебного текста ориентированы на творческую, конструктивную работу с изучаемым материалом. При этом каждый номер вопроса или задания соответствует номеру одного из разделов параграфа. Маркировка этих вопросов и заданий указывает, в рамках какой линии развития личности они ставятся. Следует помнить, что эти задания даны в расчете

на выбор ученика и учителя, на организацию групповой работы, поэтому учителю не следует стремиться выполнить с классом в течение урока все задания.

Вопросы и задания к встроенным в текст картам, схемам и иллюстрациям предполагают самостоятельный поиск знаний по соответствующим разделам параграфа без помощи текста или параллельно с ним.

Результаты проведенного после полугода занятий по ОС «Школа 2100» анкетирования показывают, что, по мнению самих семиклассников, большинство из них обладает умением аналитически обрабатывать информацию (первая-третья линии развития личности): выделять в историческом материале главное и обобщать факты (72%), представлять мотивы поступков людей прошлого (68%), хронологическими умениями (64%), умением сравнивать (64%), ставить проблему (64%). Более половины школьников высоко оценивают приобретенные ими навыки работы с историческими источниками (60%) и выдвижения гипотез (55%), менее половины - умения группировать материал (48%), выявлять логическую последовательность событий и процессов (48%).

Наибольшие сложности у обучающихся вызывает выработка умений, связанных с нравственным и культурно-гражданским самоопределением (четвертая и пятая линии развития личности): способность толерантно определять свое отношение к другим позициям (60%), выявлять гуманистические нравственные ценности (44%) и объяснять свои оценки исторических явлений (44%). Причины трудностей школьники видят в собственной невнимательности и нежелании прочитывать большой объем учебного текста. В этой связи у некоторых из них возникает упрек в адрес учебников в чрезмерной информативности.

Интерпретация данных анкетирования позволяет сделать вывод о позитивном отношении учащихся к проблемному преподаванию истории, отличающемуся от преподавания других предметов. Многие из них указали, что им нравится на уроке «всё» и они не жалеют о том, что присутствуют на уроках истории, поскольку здесь можно научиться тому, чему не обучают на других уроках, - понимать материал, ставить и решать проблемы. Позитивное отношение к предмету возникает благодаря возможности высказать свое мнение, работать с историческими источниками, контурными картами и помещенными в учебниках иллюстрациями.

Опыт преподавания истории по учебникам ОС «Школа 2100» в 7 классе показывает, что возникающие у учащихся проблемы связаны с отсутствием преемственности в преподавании истории и обществоведческих дисциплин между начальной и средней школой, несформированностью культуры общения (навыки участия в диалоге, ведения дискуссии), незаинтересованностью родителей в результатах обучения истории. Это позволяет сделать вывод о том, что перед учителем истории, работающим по ОС «Школа 2100», стоят три основных задачи: 1) добиться включения учащихся в самостоятельную познавательную деятельность, 2) обеспечить эмоциональную поддержку обучающихся, создать каждому ученику ситуацию успеха на основе применения индивидуальных эталонов оценивания, 3) периодически проводить экспертизу полученных результатов. При условии успешного решения этих задач использование проблемно-диалогической технологии позволяет сформировать у семиклассников устойчивую положительную мотивацию обучения.

Библиографический список

1. Данилов Д. Д., Павлова Н. С., Рогожкин В. А. Российская история Нового времени XVI-XVIII вв. М., 2004.
2. Данилов Д. Д., Репников А. В., Рогожкин В. А. Всемирная история Нового времени (конец XV-XVIII век). М., 2004.
3. Мельникова Е. Л. Проблемный урок, или Как открывать знания вместе с учениками. М., 2002.
4. Образовательная система «Школа 2100». Педагогика здравого смысла: Сборник материалов. М., 2003.
5. Образовательная система «Школа 2100». Сборник программ. Дошкольная подготовка. Начальная школа. Основная и старшая школа. М., 2004.

Н.А. Валеева, Е.В. Козырева (ЯГПУ)

**Формирование у учащихся навыков
дискуссионного взаимодействия с учетом
специфики мотивационного билдинга**

На современном этапе развития педагогической мысли провозглашен переход к личностно-ориентированному обучению. Вследствие этого особую актуальность приобретает проблема формирования у учащихся навыков межличностного взаимодействия и устойчивой мотивации к её осуществлению.

В практике преподавания учебных дисциплин накоплен достаточный опыт по организации групповой формы работы, основанной на применении дискуссионных технологий, легко вписывающихся в существующую классно-урочную систему занятий. Не затрагивая содержания, дискуссионные технологии позволяют достигать целей по каждому изучаемому предмету альтернативными традиционным методами, сохраняя достижения дидактики, психологии и различных частных методик.

Возникающие попытки компенсировать мотивацией недочёты компонентов всей системы деятельности мы называем «мотивационным билдингом». Данное понятие также характеризует явление, связанное с деятельностью, мотивированной недостаточно сильной потребностью, и попыткой актуализировать потребность, не являющуюся доминирующей во всей иерархической структуре потребностей личности. Оптимальное соотношение всех детерминант мотивационной сферы личности имеет, на наш взгляд, прямо пропорциональную зависимость от степени развития и взаимодействия трёх уровней сознания: подсознания, сознания, сверхсознания как механизмов сохранения прошлого опыта; генерации гипотезы творческой интуицией; отбора гипотез и формулировки вопроса, подлежащего разрешению.

Мотивация, динамизируя и организуя всю систему деятельности, не способна заменить другие необходимые компоненты системы. Дискуссионная деятельность при наличии высокой мотивации предполагает такие структурные составляющие, как целеобразование, информационную основу деятельности, антиципирование, планирование, принятие решения, контроль, коррекцию и др. Недостаточный учёт значения и особенностей всех составляющих инвариантной структуры деятельности может выступить условием возникновения «мотивационного билдинга». Для предупреждения подобных явлений учащимся необходимо сознавать, что эффективность проведения дискуссии зависит от:

- степени информированности участников по учебной проблеме;
- единообразия в понимании, трактовке дефиниций;
- корректного поведения участников;
- коллективности (осознания и принятия целей, взаимной зависимости, ответственности за результат).

- обращенности не столько на результат, сколько на способ своих и партнера действий.

Возникающий в ходе дискуссии межличностный конфликт, где каждый защищает свою позицию, преодолевается на основе грамотной организации коммуникации в дискуссии, проходящей три стадии развития.

На первой стадии учащиеся адаптируются к проблеме и друг к другу, то есть в это время вырабатывается установка на решение поставленной проблемы на основе необходимой и достаточной мотивации (изложение проблемы, определение её значимости, нерешенных и противоречивых вопросов, ожидаемого результата), складывается положительный эмоциональный фон.

Вторая стадия — *стадия оценки* — обычно предполагает ситуацию сопоставления идей, которая в случае неумелого руководства дискуссией может перерасти в конфликт личностей.

Третья стадия - *стадия консолидации* — предполагает выработку определенных единых или компромиссных мнений, позиций, решений. Задачи, которые должен решить преподаватель, можно сформулировать следующим образом:

- Проанализировать дискуссию, сопоставив сформулированную в начале дискуссии цель с полученными результатами, сделать выводы, оценить результаты, выявить их положительные и отрицательные стороны.

- Добиться чувства удовлетворения у большинства участников, то есть поблагодарить всех за активную работу, выделить тех, кто помог в решении проблемы.

При организации совместной деятельности, наличии побуждения работать вместе (индивидуальной мотивации и сформированной общей мотивации) должны

учитываться следующие обязательные компоненты коллективной деятельности: единая цель для всех участников, распределение функций между членами группы, взаимосвязь участников деятельности, согласование функционально распределённых и интегрированных индивидуальных деятельностей, наличие управления, конечный результат, единое пространственно-временное функционирование всех участников совместной деятельности.

Дискуссионные технологии обеспечивают не только высокий уровень и прочность усвоения знаний по предмету, но содействуют выработке критического мышления обучаемых, самостоятельности и аргументированности суждений, доброжелательности по отношению ко всем участникам обсуждения, позволяют преодолеть негативные последствия недостаточного учета учащимися специфики коммуникативной деятельности в процессе учения, основанного на специфике «мотивационного билдинга».

Н.А. Валеева (ЯГПУ)

**Обучение школьников на уроках обществоведения
навыкам толерантного решения конфликта путём
моделирования вариантов поведения: обзор
зарубежных публикаций**

В психолого-педагогической литературе последнего десятилетия актуализировалось обсуждение проблемы насилия в обществе, получившего значительное распространение в подростковой среде.

Основной целью предметов обществоведческого цикла является подготовка учащихся к успешной самореализации в изменяющихся условиях современного мира, формирование уважения к демократическим

ценностям и активной гражданской позиции. Вследствие этого иностранные специалисты полагают, что ведущее место должно занимать:

- сообщение учащимся определённой суммы знаний, базирующихся на понимании законности и её роли в историческом процессе, осознании возможных альтернатив насилию по отношению к представителям иных социальных, этнических, религиозных групп;
- формирование умения решать конфликтные ситуации на основе коллективной рефлексии и аффилиации, понимаемой как стремление к взаимодействию с «другими»;
- создание установки на признание эмпатии в качестве определяющего фактора при выборе поведенческой стратегии в межличностном общении;
- обучение моделям поведения, основанным на осознании личной ответственности за собственное поведение, коррекции поведения участников в ситуации конфликта идей или мнений.

В иностранной научной литературе сохраняется тенденция к объяснению природы насилия на основе идей Зигмунда Фрейда, Конрада Лоренца, Джона Долларда. При этом термины «агрессия», «деструкция», «насилие» рассматриваются как синонимичные. Первая группа учёных полагает, что стремление человека к агрессивному поведению является врожденным и обусловлено генетическими факторами; бихевиористы защищают противоположную концепцию. Третьи выдвигают идею «третьего» пути складывания тенденции к насилию, отмечая, что анализ биографий доказывает тезис о «социальном» происхождении агрессии.

Объектами агрессии выступают так называемые «другие», к которым люди относят лиц, с которым им себя сложно идентифицировать по различным причинам. Так, в

Америке к ним причисляются некоренные жители страны (эмигранты, «вынужденные переселенцы», требующие предоставления политического убежища), представители недоминирующих конфессий (мусульмане) и этнических групп (арабы).

При этом выделяются следующие формы агрессивного поведения со стороны личности:

- выраженная агрессия, когда процесс самоидентификации приводит к деструктивному типу индивидуализации, выражающемуся в стремлении к подавлению;
- инструментальное насилие, когда отрицается сама возможность принимать другого человека со всеми его особенностями таким, какой он есть;
- регрессивная агрессия, когда происходит процесс фиксации сознания личности на образе некоего врага, который личность начинает «транслировать» на окружающих.

Возможности для предотвращения насильственного поведения расширяются, если внешнее воздействие со стороны педагога начинается на стадии формирования агрессивных тенденций. Для диагностирования склонности к подобному интолерантному типу поведения в психолого-педагогических исследованиях разработаны тренинги, позволяющие выявить отклонение от «здорового баланса» эталонного поведенческого образца.

Личностная индивидуальность позиционно раскрывается в осознании собственного способа взаимодействия с окружающими, определении собственного отношения к ним, фиксации чувств и идей, влияющих на действия человека. В некоторых случаях у учащихся проявляется тенденция к «черно-белому», упрощенному восприятию действительности, что может повлечь за собой склонность к конформистскому поведению, принимающему

экстремальные выражения («Я не считаюсь, группа – это всё, я буду действовать как все» или «Я – самая значительная персона, остальные должны адаптироваться ко мне»).

Указанный тип нетерпимого поведения на основе отказа от компромиссного решения конфликтных ситуаций может преодолеваться на основе выработки эмоционально окрашенного, личностного отношения к событиям и явлениям современности. Ведущим методом обучения при этом, по мысли зарубежных специалистов, должна стать дискуссия, диалог, дебаты, основанные на групповом обсуждении. Дискуссия включает целенаправленный обмен мнениями, возникающий в свободном демократическом пространстве, который имеет следующую классификацию:

- дискуссия как форма совместного группового исследования, включающая слушание и говорение;
- совместное обдумывание, совещание, имеющее целью выработать план действий, помогающий решить проблему, с которой столкнулась группа. Суть обдумывания состоит во взвешивании альтернатив решения спорного вопроса.

Однако Майкл Пезон подчеркивает, что понятие «дискуссия» не есть синоним «дебатов» - всё, что учащиеся отдельной группы вместе узнают о теме обсуждения, «присваивается» остальным классом.

Роль диалога состоит в том, что именно через такую форму обучения учащиеся начинают осознавать, что демократическое общество включает в себя комбинацию индивидуальных прав личности и социальной ответственности, коллективный способ принятия решений а также цели, разделяемые всем сообществом. Ученики понимают, что демократическое общественное устройство зачастую несет в себе семена напряжённости между волей

большинства и правами меньшинства, но указанную ситуацию не следует считать само собой разумеющейся, поскольку продвижение по демократическому пути развития включает риск подобного развития событий.

Темы, предлагаемые ученикам для дискуссии, можно условно разделить на несколько групп.

- Связанные с профилактикой правонарушений среди молодёжи, где рассматриваются такие вопросы, как легализация оружия и возможность его продажи несовершеннолетним, история становления системы уголовного законодательства в отношении несовершеннолетних на примере изучения отдельных случаев из судебной практики.

- История складывания мировых религий, базирующихся на определённых религиозных верованиях и ценностях, определяющих способ мышления нации в целом и отдельных её представителей.

- Исследование сути и идейных истоков терроризма в мировых и национальных масштабах, процесса формирования на этой основе предубеждённости и негативных этнических стереотипов в восприятии отдельных этнических групп.

- Кросс-культурные исследования.

Библиографический список

1. Michael Pezone, Alan Singer, *Improving Immigrant Students Through Democratic Dialogues* // *Social Education* 61(2), 1997, pp. 75 – 79.
2. Michael D.Evans, *Using Classroom Debates as a Learning Tool* // *Social Education* 57(7), 1993, p. 370.
3. Walter C. Parker, *Classroom Discussion: Models for Leading Seminars and Deliberations* // *Social Education* 65(2), 2001, pp. 111 – 115.

4. *Attitude instead of Attack. Resolving Conflict and Preventing Violence – Strategies for Vocational Training. Schemes for Trainers.* – Herausgeber. 1998 by W.Bertelsmann Verlag, Bielefeld.
5. D.Elliot, *Youth Violence: An Overview*, prepared for Aspen Institutes Children Policy Forum, Children and Violence Conference (February 1994).
6. Kennet T.Henson, Ben F.Eller, *Educational Psychology for Effective Teaching* .1999 by Wadsworth Publishing Company.
7. Jennifer Truran Rothwell, *What Is Justice for Juveniles?* // *Social Education* 61(5), 1997, pp. 265 – 267.
8. Karima Alavi, *At Risk of Prejudice. Teaching Tolerance about Muslim Americans* // *Social Education* 65(6), 2001, pp. 344 – 348.
9. Tzylmei Alexasia Shin, *Finding the Niche. Friendship Formation of Immigrant Adolescent* // *Youth and Society*, Vol. 30 No. 2, December 1998 pp. 209 – 240.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

М.В. Талашов Проблема славяно-хазарских отношений в отечественной историографии XX в.	3
А.В. Бородкин «Эстонский цех колдунов». К вопросу о начале Реформации в Ливонии.....	11
Е.М. Никифоренко, И.С. Копылова Поборник русского просвещения (И.Т. Посошков).....	19
Ю.С. Крюкова Воспитание нравственности в российском масонстве XVIII века.....	24
Е.Л. Сараева Понятие европеизма в учении классических западников.....	32
Т.В. Куперасова Идея личности в системе ценностей радикальной интеллигенции.....	38
Р.А. Смирнов Эволюция ярославского дворянского общества в XIX- начале XX века: проблемы сословного образования и воспитания.	43
О.В. Дубичев Проблемы природопользования в российском законодательстве на рубеже XIX – XX вв.....	50
Г.В. Карандашев Нелегальное производство и оборот спиртосодержащей продукции в период действия «сухого» закона (по материалам ярославского губернского Акцизного управления за 1914-1917 гг).....	55
Г.Н. Кочешков Всероссийский союз земельных собственников: основные этапы деятельности (1905-1917 гг.).....	61
А.В. Еремин Государственно-церковные отношения во второй половине 90-х гг. XX века.....	70
О.В. Ольнева Продовольственные волнения в Ярославле летом-осенью 1917 года.....	75
Н.А. Миронова Агитационная и пропагандистская деятельность большевиков в 1920-1925 г. (по материалам Ярославской области).....	83

Е.Н. Стремоусова Формирование и функционирование управленческих кадров на низовом уровне в СССР в годы нэпа: постановка проблемы.	90
П.Г. Аграфонов Археологическое изучение Ярославского края в 30-е годы XX столетия.	97
О.Н. Глявина Партизанское движение на Брянщине в отечественной историографии.	108
А.А. Некрасов Дискуссии о сталинизме в современной западной историографии.	115
Е.В. Мухин Мироззрение и личностные черты регионального познесоветского чиновника (анализ мемуаров В.Ф. Торопова «Незабываемое»).....	122
В.В. Жарков Смешанная система комплектования в общей системе реформирования Вооруженных Сил в 30-е годы XX века.	130
А.И. Зузульский Об участии ярославцев в подпольной борьбе против гитлеровского фашизма.	140
А.М. Новоторцева Проблемы иностранного и отечественного предпринимательства в российском промысловом законодательстве в конце XIX – начале XX века.	146
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ	159
А.Э. Афанасьева Инструмент империи: тропическая медицина в европейской колониальной истории.	159
Е.Е. Лях Проблема теодицеи в текстах новозаветных апокрифов.	163
А.А. Александров Проблемы интеграции и реформирования государственного союза.	170
Ю. Е. Барлова Визуальная пропаганда в политическом пространстве Англии второй половины XVIII в.	179
А.А. Турыгин "Поворот" к социальной истории в германской историографии: Г. – У. Велер.	185

А.И. Миронос Отечественная историография английской дипломатии «эпохи конгрессов» (1815-1822 гг.).....	194
А.Н. Савинова Концепция внешней политики Фридриха II Прусского в “Политическом завещании 1752 г.”.....	199
А.М. Ермаков Подготовка руководящих кадров женской Службы труда в нацистской Германии.....	206
МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ.....	225
С.Б. Чернецова, О.А. Акулинина Федеральный компонент государственного стандарта по обществознанию в контексте российских образовательных реформ.....	225
Б.Е. Смирнов (ЯГК) Программное обеспечение социально-гуманитарных дисциплин и методика его применения.....	230
Я.С. Соловьёв Гендерный аспект преподавания истории: теория и методология вопроса.....	241
С.А. Иванова Использование учебников «Российская история Нового времени XVI-XVIII вв.» и «Всемирная история Нового времени (конец XV-XVIII век)» образовательной системы «Школа 2100» на уроках в 7 классе средней школы	244
Н.А. Валеева, Е.В. Козырева Формирование у учащихся навыков дискуссионного взаимодействия с учетом специфики мотивационного билдинга.....	251
Н.А. Валеева Обучение школьников на уроках обществоведения навыкам толерантного решения конфликта путём моделирования вариантов поведения: обзор зарубежных публикаций.....	254

Вопросы отечественной и зарубежной истории
Материалы конференции «Чтения Ушинского»
исторического факультета

Редактор Л.К. Шереметьева
Компьютерная верстка – Ю.В. Машонина

Подписано в печать 13.12.05
Формат 60х90/16.
Объем 16,5 . Тираж 100 экз. Заказ 798

Редакционно-издательский отдел
Ярославского государственного педагогического университета
имени К.Д. Ушинского
150000, Ярославль, Республиканская ул., 108
Типография ЯГПУ
150000, Ярославль, Которосльская наб., 44